

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТАГАНРОГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
РАДИОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Актуальные проблемы современной науки

И.В. ЛЫСАК

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА**

Ростов-на-Дону – Таганрог

2004

ББК 87.617.1

Л 886

Л 886 Лысак И.В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ, 2004. – 160 с.

ISBN 5-8327-0189-5

Предлагаемая вниманию читателей монография содержит философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека. В ней изложены биопсихические и социокультурные детерминанты деструктивной деятельности, проанализированы основные формы и способы деструкции, выявлена специфика деструктивной деятельности человека в информационном обществе. Книга рассчитана на научных работников, преподавателей философских дисциплин, аспирантов и студентов, изучающих философскую антропологию.

Рецензенты:

Е.Е. Несмеянов, д-р философских наук, профессор, заместитель директора государственного научного учреждения «Северо-Кавказский научный центр высшей школы».

Кафедра социологии и политологии Ростовского государственного педагогического университета. **М.Р. Радовель**, д-р философских наук, профессор, заведующий кафедрой.

ISBN 5-8327-0189-5

© И.В. Лысак, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Глубокие социальные изменения, происходящие в мире в начале XXI века, заставляют по-новому взглянуть на ряд феноменов, исследованию которых ранее уделялось недостаточно внимания. Один из них – **деструктивная деятельность человека**. Разрушительная сторона человеческой природы особенно ярко проявилась в XX веке: массовые убийства, революции, войны, многочисленные террористические акты. Средства массовой информации ежедневно сообщают о совершающихся даже в самых благополучных странах насильственных преступлениях. Призванные способствовать снижению деструктивности моральные, религиозные и правовые нормы не в состоянии полностью предотвратить ее. Даже самые комфортные условия существования не приводят к снижению деструктивности, причем она проявляется не только в отношении людей друг к другу: и природная среда, и памятники культуры, и простейшие предметы подвергаются бессмысленному разрушению. Учитывая современный уровень развития техники и технологии, деструктивная деятельность в настоящее время представляет реальную угрозу не только для отдельных социальных групп, но и для всего человечества.

Для сегодняшней России данная проблема особо актуальна, так как в стране, находящейся в условиях затянувшегося процесса трансформации, практически не существует общепринятой системы ценностей, которые сдерживали бы разрушительные тенденции, заложенные в природе человека. Кроме того, ухудшение общей социально-экономической обстановки в стране, рост безработицы, социальная незащищенность людей, их разочарование в жизни, связанное с отсутствием перспектив, способствуют росту деструкции. Необходимость в исследовании назрела еще и потому, что в период становления информационного общества значительно возрастает степень влияния индивида на социум, а, следовательно, последствия деструктивной деятельности могут быть совершенно непредсказуемыми.

Следует отметить, что феномен деструктивной деятельности недостаточно исследован в науке. Даже сами понятия «деструкция», «деструктивность», «деструктивная деятельность» отсутствуют в большинстве словарей, а если и встречаются, то их трактовка заканчивается простым переводом слова. Так, например, в «Большом энциклопедическом словаре» деструкция трактуется как «нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо»¹. В «Новейшем словаре иностранных слов и выражений» указывается, что деструкция – это «разрушение, нарушение правильного, нормального строения чего-либо», а под деструктивностью понимается «разрушительность; стремление к порче; неплодотворность»².

---

¹ Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1998. С. 345.

² Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск, 2001. С. 271–272.

Хотя наличие в природе человека разрушительного начала констатировалось многими исследователями, собственно этой теме посвящена лишь одна масштабная работа – книга Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности»¹. Между тем внимание многих ученых привлекали частные проявления деструкции, каковыми являются убийство, самоубийство, террористическая деятельность. А ведь эти явления имеют во многом общие основания, которые необходимо выяснить. Кроме того, отдельные проявления деструктивной деятельности изучались, как правило, узкими специалистами: биологами, генетиками, психологами, сексопатологами, историками, юристами. Но известно, что только целостное изучение феномена с привлечением данных, полученных узкими специалистами, позволяет постичь его сущность. Итак, недостаточная разработанность проблемы деструкции в целом и деструктивной деятельности человека в частности, отсутствие однозначных трактовок самих терминов свидетельствуют о необходимости проведения исследования. Только глубокое изучение данной темы, анализ детерминант деструктивной деятельности, особенностей ее проявления в информационном обществе и выяснение специфики аутодеструкции, возможно, позволит выработать социокультурные механизмы, сдерживающие разрушительные начала природы человека и переориентировать деструктивные тенденции в другие сферы деятельности.

Проблема деструктивной деятельности человека достаточно мало исследована, более того, она была сформулирована лишь в XX веке, хотя интуитивно угадывалась мыслителями в далеком прошлом. О наличии врожденного зла в душах людей писали китайский мыслитель *Сюнь-цзы*² и древнегреческий философ *Платон*³. В иудео-христианской богословской традиции используется понятие «первородный грех», которое в форме мифологического образа выражает деструктивное начало, присущее человеческой природе⁴. О разрушительных устремлениях, свойственных природе человека, упоминал *И. Кант*⁵. Однако лишь в XX веке были предприняты попытки обоснования деструктивной деятельности человека. Одна из наиболее известных теорий, объясняющих наличие разрушительного начала в природе человека, – концепция основателя психоанализа *З. Фрейда*. Фрейд относился к природе человека с глубоким пессимизмом и под влиянием

---

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

² Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / Сост. П.С. Гуревич. М., 1991. С. 27.

³ Коган Л.Н. Зло. Екатеринбург, 1992. С. 25.

⁴ Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. М., 1992. С. 130–131.

⁵ В работе «Идея всеобщности истории во всемирно-гражданском плане» он писал: «Нельзя отделаться от некоторого неудовольствия, когда видишь их (людей – И.Л.) образ действия на великой мировой арене. Тогда находишь, что при всей их мнимой мудрости, кое-где обнаруживающейся в частности, в конечном счете все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия и страсти к разрушению. И в конце концов не знаешь, какое себе составить понятие о нашем роде, столь убежденном в своих преимуществах» [Кант И. Идея всеобщности истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения. В 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 8].

ужасной жестокости и разрушений, вызванных Первой мировой войной, пришел к выводу, что человеку присущи два основных инстинкта: *Эрос* – инстинкт жизни, энергия которого (известная как «либидо») направлена на упрочение, сохранение и воспроизведение жизни; и *Танатос* – инстинкт смерти, энергия которого направлена на разрушение и прекращение жизни. В основе «инстинкта смерти», считал Фрейд, лежит биологический механизм, общий для всех форм жизни. Каждый организм, размышлял он, стремится снизить нервное возбуждение до минимума. Смерть полностью снимает всякое внутреннее напряжение, и, таким образом, все органические формы жизни стремятся к смерти. Однако стремление к полному внутреннему спокойствию сталкивается с противоположной силой, инстинктом жизни. Согласно З. Фрейду, все человеческое поведение является результатом сложного взаимодействия этих двух инстинктов. Он указывал, что деструктивные тенденции имеют место у всех людей, и «...у большого числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе»¹. По мнению З. Фрейда, с деструктивными тенденциями нельзя не считаться, так как, если энергия Танатоса не будет обращена вовне, это приведет к разрушению самого индивида. Разрядку деструктивной энергии может дать катарсис – совершение экспрессивных действий, не сопровождающихся разрушением². Концепцию З. Фрейда поддерживает известный психолог и психотерапевт *Э. Берн*³. Однако данные исследователи лишь констатируют наличие деструктивных тенденций в природе человека, не проводя их глубокого анализа.

Исследованием деструктивности занимался известный американский ученый *Э. Фромм*. Он уделяет ей достаточно внимания в работе «*Бегство от свободы*»⁴ и посвящает данному феномену отдельную книгу, названную им «*Анатомия человеческой деструктивности*»⁵. Э. Фромм – сторонник социокультурной детерминации деструктивности, которая, по его мнению, является одной из разновидностей агрессии. Он различает *доброкачественную* и *злокачественную агрессию*. В рамках первой он выделяет *псевдоагрессию* (в том числе неосторожные убийства или ранения), *игровую агрессию* в учебном тренинге и *оборонительную агрессию* (в том числе в целях защиты свободы личности и общества, своего тела, своих потребностей, мыслей, чувств, своей собственности; агрессию, связанную с реакцией человека на попытку лишить его иллюзий, обусловленную конформизмом; инструментальную агрессию, которая преследует цель обеспечить то, что необходимо и желательно). В целом доброкачественную агрессию Э. Фромм определяет как биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни и служению делу жизни. Он отмечает, что данный вид агрессии – реакция на угрозу витальным интересам индивида. Доброкачественная агрессия заложена в филогенезе,

¹ Фрейд З. Будущность одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. С. 96.

² Фрейд З. Психология бессознательного. Сборник произведений. М., 1990. С. 416–417.

³ Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб., 1992.

⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.

⁵ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

свойственна и животным, и людям, носит взрывной характер, возникает спонтанно как реакция на угрозу. В отличие от доброкачественной, **злокачественная агрессия – деструктивность** – биологически неадаптивна, она не заложена в филогенезе, присуща исключительно человеку, не нужна для физиологического выживания – напротив, деструктивность приносит биологический вред и социальное разрушение. Главные ее проявления – убийство и жестокие истязания – не имеют никакой цели, кроме получения удовольствия¹. Э. Фромм считает, что различаются **спонтанная деструктивность** – проявление дремлющих разрушительных импульсов, которые активизируются при чрезвычайных обстоятельствах (например, деструктивность из мести), и **деструктивность, связанная со структурой характера**, которая присуща конкретному индивиду в скрытой или явной форме всегда (**садизм, некрофилия**)². К основным причинам деструктивности Э. Фромм относит отсутствие возможностей для творческой самореализации, нарциссизм, ощущение изолированности и «никчемности»³. В настоящее время рост деструктивности наблюдается в связи с распространением свободы, которая несет не только положительные перемены, но и приводит к утрате чувства безопасности и чувства принадлежности к социуму. Свободе сопутствуют чувство одиночества, собственной незначимости и отчужденности. Люди стремятся преодолеть их, «убежать от свободы». Одним из **способов «бегства от свободы»**, по Э. Фромму, и является **деструктивность**. Следуя этой тенденции, человек пытается преодолевать чувство неполноценности, уничтожая или покаяя других.

При несомненной ценности концепция Э. Фромма не свободна от целого ряда **недостатков**. Так, Э. Фромм отмечает, что агрессия, возникшая для защиты своих витальных интересов, не является злокачественной. При этом неизбежно возникает вопрос: какие интересы следует относить к витальным? Ведь сфера витальных интересов у людей гораздо шире, чем у животных, и, если отнести к ним, скажем, потребности в защищенности, стремления принадлежать к социальной группе, к достижению высокой самооценки и к самоактуализации, потребность в уважении со стороны окружающих, мы увидим, что предложенная Э. Фроммом схема деления агрессии на доброкачественную и злокачественную не применима. Ведь большинство деструктивных действий является именно следствием неудовлетворения перечисленных нами потребностей. Достаточно сложно провести водораздел между деструктивностью и оборонительной, инструментальной агрессией. Следует обратить внимание на то, что часто деструктивные действия совершаются, когда объективно никакой угрозы витальным интересам человека нет, но для субъекта эта угроза – реальность. Кроме того, Э. Фромм основное внимание уделяет таким формам проявления деструктивности, как садизм и некрофилия, оставляя без внимания аутодеструкцию, вандализм, терроризм и

---

¹ Там же. С. 164.

² Там же. С. 236–280.

³ Там же. С. 316.

ряд других ее проявлений. Также, рассматривая преимущественно психологические и социокультурные основания деструктивности, он оставляет без должного внимания ее биологические и нейрофизиологические основания, не анализирует историческое многообразие форм деструктивности, подтверждая свои выводы лишь несколькими примерами.

Концепцию *саморазрушительного поведения человека* сформулировал **Н. Фарбероу**, однако она не получила широкого распространения¹. Он относит к саморазрушительному поведению не только завершённые самоубийства, но и алкоголизм, токсикоманию, наркотическую зависимость, пренебрежение врачебными рекомендациями, трудоголизм, делинквентные поступки, неоправданную склонность к риску, опрометчивый азарт. Этот подход позволил Н. Фарбероу разработать принципы современной профилактики самоубийств и стать инициатором создания центров их профилактики в США, а затем во многих странах мира.

Несмотря на отсутствие специальных работ, наличие проблемы деструктивности констатируется рядом отечественных и зарубежных ученых. При этом деструктивность рассматривается как компонент агрессии, вид девиантного поведения, составной элемент творчества или тип преобразования. Так, отечественный исследователь **Ю.М. Антонян** выделяет *три компонента агрессии*: конструктивный, деструктивный и дефицитарный. Он указывает, что при *деструктивной агрессии* активность индивида деформирована, поэтому его деятельность носит разрушительный по отношению к окружающим характер, у такого субъекта могут развиваться садистские расстройства, формироваться садистский или авторитарный характер². **О.С. Осипова** различает *два вида девиантного поведения: созидательной и разрушительной направленности*. *Девиантное поведение деструктивной направленности* – совершение человеком или группой людей социальных действий, отклоняющихся от доминирующих в социуме (отдельной социальной группе, страте) социокультурных ожиданий и норм, общепринятых правил выполнения социальных ролей, влекущих за собой сдерживание темпов развития общества: разрушение энергетического потенциала отдельных личностей и общества в целом. О.С. Осипова указывает на связь девиантного поведения с риском, а также на то, что девиантное поведение способствует самоактуализации, самореализации и самоутверждению личности³. **Ц.П. Короленко** и **Т.А. Донских**, анализирующие поведенческие девиации, делят их на две большие группы: *нестандартное и деструктивное поведение*⁴. Типология деструктивного поведения выстраивается в соответствии с его целями. В одном случае это внешнедеструктивные цели, направленные на нарушение

---

¹ Farberow N.L. The many faces of suicide. New York, 1980; Farberow N.L. Taboo Subjects. New York, 1966.

² Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 9.

³ Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло? // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 107–108.

⁴ Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе. Деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск, 1990.

социальных норм (правовых, морально-этических, культурных), и, соответственно, *внешнедеструктивное* поведение. Во втором случае – внутридеструктивные цели, направленные на дезинтеграцию самой личности, ее регресс, и, соответственно, *внутридеструктивное* поведение. **Е.В. Змановская** выделяет три группы отклоняющегося поведения: антисоциальное (делинквентное), асоциальное (аморальное), аутодеструктивное (саморазрушительное)¹. Под *аутодеструктивным* она понимает поведение, отклоняющееся от медицинских и психологических норм, угрожающее целостности и развитию самой личности. Саморазрушительное поведение в современном мире выступает в следующих основных формах: суицидальное поведение, пищевая зависимость, химическая зависимость (злоупотребление психоактивными веществами), фанатическое поведение (например, вовлеченность в деструктивно-религиозный культ), аутическое поведение, виктимное поведение (поведение жертвы), деятельность с выраженным риском для жизни (экстремальные виды спорта, существенное превышение скорости при езде на автомобиле и др.). По направленности и степени выраженности деструктивности Е.В. Змановская предлагает использовать следующую шкалу отклоняющегося поведения: *антисоциальное* (активно-деструктивное) – *просоциальное* (относительно деструктивное, адаптированное к нормам антисоциальной группы) – *асоциальное* (пассивно-деструктивное) – *саморазрушительное* (пассивно-аутодеструктивное) – *самоубивающее* (активно-аутодеструктивное)².

Некоторые исследователи указывают на связь деструкции и творчества. Так, **В.Н. Дружинин** выделяет *два вида преобразования: творческое поведение*, создающее новую среду, и *разрушение* – дезадаптивное поведение, не создающее, а уничтожающее прежнюю среду³. Он отмечает, что творчество и деструкцию объединяет то, что их причиной является отчуждение человека от природы и мира в целом⁴. **Б. Карлоф** подчеркивает, что в самом творческом акте неизбежно присутствует элемент деструкции. Он пишет о *двух видах поведения: адаптивном*, связанном с имеющимися в распоряжении человека ресурсами, и *креативном*, которое он определяет как «*созидательное разрушение*»⁵. Интересен подход польского ученого **Ю. Козелецкого** к данной проблеме. По его мнению, человеку присуща «*трансгрессия*» – стремление к постоянному преодолению своих прежних достижений и результатов, желание выйти за пределы того, чем он обладает. Ю. Козелецкий выделяет *конструктивную*, созидающую трансгрессию – творчество, и *деструктивную трансгрессию* – действия, приводящие к разрушению прежнего⁶. Таким образом, в науке отсутствует определенность в отношении того, что понимать под «деструктивностью» и «деструктивной деятельностью человека».

¹ Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М., 2003.

² Там же. С. 34.

³ Дружинин В.Н. Психодиагностика общих способностей. М., 1996. С. 139.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Карлоф Б. Деловая стратегия (концепция, содержание, символы). М., 1991.

⁶ Козелецкий Ю. Человек многомерный (Психологические эссе). Киев, 1991. С. 31–34.

Следует отметить, что ряд вопросов, имеющих прямое отношение к деструктивной деятельности, исследуется в работах, посвященных анализу **агрессии** и **насилия**. Наиболее значимыми в этом плане являются работы зарубежных исследователей К. Лоренца¹, Р. Бэрона и Д. Ричардсона², А. Бандуры³, Л. Берковица⁴, Р. Бовена⁵, Н. Зинберга и Г. Феллмана⁶, а также статьи отечественных ученых Л.В. Скворцова⁷, И.Ю. Залысина⁸, А.А. Реана⁹. В целом все работы, так или иначе затрагивающие деструктивную деятельность человека, можно разделить на **две группы**. К первой следует отнести труды исследователей, считающих, что **деструктивность – свойство, заложенное в самой природе человека**, полностью искоренить которое невозможно¹⁰. Ко второй группе относятся исследования, в которых отмечается, что **стремление к разрушению не присуще человеку изначально**. Оно приобретает в процессе жизни в результате неудовлетворения индивидом основных потребностей, является следствием фрустрации, формируется в результате социального научения. А следовательно, изменяя условия существования, можно влиять и на деструктивную деятельность человека¹¹.

Хотя комплексно деструктивная деятельность не исследовалась, отдельные ее формы изучены достаточно глубоко. Так, исследованием **самоубийства** занимались Э. Дюркгейм¹², А. Камю¹³, Н. Бердяев¹⁴, Л.З. Трегубов и Ю.Р. Вагин¹⁵, А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко,

---

¹ Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 61–242.

² Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.

³ Bandura A. Aggression: A Social-learning Analysis. Englewood Cliffs. New York, 1973.

⁴ Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2002.

⁵ Bowen R. A Model of Civil Violence. International Political Science Association. VIII World Congress. Bruxelles, 1970.

⁶ Zinberg N., Fellman G. Violence: Biological Need and Social Control. Baltimore, 1970.

⁷ Скворцов Л.В. Насилие и проблема надежности бытия // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Природа насилия. Ежегодник РАН ИНИОН. М., 1995. С. 11–35.

⁸ Залысин И.Ю. Структурные и политические источники насилия // Социально-политический журнал. 1998. № 1. С. 96–111.

⁹ Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. Т. 17. 1996. № 5. С. 3–18.

¹⁰ Фрейд З. Будущность одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989; Фрейд З. Психология бессознательного. Сборник произведений. М., 1990; Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 61–242; Zinberg N., Fellman G. Violence: Biological Need and Social Control. Baltimore, 1970.

¹¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994; Bandura A. Aggression: A Social-learning Analysis. New York, 1973; Maslow A.H. Toward a Psychology of Being. New York, 1968; Maslow A.H. Motivation and Personality. New York, 1987.

¹² Дюркгейм Э. Самоубийство // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. Хрестоматия / Сост. и отв. ред. В.И. Добренко, Л.П. Беленкова. М., 1994. С. 312–327.

¹³ Камю А. Миф о Сизифе (Эссе об абсурде). Минск, 1998.

¹⁴ Бердяев Н. О самоубийстве. М., 1992.

¹⁵ Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993.

Л.Л. Бергельсон¹, И.Б. Орлова²; *убийства* – Ю.М. Антонян³; *терроризма* – В.В. Витюк⁴, С.А. Эфиров⁵, Л.А. Моджоян⁶, Е.Г. Ляхов⁷, А. Тахери⁸, А.П. Шмид⁹; *каннибализма* – Е. Волхард¹⁰, П. Браун¹¹, Л. Каневский¹². *Биологические* и *нейрофизиологические* детерминанты деструктивной деятельности затрагиваются в работах Д. Дьюсбери¹³, К. Лоренца¹⁴, О. Меннинга¹⁵, Р. Шовена¹⁶, Я. Дембовского¹⁷, М.Л. Бутовской¹⁸, В.П. Эфроимсона¹⁹, Р. Болтона²⁰, Дж. Вилдера²¹. Положения, проливающие свет на *социокультурные* детерминанты исследуемого феномена, содержатся в трудах Э. Фромма²², Б.Ф. Поршнева²³, А.П. Скрипника²⁴, П. Кууси²⁵.

Таким образом, анализ степени научной разработанности проблемы показывает, что комплексно она практически не исследовалась. Единственная фундаментальная работа – «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромма – не лишена недостатков, прежде всего потому, что основное внимание ее автор уделяет лишь психологическим и социокультурным

---

¹ Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А., Бергельсон Л.Л. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 91–102.

² Орлова И.Б. Самоубийство – явление социальное // СоцИс. 1998. № 8. С. 69–73.

³ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997.

⁴ Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.

⁵ Эфиров С.А. Покушение на будущее. М., 1984.

⁶ Моджоян Л.А. Терроризм: правда и вымысел. М., 1986.

⁷ Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М., 1987.

⁸ Тахери А. Священный террор // Средний Восток: зарево исламского фундаментализма. Сборник материалов зарубежной печати. М., 1990. С. 154–316.

⁹ Schmid A.P. Political Terrorism: a Research Guide to Concepts, Theories, Databases and Literature. New Brunswick, 1983.

¹⁰ Volhard E. Kannibalismus. Stuttgart, 1939.

¹¹ Brown P. Cannibalism // The Encyclopedia of Religion. New York, London, 1987. Vol. 3.

¹² Каневский Л. Каннибализм. М., 1998.

¹³ Дьюсбери Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. М., 1981.

¹⁴ Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 61–242.

¹⁵ Меннинг О. Поведение животных. Вводный курс. М., 1982.

¹⁶ Шовен Р. Поведение животных. М., 1972.

¹⁷ Дембовский Я. Психология обезьян. М., 1963.

¹⁸ Бутовская М.Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 149–160.

¹⁹ Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995.

²⁰ Bolton R. Aggression and Hypoglycemia among the Quolla: a Studying Psychobiological Anthropology // Ethnology. 1973. № 3.

²¹ Wilder J. Sugar Metabolism in its Relation to Criminality // Handbook of Correctional Psychology. New York, 1947.

²² Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

²³ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

²⁴ Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. М., 1992.

²⁵ Кууси П. Этот человеческий мир. М., 1988.

основаниям исследуемого феномена, оставляя без внимания биологические, нейрофизиологические, генетические основания, а также проблему аутодеструкции. В связи с этим назрела необходимость в целостном исследовании деструктивной деятельности человека с привлечением данных частных наук: этологии, нейрофизиологии, эндокринологии, генетики, психологии, социологии, истории культуры.

Глава 1. БИОПСИХИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Деструктивная деятельность человека – это специфическая форма активного отношения субъекта к миру или самому себе, основным содержанием которой является разрушение существующих объектов и систем. Понять сущность деструктивной деятельности можно, только принимая во внимание тот факт, что человек представляет собой открытую, неравновесную систему высшей сложности и является единством порядка и хаоса, причем личность выступает интегрирующим фактором человеческой природы. Так как природа человека многомерна, важно выяснить биологическую, психическую, социальную и культурную детерминацию деструктивной деятельности и уже затем перейти к ее целостному рассмотрению с позиций синергетики. При этом под детерминацией понимается совокупность факторов, вызывающих, провоцирующих, усиливающих или поддерживающих деструктивную деятельность человека.

1.1. Биопсихическая детерминация деструктивной деятельности человека

Обратимся к анализу биологической и психической детерминации деструктивной деятельности человека. Важно выяснить, является ли деструктивность чисто человеческим феноменом или проявляется и у других живых существ. Необходимо также определить, детерминирована ли деструктивная деятельность генетически; установить, какое влияние на нее оказывают особенности гормональной и нервной системы; рассмотреть, какие психические особенности обуславливают проявление деструкции.

Сложность анализа биологических и психических детерминант деструктивной деятельности связана с отсутствием прикладных исследований в этой области, поэтому при рассмотрении данного вопроса используются данные исследований агрессивности человека и животных, а также групп убийц, лиц, совершивших самоубийства или предпринявших такую попытку и экспериментальные данные, полученные при изучении различных способов разрушения личности.

Анализ работ, посвященных исследованию поведения животных¹, показывает, что аналоги деструктивной деятельности человека имеются в животном мире, но в целом деструктивность не имеет среди животных такой распространенности, как среди людей. Долгое время классическим исследованием, посвященным изучению агрессии среди животных, считалась работа известного этолога К. Лоренца «Агрессия (так называемое «зло»)»². По его мнению, у подавляющего большинства представителей животного мира популяционный инстинкт препятствует уничтожению особей своего вида. Межвидовую борьбу животных нельзя считать деструкцией, так как она служит сохранению вида. Внутривидовая агрессия (борьба между представителями одного вида) также выполняет видосохраняющие функции. Она способствует расселению животных на широком географическом пространстве, что обеспечивает максимальную утилизацию имеющихся пищевых ресурсов. Кроме того, агрессия помогает улучшить генетический фонд вида за счет того, что оставить потомство сумеют только наиболее сильные и энергичные индивидуумы. Наконец, сильные животные лучше защищаются и обеспечивают выживание своего потомства³. Однако П. Марлер, Э. Вилсон и ряд других специалистов по изучению поведения животных отмечают, что К. Лоренц незаслуженно принизил внутривидовую агрессивность, пронизывающую животный мир. По их мнению, львы, пятнистые гиены, волки и даже собаки убивают других представителей своего вида намного чаще, чем это показано у К. Лоренца⁴.

Явления, аналогичные деструктивной деятельности человека, наблюдаются у насекомых. Так, пчелы, муравьи, термиты знают членов своей колонии по запаху и убивают любого вторгшегося к ним «инородца»⁵. Ярче всего стремление к деструкции проявляется у крыс. У них достаточно часто наблюдается организованная коллективная борьба одного сообщества против другого. Крысы живут гигантскими семьями, которым свойствен общий запах. Это стало известно только в 1950 г. благодаря исследованиям Ф. Штайнигера и И. Эйбль-Эйбесфельдта. По отношению к членам своего сообщества крысы очень миролюбивы, однако к чужакам они проявляют крайнюю враждебность⁶. Ф. Штайнингер, описывая поведение крыс, отмечает, что по отношению к представителям другого сообщества они ведут себя как профессиональные убийцы. «Они медленно подкрадываются, – пишет он, – затем внезапно прыгают и наносят ничего не подозревающей жертве, которая, например, ест у

---

¹ Дьюсбери Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. М., 1981; Меннинг О. Поведение животных. Вводный курс. М., 1982; Шовен Р. Поведение животных. М., 1972.

² Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.

³ Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 78–95.

⁴ Marler P. On Animal Aggression: The Roles of Strangeness and Familiarity // American Psychologist. 1976. № 31. P. 239–246; Wilson E.O. Sociobiology: The New Synthesis. Cambridge, 1975; Wrangham R., Peterson D. Demonic Males. Boston – New York, 1996.

⁵ Дьюсбери Д. Указ. соч. С. 109.

⁶ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.

кормушки, укус в шею сбоку, весьма часто задевающий сонную артерию. По большей части схватка длится считанные секунды. Чаще всего смертельно укушенное животное гибнет от многочисленных кровоизлияний, которые обнаруживаются под кожей или в полостях тела»¹. Борьба между кланами крыс не выполняет видосохраняющих функций, она не служит ни пространственному распределению, ни отбору сильнейших защитников семьи². Как видим, борьба между сообществами крыс представляет собой наиболее приближенное к деструктивной деятельности явление. Нечто подобное наблюдается и у некоторых видов приматов. Так, М.Л. Бутовская отмечает, что у шимпанзе самцы предрасположены к тому, чтобы объединяться в группировки и совершать набеги на соседние территории, убивая соперников (самцов)³. Причем шимпанзе убивают лишь представителей иного сообщества, не причиняя вреда членам своего⁴. Возможно, такое поведение представляет собой прообраз войн, которые ведут между собой люди.

Случая уничтожения представителей своего вида становятся более частыми при перенаселении. Р. Шовен, О. Меннинг и другие исследователи отмечают, что в этом случае усиливается внутривидовая конкуренция, регулирующая численность популяции⁵. Если размеры популяции превышают ресурсы среды, крупные млекопитающие ведут настоящие драки с серьезными ранениями, приводящими к гибели потерпевшего поражение. Так, Верхейн наблюдал случаи драки со смертельным исходом у гиппопотамов на реке Семлики, где он насчитал 2087 животных на 32 км речного берега, то есть одного бегемота на каждые 15 м⁶. Аналогичные способы регуляции численности своей группы наблюдаются и у первобытных людей. Так, у многих народов, находящихся на крайне низкой ступени развития, средством регулирования численности своей социальной группы служило убийство детей и стариков. Это подтверждается многочисленными этнографическими наблюдениями. Так, австралийские аборигены во время голода или засухи убивали новорожденных младенцев и бросали в пустынях стариков, обрекая их на верную смерть⁷. В других регионах земного шара инфантицид практиковался более широко. По сообщению Дж. Фрезера, полинезийцы из года в год убивали 2/3 своих детей. Воинственные ангольские йаги, чтобы не обременять женщин в походных условиях, умерщвляли всех детей без

---

¹ Там же. С. 163.

² Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 172.

³ Бутовская М.Л. Агрессия и примирение как проявление социальности у приматов и человека // Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 152.

⁴ Nishida T., Haraiwa-Hasegawa M., Takahata Y. Group Extinction and Female Transfer in Wild Chimpanzees in the Mahale National Park, Tanzania // Zeitschrift für Tierpsychologie. 1985. V. 67. P. 284–301.

⁵ Меннинг О. Указ. соч. С. 323–324.

⁶ Шовен Р. Поведение животных. М., 1972. С. 99.

⁷ Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981. С. 107, 155.

исключения, а южно-американские мбайа – всех, кроме последнего или того, которого считали последним¹.

Как видим, случаи уничтожения особей своего вида наблюдаются у многих животных, хотя и не достаточно часто. По мнению Дж. Мэнсона и Р. Врэнгхэма, для большинства видов основным препятствием к убийству взрослых особей своего вида является не врожденный запрет на убийство себе подобных (инфантицид, к примеру, – широко распространенная практика во всем животном мире), а реальная опасность быть убитым или получить серьезные увечья². Соблюдение паритета, постоянный баланс власти (на индивидуальном и межгрупповом уровне) препятствуют распространению практики убийства себе подобных у животных.

Итак, у животных имеются определенные аналоги деструктивной деятельности человека, хотя в целом стремление к уничтожению особей своего вида у них подавлено. Насекомые (муравьи, пчелы) уничтожают представителей других колоний, вторгшихся к ним, территориальные животные ведут кровавые драки с представителями своего вида в случаях, когда размеры популяции существенно превышают пищевые ресурсы окружающей среды. Широко распространенной практикой во всем животном мире является инфантицид. Наиболее ярко деструкция в животном мире проявляется у крыс и шимпанзе, ведущих организованную борьбу одного сообщества против другого.

Рассмотрев особенности проявления деструкции у животных, обратимся к анализу *нейрофизиологических детерминант деструктивной деятельности* человека. Анализ литературы показывает, что она обусловлена состоянием и типологическими свойствами нервной системы, особенностями протекания нейродинамических процессов, свойствами эндокринной системы, а также рядом наследственно-генетических особенностей. Проанализируем некоторые из них.

Существенное влияние на осуществление деструктивной деятельности оказывают два основных образования головного мозга: *лимбическая система*, состоящая из разнообразных структур, функция которых заключается в контроле основных влечений и эмоций, и *кора головного мозга*, ответственная за целый комплекс когнитивных функций, которые имеют существенное значение в процессах научения, прогнозирования последствий и выбора реакции. Вполне возможно, что повреждения лобной доли коры головного мозга приводят к усилению реакции человека на мгновенные воздействия окружающей среды. В этом случае обыкновенные раздражители вызывают неадекватные реакции. Лица, имеющие повреждения лобной доли неокортекса, скорее всего, будут реагировать на провокацию импульсивно и агрессивно, а также проявлять раздражительность и дурное настроение³. Американские ученые Брайэн, Скотт, Голден и Тори сообщают, что

¹ Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследования магии и религии. М., 1986. С. 329–330.

² Manson J.H., Wrangham R.W. Intergroup Aggression in Chimpanzees and Humans // Current Anthropology. 1991. №4. P. 369–390.

³ Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997. С. 241.

заключенные, у которых диагностировались повреждения мозга, были более склонны к совершению преступлений с применением насилия, нежели те, у кого таких повреждений не было¹. Исследование, проведенное Н.В. Вострокнутым и В.И. Посоховой, показало, что среди подростков, склонных к насильственным и деструктивным действиям, выявлена следующая частота случаев психогенной декомпенсации по отдельным группам: ранняя органическая недостаточность головного мозга с задержанным психическим развитием, включая парциальную интеллектуальную недостаточность, «органический» инфантилизм – 76,9%; остаточные явления черепно-мозговой травмы с церебрастеническим синдромом – 43,7%, формирующиеся психопатии – 42,8%; олигофрения – 15,3%².

В.П. Эфроимсон приводит данные, позволяющие сделать вывод, что часто причиной деструктивных действий являются наследственные, травматические и алкоголические выключения задерживающих центров головного мозга³. Обследование группы немотивированных убийц, проведенное в Англии Д. Уайльдом и Д. Пондом, показало, что большинство из них имели аномальную электроэнцефалограмму (ЭЭГ). Аномальные ЭЭГ обнаружались почти у двух третей убийц в возрасте до 30 лет. Давно известно, что немотивированные вспышки бешенства характерны для височной эпилепсии. Так, Г. Гасто указывает на то, что вспышки пароксизмального бешенства, часто по самым ничтожным поводам, обнаруживаются почти у 50% больных височной эпилепсией. Он описывает поведение Дженни, ставшей к 14 годам двойной убийцей. Первый раз пришла в ярость по ничтожному поводу. Она переломала мебель и перебила окна в своей комнате, и ее пришлось успокаивать при помощи полиции. Вскоре она задушила свою маленькую постоянно плачущую сводную сестру и убежала, а позднее призналась психиатру, что убила и другую сводную сестру, считавшуюся умершей от воспаления легких. Обследование выявило у нее локальное эпилептическое поражение височной доли мозга. Чарльз Уитмен, забравшись с винтовкой на башню Техасского университета, обстрелял оттуда 41 человека и убил 17. При вскрытии у него обнаружилась злокачественная опухоль мозга. Ричард Спек при особо зверских обстоятельствах убил 8 студентов-медиков в чикагском общежитии. У него также были признаки серьезного поражения мозга. Таким образом, люди с синдромом дисконтроля, вызванным поражением головного мозга, склонны к деструктивным действиям и представляют опасность для общества.

По данным О.А. Бухановской, А.О. Бухановского и Б.В. Шостакович, для особо жестоких садистов характерны такие характеристики мозга, выявленные в результате магнитно-резонансной томографии, как:

---

¹ Там же.

² Вострокнуты Н.В., Посохова В.И. Насилие как фактор психогенной травматизации в среде несовершеннолетних осужденных // Серийные убийства и социальная агрессия. Материалы II Международной конференции. Ростов-на-Дону, 1998. С. 33–34.

³ Эфроимсон В.П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. С. 214–227.

- аномально-патологические признаки корковых и субкортикальных отделов конечного мозга (91,7%);
- дизонтогенетические аномалии черепа и краниовертебральной области (83,3);
- аномалии лимбической системы (75,0%);
- аномально патологические признаки боковых желудочков (70,8%);
- аномально патологические признаки третьего желудочка (70,8%);
- расширение субарахноидальных пространств (66,7%), преимущественно сочетанно-ограниченные с локализацией в переднелобных и височных отделах (58,3%);
- уменьшение кливоаксиального угла (66,7%) и ряд других¹.

Существенным фактором, детерминирующим деструктивную деятельность, является **дисбаланс мозговых нейротрансмиттеров**. Как известно, нервный импульс, имеющий электрическую природу, проходит от клеточного тела нейрона (нервной клетки) вдоль по аксону. Каждый нейрон имеет только один аксон, на концах аксонов есть разветвления, которые называются аксональными окончаниями, или терминальными бляшками. Это участки, в которых вещество-нейротрансмиттер высвобождается в синапс – микроскопический промежуток, заполненный жидкостью, расположенный между аксональными окончаниями одного нейрона (пресинаптического) и дендритами, или клеточным телом, другого нейрона (постсинаптического). Синапс – участок нейротрансмиссии, то есть коммуникации между нейронами. Нейротрансмиттерные вещества содержатся в синаптических пузырьках вблизи аксональных окончаний. Когда нервный импульс достигает аксональных окончаний, синаптические пузырьки перемещаются к пресинаптической мембране аксона и высвобождают нейротрансмиттерное вещество в синапс. Затем нейротрансмиттерные вещества, высвобожденные в синапс, воздействуют на постсинаптическую мембрану дендрита воспринимающего нейрона, который имеет специальные участки, названные рецепторными, где и передают свое сообщение. После этого рецепторные участки активизируют реакцию воспринимающей клетки. Нейротрансмиттеры могут либо стимулировать постсинаптический нейрон, чтобы возбудить в нем импульс, либо тормозить передачу импульса. Таким образом, передаваемый сигнал имеет химическую природу и может быть возбуждающим или тормозящим, то есть может либо возбудить постсинаптический нейрон, либо воспрепятствовать его возбуждению. Некоторые важные нейротрансмиттеры доставляют тормозные сигналы, тогда как другие – возбуждающие. Оба вида сигналов важны. Когда нейротрансмиттерное вещество высвобождается в синапс, оно не

---

¹ Бухановская О.А., Бухановский А.О., Шостакович Б.В. Нейровизуализационные характеристики мозга у особо жестоких садистов, совершивших многоэпизодные агрессивные сексуальные преступления // Первая научно-практическая конференция психиатров и наркологов Южного федерального округа (с международным и всероссийским участием): Материалы конференции (17–18 июня 2004 года, Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2004. С. 108–114.

остается в нем длительное время. Иногда нейротрансмиттеры быстро уничтожаются энзимами типа моноаминооксидазы, но могут и возвращаться в накопительные пузырьки в аксональных бляшках с помощью механизма «обратного захвата» – процесса, посредством которого они успешно всасываются обратно в аксональное окончание¹. Дисбаланс мозговых нейротрансмиттеров способен спровоцировать деструктивную деятельность человека. К таковым, в частности, относятся норадреналин, допамин, серотонин и ГАМК (гамма-аминомасляная кислота)². Например, имеются сведения, что пониженное функционирование нейромедиатора серотонина может быть причиной импульсивно-агрессивного поведения, в частности, таких парасуицидных действий, как нанесение себе ножевых порезов рук³. Ряд исследователей обнаружили изменение уровня метаболитов серотонина в спинномозговой жидкости взрослых психиатрических больных, совершивших самоубийство⁴. Зависимость между склонностью к деструкции и уровнем серотонина подтверждают и экспериментальные исследования животных. Так, Т. Бахур приводит данные, что у крыс с повышенной активностью, агрессивностью отмечается более низкий уровень общего содержания в мозгу серотонина. В других исследованиях у мышей, отличающихся особой агрессивностью, было обнаружено низкое содержание серотонина в переднем мозге и повышенное норадреналина в стволовых его отделах⁵. Таким образом, дисбаланс мозговых нейротрансмиттеров оказывает определенное влияние на деструктивную деятельность.

Возможно, имеется определенная связь между *особенностями гормональной системы* человека и его склонностью к деструктивной деятельности. Как справедливо отмечает Э. Берн, мы не вправе считать гормоны, вырабатываемые железами внутренней секреции, «источником энергии и стремлений к созиданию или уничтожению; действительное их назначение в том, что они придают этим стремлениям добавочный пыл, а для осуществления их высвобождают дополнительную энергию»⁶. В ряде работ были высказаны предположения о том, что избыточное выделение *тестостерона* у лиц мужского пола вызывает неконтролируемую агрессивность⁷. В какой-то мере это подтверждается наблюдениями этнологов. Так, мужчины индейского племени яномаме, живущие в сельве Бразилии и

---

¹ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Анормальная психология. СПб., 2004. С. 136.

² Там же. 138–139.

³ Там же. С. 582.

⁴ Asberg M., Traskman L., Thoren P. 5-HIAA in the Cerebrospinal Fluid. A Biochemical Suicide Predictor? // Archives of General Psychiatry. 1976. №33. P. 1193–1197; Lester D. The Concentration of Neurotransmitter Metabolites in the Cerebrospinal Fluid of Suicidal Individuals: a Meta-analysis // Pharmacopsychiatry. 1995. №28. P. 45–50; Кветной И.М. Вездесущие гормоны. М., 1988. С. 76.

⁵ Бахур В.Т. Это неповторимое «Я». М., 1986. С. 39.

⁶ Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб., 1992. С. 36.

⁷ Румянцева Т. Факторы, способствующие агрессии // Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия / Сост. К.В. Сельченко. Минск, 2003. С. 71; Бэрн Р., Ричардсон Д. Указ. соч. С. 223–240.

Венесуэлы, чрезвычайно воинственны, между их деревнями постоянно ведутся разрушительные войны. При этом характерно, что мужчины-убийцы яномаме имеют в среднем в два с половиной раза больше жен и в три раза детей, чем более спокойные мужчины¹. Даббс и Моррис, проанализировав личные дела 4 тысяч ветеранов войны, также пришли к выводу о наличии связи между уровнем тестостерона и склонностью к антиобщественному поведению, к насильственным действиям². Однако связь между уровнем гормонов и деструктивностью не является прямой, то есть тестостерон может влиять на другие индивидуальные факторы, что, в свою очередь, способствует совершению деструктивных действий. Например, многие исследователи (Христиансен и Кнуссмэн, Эренкранц, Блисс, Шеард и др.) обратили внимание на то, что тестостерон имеет отношение к таким личностным и поведенческим характеристикам как стремление к эпатажу, доминированию или самовыражению³. Если связь между уровнем тестостерона и деструктивным поведением и существует, то она весьма незначительна. Скорее всего, для того чтобы способствовать повышению деструктивности, гормоны должны вступить во взаимодействие с социальными факторами. Р. Болтон и Д. Уилдер приходят к выводу, что одним из биохимических стимуляторов деструктивного поведения является *гипогликемия*⁴. Д. Уилдер указывает, что в состоянии гипогликемии совершались попытки самоубийства, убийства, злостное разрушение чужой собственности, поджоги⁵.

Другие данные говорят о решающей роли гормональных нарушений в предменструальный период и во время менструаций, что может приводить женщин к излишней раздражительности, резким изменениям настроения, несчастным случаям, вспышкам гнева и неконтролируемым действиям. Так, К. Мойер пишет, что такое поведение имеет, конечно, много причин, но сегодня хорошо известно, что существует периодичность в раздражительности женщин. В период овуляции, считает исследователь, беспокойство и чувство враждебности находятся на относительно низком уровне; в период, предшествующий менструации, значительное число женщин проявляет ряд симптомов, которые могут быть обозначены как предменструальный синдром. Он включает головную боль, отек лица, рук, ног, изменения аппетита, эмоциональную нестабильность. Мойер делает вывод, что этот отрезок времени очень опасен: 62% насильственных преступлений совершается в течение предменструальной недели и только 2% в конце периода. Эта связь очень

---

¹ Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 50–51. Лалаянц И. Убийство начинается в нейроне // Литературная газета. 1994. 31 августа (№ 35).

² Бэрон Р., Ричардсон Д. Указ. соч. С. 235.

³ Там же. С. 237.

⁴ Bolton R. Aggression and Hypoglycemia among the Quolla: a Studying Psychobiological Anthropology // Ethnology. 1973. №3. P. 227–259; Wilder J. Sugar Metabolism in its Relation to Criminality // Handbook of Correctional Psychology. New York, 1947.

⁵ Wilder J. Sugar Metabolism in its Relation to Criminality // Handbook of Correctional Psychology. New York, 1947. P. 98–129.

значительна, так что в некоторых странах закон признает менструацию как смягчающее обстоятельство¹.

Данные гормональных исследований вносят определенный вклад в объяснение деструктивной деятельности человека, и пренебрегать их значением ни в коей мере не следует. Не стоит, однако, и абсолютизировать их роль в понимании причин деструктивной деятельности человека, особенно в тех случаях, когда их сводят к выявлению концентрации в плазме тестостерона, адреналина, эстрогена, прогестерона и т.д., для того чтобы в последующем изолировать от общества тех, у кого это содержание оказывается повышенным.

Многие исследователи считают, что *генетические особенности* играют важную роль в развитии предрасположенности к деструктивной деятельности. Чтобы выяснить, влияет ли наследственность на склонность к преступности, к совершению деструктивных действий, изучались однояйцевые и двуяйцевые близнецы. Логика этого направления исследований вполне понятна: как однояйцевые, так и двуяйцевые близнецы подвергаются одному и тому же пренатальному воздействию в материнской матке, и оба типа близнецов (хотя и не всегда) после рождения попадают в одно и то же семейное окружение. Впрочем, в отношении генетического сходства эти два типа близнецов отличаются друг от друга. Однояйцевые близнецы идентичны генетически, так как развиваются из одного оплодотворенного яйца, и генетики называют их монозиготными; двуяйцевые же близнецы, развившиеся из двух разных яиц, называются дизиготными. В целом двуяйцевые близнецы имеют генетически не больше сходных черт, чем обычные братья и сестры. В той степени, в какой преступные склонности передаются по наследству (то есть от родителей к потомству), в такой же степени однояйцевые близнецы должны сильнее проявлять эту склонность, чем двуяйцевые.

Возможную роль генетических факторов в суицидальном поведении подтверждают данные об аутодеструктивной деятельности среди близнецов. Исследования близнецов показали, что монозиготные близнецы, у которых 100% генов совпадают, значительно чаще оба совершают самоубийства или попытки самоубийства, чем дизиготные близнецы, у которых совпадают только 50% генов². Однако до сих пор не исследовались монозиготные близнецы, воспитывавшиеся отдельно, что является предпосылкой методологически неправильного исследования, и ни одно из исследований не учитывало психические заболевания. Возможно, наследуется психическое нарушение, а не генетическая предрасположенность к суициду. Исследование усыновленных детей показало, что те, кто совершил суицид, обычно имели биологических родственников, которые тоже совершили суицид³. Эти суициды в основном не зависели от наличия психического расстройства, а были генетически обусловлены, или же эти факторы взаимно дополняли друг друга.

¹ Румянцева Т. Указ. соч. С. 71.

² Roy A. Genetics, Biology and Suicide in the Family // Assessment and prediction of suicide / Maris R. Wet al., eds. New York, 1992. P. 574–588.

³ Schulsinger F. et al. A Family Study of Suicide // Origin, Prevention and Treatment of Affective Disorders / Schou M., Stromgren E., eds. London, 1979. P. 227–287.

Ряд ученых считают, что генетические факторы играют важную роль в развитии предрасположенности к разрушению личности посредством приема наркотиков и алкоголя. Исследования показали, что можно выводить линии мышей с повышенной восприимчивостью к алкоголю. По данным ряда авторов, для детей алкоголиков существует высокий риск возникновения проблем алкоголизма в силу внутренней мотивации или восприимчивости к наркотику¹. Однако для убежденности в правильности генетической гипотезы развития наркомании и алкоголизма необходимо предпринять дополнительные исследования.

Высказывались предположения, что склонность к деструктивной деятельности сильнее выражена у людей с кариотипом (совокупность морфологических признаков хромосом) ХУУ. Для таких лиц характерно проявление чрезмерной агрессии, внезапных вспышек насилия, а также задержки в умственном развитии. Имеются данные, что среди преступников, совершивших насильственные преступления, хромосомный тип ХУУ встречается значительно чаще, чем среди индивидов, представляющих другие группы населения. Так, В.П. Эфроимсон отмечает, что среди преступников эффект лишней Y-хромосомы встречался в 10 раз чаще, чем у людей в среднем². Р. Бэрн и Д. Ричардсон приводят данные, что если среди новорожденных и взрослых представителей мужского пола эта аномалия встречается приблизительно один раз на 1 тысячу, то среди заключенных она проявляется в 15 раз чаще³. Однако другие исследователи такого мнения не разделяют. Например, А. Бандура указывает, что большая, по сравнению с лицами ХУ, склонность лиц ХУУ к насилию, скорее всего, имеет социальную, а не физическую основу. Так, будучи физически более развитыми по сравнению со своими сверстниками, такие лица могут подружиться с людьми старшего возраста и, таким образом, на ранней стадии своего развития попасть под влияние преступных, склонных к насилию типов. Кроме того, имея высокий рост, они зачастую получают преимущество при своих агрессивных выпадах против окружающих и поэтому быстро усваивают агрессивную манеру поведения⁴. Американский ученый Уиткин и его коллеги в результате проведенного исследования пришли к выводу, что лица с хромосомным набором ХУУ преобладают среди осужденных преступников потому, что интеллектуально они менее развиты, и поэтому их легче арестовать и отдать под суд⁵. Таким образом, данные о влиянии набора половых хромосом на деструктивное поведение человека достаточно противоречивы и нуждаются в дальнейшей проверке.

Итак, исследования продемонстрировали, что склонность к совершению деструктивных действий действительно может быть наследственной, хотя в

---

¹ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 686.

² Эфроимсон В.П. Указ. соч. С. 185.

³ Бэрн Р., Ричардсон Д. Указ. соч. С. 230.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ Там же. С. 232.

изучении этого аспекта детерминации деструктивной деятельности человека еще остается много нерешенных проблем¹.

Среди возможных биологических факторов, способствующих деструктивной деятельности, ряд исследователей называют травмы и осложнения при беременности и родах, которые могли привести к осложнениям в развитии центральной нервной системы ребенка. В исследовании, проведенном в Копенгагене, Э. Кэндэл и С.А. Медник следили за развитием более 200 детей, родившихся в 1959–1961 гг. Было выявлено, что осложнения при рождении могут приводить к арестам в возрасте до 22 лет. У 80% молодых людей, арестованных за совершение преступлений, связанных с применением насилия, были отмечены осложнения при рождении, но такие осложнения были лишь у 30% лиц, арестованных за имущественные преступления, и у 47% тех, кто не стал преступником². Однако эти данные не были подтверждены Д.У. Денно (Филадельфийский биосоциальный проект)³, который следил за развитием почти 1 000 афроамериканских детей в Филадельфии (Пенсильвания, США) с момента их рождения и до достижения ими 22 лет. Можно, следовательно, утверждать, что осложнения при беременности и родах могут стать предпосылкой проявления деструкции в будущем, если они дополнены другими факторами.

В ряду биологических факторов, детерминирующих деструктивную деятельность, необходимо отметить влияние пищевых пептидов на изменение психологического состояния личности. Как указывают А.А. Каменский, В.А. Дубынин и В.Н. Незавибатько, ряд пищевых белков распадаются до коротких полипептидов. Эти пептиды обладают способностью проникать за гематоэнцефалический барьер и воздействовать на состояние головного мозга подобно психотропным веществам. Например, при длительном потреблении больших количеств молочных продуктов на фоне стрессов и т.п. пептид бета-казоморфин-7 (фрагмент казеина молока) приобретает возможность проникнуть за гематоэнцефалический барьер и вызвать мощные морфиноподобные эффекты (изменение мотивированности поведения, нарушения восприятия). Пептиды иных белков могут приводить к значительному возбуждению и усилению агрессивности. Усиление тревожности и немотивированной активности может произойти при избытке в питании некоторых аминокислот – аргинина, глутамата, лизина, триптофана, тирозина. Итак, избыток некоторых пептидов или аминокислот в пищевом рационе способен привести у некоторых людей к значительным изменениям

---

¹ Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2002. С. 453; Wilson J.Q., Herrnstein R.J. Crime and human nature. New York, 1985. P. 93.

² Kandel E., Mednick S.A. Perinatal Complications Predict Violent Offending. // Criminology, 1991. №29. P. 519–529.

³ Denno D.W. Biology and Violence: from Birth to Adulthood. Cambridge, 1990.

психического состояния, в том числе стать фактором, провоцирующим совершение деструктивных действий¹.

Итак, несмотря на то, что в некоторых случаях действительно можно говорить о наследуемой склонности к деструктивной деятельности, это отнюдь не означает, что деструктивность как таковая просто передается из поколения в поколение. Различные структуры нервной системы и протекающие в них процессы оказывают серьезное влияние на поведение человека, поэтому повреждения головного мозга достаточно часто являются причиной деструктивных действий. На склонность к разрушению влияют концентрация серотонина в ткани мозга, гипогликемия. Половые гормоны, особенно тестостерон, также некоторым образом связаны с деструктивной деятельностью. Однако специальные исследования показали, что степень их влияния довольно ограничена. Существует и определенная генетическая предрасположенность к деструктивной деятельности. Однако данные о влиянии нейрофизиологических факторов на деструктивную деятельность человека достаточно спорны и нуждаются в дальнейшей экспериментальной проверке. Мы ни в коей мере не можем сводить основания деструктивной деятельности только к биологии и физиологии. Анализируя деструктивную деятельность человека, всегда нужно иметь в виду, что нейрофизиологические процессы протекают в социокультурном контексте. Таким образом, деструкция скорее биологически потенциальна, а не биологически детерминирована.

Проанализировав биологические детерминанты деструктивной деятельности человека, приступим к рассмотрению **психических факторов**, влияющих на нее. Как известно, **психика** – это субъективное, сигнальное, социально обусловленное отражение действительности в идеальных образах, на основе которых происходит активное взаимодействие человека со средой. Психика осуществляет функцию ориентации и регуляции деятельности². Ввиду того, что психика человека дуальна и складывается из животной психики и психики социальной, можно утверждать, что психология как научная дисциплина является связующим звеном между естествознанием и обществознанием. Отсюда и угол рассмотрения биопсихической детерминации деструктивной деятельности человека в социокультурном контексте.

Всякая **деятельность** имеет свою **психологическую структуру**. Согласно базовой схеме А. Леонтьева³, любая деятельность имеет трехчленное строение. Деятельности в целом соответствует **мотив** – побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением потребностей субъекта⁴. Мотив обладает двумя функциями. Во-первых, это побудительная функция, побуждающая человека к данной деятельности. Во-вторых, смыслообразующая функция, придающая данной деятельности особый личностный смысл.

---

¹ Каменский А.А., Дубынин В.А., Незавибатько В.Н. Пищевые пептиды и аминокислоты и длительные изменения психического состояния // Серийные убийства и социальная агрессия. Материалы II Международной конференции. Ростов-на-Дону, 1998. С. 47.

² Еникеев М.И. Общая и социальная психология. М., 2002. С. 345.

³ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

⁴ Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского. М., 1990. С. 219.

Деятельность распадается на *действия*, каждое из которых направлено на достижение целей. Обычно достижение мотива всей деятельности как раз и складывается из реализации цепочки промежуточных целей. Действия, в свою очередь, складываются из отдельных *операций*. Операция – первичная единица деятельности. Это задача, данная в определенных условиях. Решая такие задачи, человек совершает действие. За счет осуществления цепочки действий достигается мотив, то есть осуществляется определенная деятельность. Итак, чтобы выяснить психические детерминанты деструктивной деятельности, необходимо прежде всего обратить внимание, на мотивы, которыми руководствуется человек, и потребности, лежащие в основе этих мотивов. Под **потребностью** понимается предпосылка психической активности, возникающая в результате рассогласования реального состояния индивида, социальной общности с оптимальными для них состояниями; испытываемая человеком необходимость устранения отклонений от параметров жизнедеятельности, оптимальных для него как биологического существа, индивида и личности¹. Теория потребностей достаточно детально разработана американским ученым А. Маслоу². Изложим ее суть.

В своих работах А. Маслоу строит следующую иерархию потребностей. На низшую ступень ставятся физиологические потребности (голод, жажда и т.п.). Если они постоянно удовлетворяются, то перестают служить активной детерминантой поведения, начинают существовать только в потенциальной форме, так как в индивидуальной мотивационной динамике преобладают и определяют поведение только неудовлетворенные потребности. Когда физиологические нужды полностью удовлетворены, в структуре мотивации начинает доминировать потребность в безопасности, в защищенности. Далее следует стремление принадлежать к социальной группе и занимать в ней определенное место, потребность в привязанности, внимании и любви со стороны окружающих. Следующая группа потребностей – это стремление к достижению высокой самооценки и потребность в уважении со стороны других. Согласно А. Маслоу, необходимость в уважении может проявляться на двух уровнях желаний: достичь уверенности, независимости и свободы; быть уважаемым, признанным и высоко ценимым другими людьми, то есть обладать хорошей репутацией, престижем и иметь достаточно высокий общественный статус³. И, наконец, будучи достаточно удовлетворены в основных потребностях, люди мотивируют свои действия «...тенденциями к **самоактуализации**, определяемой как актуализация потенциалов, способностей и талантов, как выполнение миссии (зова судьбы, предназначения или призвания), как более полное знание и принятие личностью собственной внутренней природы, как непрекращающаяся тяга к единству, интеграции или

---

¹ Еникеев М.И. Указ. соч. С. 327.

² Maslow A.H. Motivation and Personality. New York, 1987; Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.

³ Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб., 1997; Кузнецов Н.С. Человек: потребности и ценности. Закончится ли спор Иисуса Христа с Великим Инквизитором? Свердловск, 1992. С. 108–109.

синергии внутри личности»¹. О потребности к самоактуализации А. Маслоу говорит так: «Люди должны быть тем, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе»². Если человек не может удовлетворить свои фундаментальные (по терминологии А. Маслоу – «базальные») потребности, то у него возникает чувство неполноценности, приводящее в действие компенсаторные механизмы. Часто в качестве такого механизма выступают деструктивные действия. Итак, по А. Маслоу, разрушительные силы в людях являются результатом фрустрации основных потребностей.

О значимости *потребности в раскрытии творческого потенциала, в самореализации* пишут и другие психологи. А. Адлер указывает, что фундаментальным законом человеческой жизни является *стремление к превосходству*³. Причем оно может принимать как деструктивное, так и конструктивное направление. Деструктивное направление обнаруживается у людей со слабой способностью к адаптации, у тех, кто борется за превосходство посредством эгоистического поведения и озабочен достижением личной славы за счет других. Хорошо приспособившиеся люди, наоборот, проявляют свое стремление к превосходству в конструктивном направлении, чтобы оно соотносилось с благополучием других людей⁴. К. Роджерс выдвинул гипотезу о том, что все поведение вдохновляется и регулируется неким объединяющим мотивом, который он назвал *тенденцией актуализации*. Она представляет собой «свойственную организму тенденцию развивать все свои способности, чтобы сохранять и развивать личность»⁵. Таким образом, ведущими мотивами, побуждающими человека к деятельности (как к конструктивной, так и к деструктивной), являются его фундаментальные потребности в безопасности, уважении, признании и, наконец, в самоутверждении, самореализации, раскрытии своего творческого потенциала. Как указывают Е.П. Никитин и Н.Е. Харламенкова, самоутверждение, самореализация пронизывают всю нашу жизнь. Это очень мощная сила, которая может действовать по-разному. «Она может творить, создавать человека, вознося его чуть ли не до божественных высот, а может и разрушать его, полностью лишая человеческого облика, низвергать в бездны звериного»⁶.

Как правило, реализация себя связана с множеством препятствий и требует не только особых личностных качеств (сила воли, целеустремленность, энергичность, работоспособность, увлеченность), но и определенных социальных условий, которые сделали бы самоактуализацию возможной. Когда

---

¹ Maslow A.H. *Toward a Psychology of Being*. New York, 1968. P. 25.

² Maslow A.H. *Motivation and Personality*. New York, 1987. P. 22.

³ Адлер А. *Практика и теория индивидуальной психологии*. М., 1993.

⁴ Adler A. *Superiority and Social Interest: A Collection of Later Writings*. Evanston, IL, 1964; Хьелл Л., Зиглер Д. Указ. соч. С. 171.

⁵ Rogers C.R. *A Theory of Therapy, Personality and Interpersonal Relationships, as Developed in the Client-centered Framework* // Koch S. *Psychology: A Study of a Science*. Vol. 3. New York, 1959. P. 196.

⁶ Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. *Самоутверждение человека* // *Вопросы философии*. 1997. № 9. С. 115.

на пути реализации своих возможностей индивид встречает препятствия, воспринимаемые им как непреодолимые, это порождает состояние **фрустрации** – остро критическое состояние, проявляющееся в гнетущем напряжении, тревожности, чувстве безысходности¹. Значительная часть лиц, совершивших деструктивные действия, находилась в данном состоянии. Так, по данным О.Л. Дубовик, около 20% лиц, совершивших убийство, и более 80% террористов расценивали ситуацию перед преступлением как безвыходную².

Если фрустрационные ситуации повторяются достаточно часто, у человека может развиваться **комплекс неполноценности** (открыт А. Адлером). Как показывают исследования отечественного психолога Ю.М. Антоняна, деструктивная деятельность практически всегда возникает в случае длительной фрустрации или является следствием формирования комплекса неполноценности³. Деструктивные действия, вызванные состоянием фрустрации, могут носить экстрапунитивный характер – быть направлены на других людей (в том числе и совершенно незнакомых, не имеющих никакого отношения к фрустрирующей ситуации), на отдельные предметы или целые социальные структуры; или интропунитивный характер – в этом случае субъект признает, что он сам является причиной фрустрации, и возможным выходом из травмирующей ситуации становится саморазрушение (алкоголизм, наркомания, суицид). Итак, на психическом уровне деструктивная деятельность человека детерминирована прежде всего **неудовлетворенными потребностями**. Главным мотивом деструктивной деятельности, как правило, является достигаемое за счет совершения разрушительных действий **ощущение собственной значимости, своего превосходства над другими людьми**. Кроме того, человек, совершающий деструктивные действия, может руководствоваться идеологическими мотивами, мотивами активного изменения мира, власти над людьми и некоторыми другими⁴. Важным мотивом обращения к деструктивной деятельности является потребность принадлежности к группе. По мнению Д. Поуста, для индивидов, страдающих дефицитом самоуважения и с недостаточно развитой личностью, слияние с группой имеет фундаментальное значение. Групповой этос становится для него системой нормативных стандартов и ценностей⁵.

Очевидно, что не каждый человек, не сумевший самоутвердиться, реализовать себя и находящийся в состоянии фрустрации, совершает деструктивные действия. В связи с этим неизбежно встает вопрос о наличии

---

¹ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 726.

² Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. М., 1977.

³ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997.

⁴ Ольшанский Д. Психология терроризма. СПб., 2002. С. 118–119; Лукабо Р., Фукуа Х., Кенджеми Д., Ковальски К. Терроризм: психологические и политические аспекты // Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия. Минск, 2004. С. 62–64.

⁵ Чурков Б.Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма // Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия. Минск, 2004. С. 182.

психопатологии у данных лиц. Исследования свидетельствуют, что значительное число лиц, совершивших деструктивные действия, являются клинически и психологически нормальными, однако определенные черты личности у них акцентуированы, то есть выражены необычно сильно¹. Понятие **акцентуации характера** было введено К. Леонгардом² и означает чрезмерную выраженность отдельных черт характера и их сочетаний, представляющую крайние варианты нормы, граничащие с психопатологиями. Типы акцентуированных личностей не определены окончательно. Они описаны К. Леонгардом³ и А.Е. Личко⁴. Однако эти авторы дают различную и чрезмерно дробную классификацию акцентуаций личности. Если использовать классификацию К. Леонгарда, то можно констатировать, что деструктивные действия обычно совершаются так называемыми **застревающими личностями**. Это люди, для которых характерна патологическая стойкость аффекта. Таким лицам свойственны болезненная обидчивость, злопамятность, мстительность. Оскорбление личных интересов, как правило, никогда не забывается «застревающими личностями». Их называют чувствительными, легкоуязвимыми⁵. К деструкции склонны **лица тревожного типа**, для которых характерна высокая тревожность, впечатлительность, психическая напряженность, гиперчувствительность к отрицательным воздействиям, чувство собственной неполноценности, замкнутость, предрасположенность к фобиям, склонность к гиперкомпенсации – использованию утрированных способов самоутверждения⁶. Высокая тревожность – это показатель субъективного неблагополучия личности. Окружающая среда часто ощущается лицами с высокой тревожностью как враждебная. В связи с этим у них затруднена правильная оценка ситуации, она легко меняется под влиянием аффекта. Причиной деструктивной деятельности у таких людей становится защита своего бытия от сознательно или бессознательно ощущаемой угрозы. Причем угроза может быть и мнимой, но ощущаться как реальная. Из-за наличия постоянного аффективного переживания, что менее достойные пользуются большими правами и возможностями, у «застревающих личностей» и лиц с высокой тревожностью может возникнуть потребность защищать свои права, и они начинают играть роль «борца за справедливость»⁷. Деструктивность таких личностей может быть направлена не только на отдельных лиц, но и на социум. Для них характерно стремление разрушить «несправедливое» с их точки зрения общественное устройство, не создавая при этом ничего нового.

Характерной особенностью лиц, склонных к деструкции, является **чрезмерная эмоциональность**, которая нередко превалирует над

---

¹ Ольшанский Д.В. Указ. соч. С. 127.

² Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1989.

³ Там же.

⁴ Личко А.Е. Психология и акцентуация характера у подростков. Л., 1983.

⁵ Леонгард К. Указ. соч. С. 74–88.

⁶ Еникеев М.И. Указ. соч. С. 9.

⁷ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 146–147, 189–196.

рациональным восприятием действительности. Так, М. Требин отмечает, что среди людей, склонных к террору, преобладают порывистые, импульсивные, страстные натуры. Например, А. Барабанова и Е. Ямщикова так охарактеризовали А. Желябова, лидера террористической организации «Народная воля»: «Натура увлекающаяся, впечатлительная, страстная – кропотливый труд был не для него, ему нужны были великая цель, кипучая деятельность, широкая перспектива. И такую цель нашел он в борьбе за политическую свободу»¹. Повышенной возбудимостью и чувствительностью отличался А. Гитлер.

Таким образом, к деструктивной деятельности, как правило, склонны люди, которые не смогли удовлетворить свои фундаментальные потребности в привычной жизненной ситуации. Им свойственны высокая тревожность, впечатлительность, чрезмерная эмоциональность, гиперчувствительность к отрицательным воздействиям, чувство собственной неполноценности, замкнутость. Как отмечает Э. Фромм, деструктивность возникает тогда, когда человек «не может творить,... постоянно ощущает свою изолированность и никчемность»; именно в этом случае личность стремится «самоутвердиться любой ценой, хотя бы ценой варварского разрушения»². Деструкция – это попытка преодолеть свою ничтожность, осознание которой весьма травматично; желание утвердить себя, прежде всего в собственных глазах, преодолеть свою изолированность от общества и доказать свою значимость.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что, некоторые аналоги деструктивной деятельности имеются в животном мире, однако деструкция в нем распространена гораздо меньше, чем среди людей. Межвидовую борьбу животных мы не можем считать деструктивной деятельностью, так как эта борьба способствует сохранению вида. Аналоги деструктивной деятельности чаще всего встречаются у общественных насекомых, уничтожающих вторгшихся к ним представителей другого сообщества, а также у крыс и некоторых видов приматов, ведущих организованную борьбу между семьями и превращающихся при этом в настоящих убийц. Анализ биологической детерминации деструктивной деятельности показывает, что в отдельных случаях к деструкции приводят органические повреждения головного мозга, дисбаланс мозговых нейротрансмиттеров. Склонность к разрушению проявляется у людей в случае пониженного содержания серотонина в ткани мозга, при гипогликемии. Возможно, на деструктивную деятельность человека оказывают влияние лишняя Y-хромосома и повышенный уровень тестостерона. Однако данные о биологической детерминации деструктивной деятельности человека спорны и нуждаются в дальнейшей экспериментальной проверке. Особо следует остановиться на психических детерминантах склонности человека к разрушению. Как правило, деструктивные действия совершают люди, которые не смогли удовлетворить свои фундаментальные потребности,

---

¹ Требин М. Терроризм как деструктивный модус бытия // Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия. Минск, 2004. С. 241.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 316.

прежде всего потребность в самоутверждении, в реализации своего творческого потенциала. Неудовлетворенность основных потребностей порождает у человека состояние фрустрации, высокую тревожность, утрату смысла жизни; одним из возможных способов преодоления личностных проблем в такой ситуации может стать деструктивная деятельность. Разрушая, личность преодолевает свою ничтожность, изолированность от общества. В процессе деструктивной деятельности человек доказывает, прежде всего самому себе, свою значимость.

Безусловно, анализ биологических и психических детерминант проливает свет на деструктивную деятельность, однако не может полностью объяснить данный феномен. При его рассмотрении следует учитывать, что человек имеет многомерную природу и, в отличие от других живых существ, физиологические и психические процессы протекают у него в социокультурном контексте. Поэтому лишь целостное изучение биопсихической и социокультурной детерминации позволит сформировать целостное представление о деструктивной деятельности человека.

1.2. Социокультурная детерминация деструктивной деятельности человека

Особое место при анализе деструктивной деятельности занимает изучение ее социокультурной детерминации. Ведь, как указывает Э.С. Маркарян, «человеческая деятельность – социальная по своей природе активность, программируемая и реализуемая с помощью механизмов культуры»¹. В отличие от животных, человечество сформировалось в процессе не только биологической, но и социокультурной эволюции. Как отмечает финский ученый П. Кууси, именно «культурная эволюция – специфическая особенность человека, отличающая его от всех других видов живых существ»². Не различаясь биологически, представители разных социальных групп отличаются друг от друга в культурном отношении. Именно это и обусловило значительную распространенность среди людей деструктивной деятельности, направленной прежде всего против тех, кто обладает иной культурной информацией. Так, П. Кууси считает, что война – характерное свойство культурной эволюции, «форма поведения, основанная на информационной схеме»³. О значительной роли социокультурной детерминации деструктивной деятельности пишет и Ю.М. Антонян. Он указывает, что именно культура «постоянно поддерживает высокий уровень губительной разрушительности. Поэтому есть все основания думать, что существованием деструктивных порывов мы не в меньшей степени а, возможно, и в большей, обязаны

---

¹ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983. С. 97.

² Кууси П. Этот человеческий мир. М., 1988. С. 56.

³ Там же. С. 65–66.

цивилизации»¹. Итак, именно различия в накопленной разными группами культурной информации часто становятся причиной деструктивной деятельности человека.

Группы, обладающие различной культурной информацией, четко выделяются уже в первобытном обществе. Б.Ф. Поршнев отмечает, что самоназвание множества племен и народов в переводе означает просто «люди», тогда как представители другой общности считались «не совсем людьми». Именно в древности разграничиваются категории «мы» и «они», и только «мы» считались людьми в прямом смысле этого слова². А.П. Назаретян показывает, что уже в мустьерскую эпоху четко прослеживается разница в отношении людей к «своим» и «чужим»³. В первобытной психике «они», «чужие» оценивались негативно и воспринимались как особи иного зоологического вида⁴. «Чужие» – это те, кто, в зависимости от их силы, внушает либо страх, либо ненависть; те, кого следует либо избегать, либо уничтожать⁵. Признание членов «своей» общности истинными людьми, а «чужой» – «недочеловеками», порождает концепцию избранничества «нас», состоявшую в убежденности данной общности, что она в целом и каждый входящий в нее индивид в отдельности избраны богом (или богами) и в силу этой богоизбранности занимают особое место по отношению к «ним», что очень ярко проявилось уже в первобытности и достигло максимального выражения в зороастризме и иудаизме⁶. Итак, в древности люди были убеждены в том, что «они» представляют собой изначального и неизменного врага для «нас». И именно на «них», на «чужих», носителей другой культурной информации, чаще всего была направлена деструктивная деятельность. Так, например, у тунгусов каждый род отличался своей татуировкой лица и некоторыми особенностями оружия и утвари. Если им встречался человек с «чужой» татуировкой, то его убивали и бросали труп на съедение диким зверям⁷. Путешественник Керр, описывая австралийцев, заметил, что у них всякая смерть соплеменника от болезни или несчастного случая непременно приписывается колдовству со стороны какого-нибудь враждебного или малоизвестного племени. В таких случаях после погребения умерших отряд людей, жаждущих крови, отправлялся в сторону, населенную незнакомыми племенами. Найдя группу, принадлежащую к враждебному или малоизвестному племени, они подползали ночью к их стойбищу и убивали спящих мужчин и детей: реальная вражда и воображаемый вред сплетались в одном отрицательном чувстве к чужакам⁸.

¹ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 32.

² Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 82.

³ Назаретян А.П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс? // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 87.

⁴ Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика исторического прогресса). М., 1996. С. 44.

⁵ Скрипник А.П. Моральное зло в истории этики и культуры. М., 1992. С. 31.

⁶ Bickerman E. Four Strange Books of the Bible. Jonah. Daniel. Koheleth. Esther. New York, 1967. P. 45; Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 111.

⁷ Поршнев. Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 99.

⁸ Там же. С. 100; Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964. С. 81.

Американский психиатр С. Марголин, изучавший индейцев племени юта, отмечает, что они достаточно часто совершают насильственные действия по отношению к чужакам или даже убивают их, однако по отношению к соплеменникам ведут себя очень дружелюбно. Согласно традиции, юта, убивший соплеменника, должен был покончить с собой¹. Итак, деструктивные тенденции, присущие природе человека, начинают проявляться уже в первобытности и основываются прежде всего на различиях в культурной информации, которой владеют представители разных социальных групп.

Крайняя форма деструктивных действий, распространенная у первобытных народов, – **каннибализм**. Этот обычай подтверждается многими этнографическими свидетельствами. Английский ученый Л. Файсон так описывает каннибализм австралийских аборигенов: «Племена района Уайд-бей едят не только павших в битве врагов, но и своих убитых друзей и даже умерших естественной смертью, если только трупы находятся в хорошем состоянии. Предварительно они сдирают кожу и консервируют ее, натирая смесью жира и древесного угля»². Н.Н. Миклухо-Маклай сообщал о нравах туземцев островов Адмиралтейства: «Людоедство – явление здесь очень нередкое. Туземцы предпочитают мясо людей свинине»³. Каннибализм как обычная практика был обнаружен этнографами в Африке, Южной и Северной Америке и других частях света. У животных, как было показано выше, явления, подобные каннибализму, не встречаются. Чем же вызвано его возникновение у людей? По мнению А.П. Скрипника, каннибализм развился из двух независимых источников:

- неутолимой жажды мести, упоения властью над поверженным врагом;
- периодического голода, вынуждавшего к поеданию трупов и убийству наиболее слабых сородичей.

В том и в другом случаях субъект оказывался в экстремальных условиях: либо располагая безграничной властью над другими, либо находясь на грани голодной смерти⁴. Антропологи выделяют эндоканнибализм (поедание сородичей) и экзоканнибализм – поедание членов чужой, чаще всего враждебной, группы⁵. Применительно к теме исследования нас интересует прежде всего **экзоканнибализм**, который, вероятно, основывается на информационной схеме и может быть понят лишь в определенном культурном контексте. Л. Каневский отмечает, что представители африканских племен ганаури, рукуба и калери поедали убитых ими врагов⁶. В некоторых тайных африканских обществах, например в «Общества леопарда» в Сьерра-Леоне, убийство и каннибализм считались необходимым условием принадлежности к

---

¹ Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 221–222.

² Морган Л.Г. Древнее общество. Л., 1934. С. 212.

³ Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч.: В 5 т. М., Л., 1950. Т. 2. С. 522–523.

⁴ Скрипник А.П. Указ. соч. С. 38.

⁵ Brown P. Cannibalism // The Encyclopedia of Religion. New York, London, 1987. Vol. 3. P. 60.

⁶ Каневский Л. Каннибализм. М., 1998. С. 189–190.

группе¹. Известный исследователь каннибализма Е. Волхард отмечает, что в древности он связывался с идеей достоинства, избранности и посвященности, свидетельствовал об абсолютной власти человека над человеком². По мнению А.П. Скрипника, каннибализм представлял собой активное самоутверждение за счет другого человека³. Таким образом, экзоканнибализм представляет собой деструкцию, направленную на людей, принадлежащих к иной социокультурной общности. Кроме того, некоторые виды антропофагии закрепляли, освящали принадлежность к своей группе.

В глубокой древности сформировался и такой вид деструктивной деятельности, основанный на информационном различии между группами, как *кровная месть*. Она всегда была направлена на представителей иной социальной группы. В акте кровомщения род действовал как единое целое, даже если реальным мстителем выступало только одно конкретное лицо. В разжигаемых мстостью войнах старались добиться такого успеха, чтобы вражеский род не сумел отомстить в будущем, например уничтожали всех мужчин поголовно вплоть до грудных младенцев⁴. Кровная месть, а также еще более жуткая культурная новация – «охота за черепами» были включены в механизмы социальной иерархии⁵. Тот, кто не отплатил кровью за кровь, не достоин ни женской любви, ни уважения сородичей, как не достоин их у ряда воинственных народов тот, кто не убил чужака и не предъявил доказательств своей зрелости и полноценности: отрезанной головы, ушей, пальцев или половых органов. «Ты никого не убил, значит, ты – мальчик!» – и не можешь претендовать на жену и привилегии взрослого мужчины⁶. Внутри рода принцип кровной мести не действовал, так как род представлял собой единую социокультурную общность. Убивали только тех, кто обладал иной культурной информацией. Существование кровной мести – это еще одно свидетельство особой важности социокультурных оснований деструктивной деятельности.

Каннибализм и кровная месть – явления, распространенные в глубокой древности и характерные для народов, находящихся на низкой ступени развития⁷, однако в последующие этапы развития человечества деструктивная деятельность, основанная на информационной схеме, не только не прекратилась, но и получила еще большее распространение. В истории человечества можно найти немало примеров, когда люди уничтожали себе

---

¹ Там же. С. 226–244; Скворцов Л.В. Насилие и проблема надежности бытия // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Природа насилия. Ежегодник РАН ИНИОН. М., 1995. С. 20.

² Volhard E. Kannibalismus. Stuttgart, 1939. P. 397.

³ Скрипник А.П. Указ. соч. С. 39, 44.

⁴ Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М., Л., 1925. С. 26–27.

⁵ Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953. С. 125.

⁶ Volhard E. Op. cit. P. 439; Скрипник А.П. Указ. соч. С. 32.

⁷ Следует отметить, что каннибализм жив и поныне. Так, в конце 2003 г. в Германии проходил судебный процесс по делу Армина Майвеса – 42-летнего специалиста по компьютерам из Ротенбурга, который подтвердил, что в марте 2001 г. он зарезал и съел человека.

подобных лишь потому, что те отличались от них в культурном отношении, владели иной культурной информацией. Так, во время Великих географических открытий европейцы, захватывая колонии, грабили и разрушали поселения местных жителей, уничтожали произведения искусства, а самих аборигенов убивали. Например, если в 1495 г. на Гаити проживало около 250 тысяч индейцев-араваков, то к 1550 г. их осталось лишь около 500 человек. К 1650 г. все араваки были уничтожены¹. Участник экспедиции Колумба испанский епископ Бартоломео де Лас Касас в своей «Истории индейцев» пишет, что, хотя индейцы были миролюбиво настроены по отношению к испанцам, те обращались с ними крайне жестоко: убивали аборигенов ради забавы, отрезали от их тел ломтики для проверки остроты лезвий своих ножей². Подобным было и отношение членов экспедиции Эрнандо Кортеса к ацтекам Мексики, Франсиско Писарро – к инкам Перу. Завоевателями были разрушены древнейшие культуры народов Америки. Представители незнакомой культуры воспринимались европейцами как «недочеловеки», заслуживающие лишь уничтожения. Еще один пример деструкции, основанной на информационной схеме, – уничтожение представителей иной религии, не желавших подчиняться нормам и правилам господствующего вероучения. Крестовые походы, религиозные войны, инквизиция – этот ряд можно продолжить. Только за годы наивысшего подъема испанской инквизиции (1420–1498) многие тысячи мужчин, женщин и детей были сожжены заживо на кострах за ересь и другие «преступления» против церкви и государства. Так, первый главный инквизитор Испании Томас де Торквемада за 18 лет, которые продолжалась его инквизиционная служба, сжег живьем 10 220 человек³.

Ярким примером деструктивной деятельности, детерминированной культурными различиями, являются массовые убийства евреев на Украине в 1648–1649 гг. Украинский гетман Богдан Хмельницкий ненавидел всех евреев без разбора. Считается, что его казацкие отряды убили более 100 тысяч евреев. Современник этих событий так описывает зверства, чинимые казаками: «С некоторых евреев сдирали кожу, а их тела скармливали собакам. У других отрубали руки и ноги и бросали на дорогу, где они попадали под колеса телег и копыта лошадей. Многих заживо погребали. Одних детей убивали на груди матери, а других разрывали, как рыбу. Вспарывали животы беременных женщин, вытаскивали неродившихся детей и бросали им в лицо. Некоторым разрезали животы и сажали туда живых кошек, отрубая жертвам при этом руки, чтобы они не могли их вытащить... и не было такой смерти, на которую бы ни обрекали их»⁴.

Примеры деструкции, основанной на культурных различиях народов, можно найти и в новейшей истории человечества. В современном обществе дихотомия «свои – чужие» находит свое воплощение в идеологии. Как отмечает

---

¹ Zinn H. A People's History of the United States, 1492 – Present. New York, 1995. P. 4–5.

² Ibid. P. 5–6.

³ Льюоренте Х.-А. Критическая история испанской инквизиции.: В 2-х т. М., 1936. Т. 1. С. 200.

⁴ Телушкин И. Еврейский мир: важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии. М., 2000. С. 167.

К.С. Гаджиев, для консолидации идеологии наличие внешнего врага даже более значимо, чем единство интересов ее носителей. Если нет внешнего врага, то его искусственно изобретают. Особенно отчетливо это проявляется в радикальных идеологиях, сама их суть выражается с помощью образа врага¹. Так, нацистская идеология представляет собой концепцию «избранности нас» – представителей арийской расы, которой судьба предназначала создать «новый мировой порядок». Придя к власти, Гитлер утверждал, что все социально-экономические проблемы Германии будут решены, когда в стране будут уничтожены «враги» – коммунисты, демократы, евреи, цыгане, считавшиеся «недочеловеками». Ю.А. Жданов указывает, что фашизм имеет такие глубинные основания, как ксенофобия (непримение чужих), и ксенолазия – изгнание инородцев, сохранившиеся с глубокой древности². Многие современные межнациональные конфликты – это не что иное, как деструктивная деятельность, основанная на различиях в культурной информации, хотя и не редуцируемая только к этому. Ненависть к «чужим», к врагам сознательно разжигается в членах террористических организаций. Эрнесто «Че» Гевара так говорил об этом: «Ненависть как фактор борьбы, нетерпимая ненависть к врагу, которая выходит за пределы естественных человеческих границ и превращает бойца в эффективную, неудержимую, избирательную и хладнокровную машину убийства. Наши солдаты должны быть такими; народ без ненависти не может победить жестокого врага»³. Для террористических групп правого толка враг выступает в роли представителей другой расы или национальности (евреи, арабы, турки, славяне и т.д.) либо другого политического движения (коммунисты, социалисты, либералы). Террористические организации религиозного фундаменталистского толка избирают объектом ненависти сторонников другого вероучения («неверных», мусульман). При этом враг как объект ненависти дегуманизируется, лишается каких бы то ни было человеческих качеств. Адепты терроризма имеют дело не с реальными, конкретными людьми, а с «символами», с «представителями»⁴.

Итак, в отличие от животных, люди сформировались в ходе не только биологической, но и социокультурной эволюции. Последняя привела к тому, что представители разных общностей, не отличаясь друг от друга в биологическом отношении, значительно различаются по накопленной ими культурной информации. Именно информационные различия между отдельными социальными группами, воспринимаемыми как «свои» и «чужие», могут стать причиной деструктивной деятельности, направленной против особей своего биологического вида.

---

¹ Гаджиев К.С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998. № 12. С. 5.

² Жданов Ю.А. Социальная природа фашизма // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1995. № 1. С. 5.

³ Требин М. Терроризм как деструктивный модус бытия // Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия. Минск, 2004. С. 231.

⁴ Там же. С. 232.

Значительное влияние на формирование склонности личности к деструкции оказывают *культурные нормы и образцы поведения*. Так, если аутодеструктивные действия оцениваются в определенной социокультурной общности позитивно, то представители данной общности склоняются к их совершению значительно чаще, чем в обществе, где к таковым относятся негативно¹.

Формированию деструктивной деятельности способствует принадлежность к *субкультуре*², в которой такая деятельность оценивается позитивно, к ним относятся так называемые «субкультура насилия», «делинквентная субкультура», «криминальная субкультура», «наркотическая субкультура» и т.п.³. Согласно Дж. Шорту, «субкультуры – это образцы ценностей, норм и поведения, которые становятся традиционными среди определенных групп. Они образуют так называемую рамку, через которую индивид или группы смотрят на мир и интерпретируют его»⁴. Так, например, субкультуре панка свойственна аутодеструктивная тенденция, их своеобразный девиз: «жить быстро, умереть молодым». Идеология панка включает пренебрежительное отношение к своему телу. Его не обязательно мыть, за ним не нужно ухаживать, оно не имеет ценности, как, впрочем, и то, что внутри него. Культуре панка свойственно употребление героина, который быстро и болезненно разрушает организм⁵. Мир представляется панкам отвратительным, он саморазрушается, катится в пропасть, и ему надо помочь скорее туда скатиться. Панки провозглашают: «Убей меня! Убей всех!». Вхождение в «панк-культуру» сопровождается пьянством, наркоманией и приводит к распаду личности⁶.

Наряду с культурно-информационными различиями между отдельными социальными общностями, способствующими проявлению деструктивной деятельности, направленной на представителей «чужой» общности, очень важно подробно проанализировать ее *социальную детерминацию*. Ю.Г. Волков и В.С. Поликарпов справедливо отмечают, что «так как общество есть способ существования человека, то деятельность человека определяется «архитектурой» социальной действительности»⁷. Именно в социуме человек становится личностью, в социуме трансформируются элементарные потребности человека и формируются такие специфические потребности, как потребность в самореализации, стремление к превосходству, к расширению

---

¹ Более подробно данный вопрос будет рассмотрен в параграфе 2.3.

² Под *субкультурой* понимается общность людей, объединенных нормами, ценностями и идеалами, отличными от доминирующих в рамках ведущей культурной традиции (Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н.Чумаков. М., 2003. С. 975).

³ Лисовский В.Т., Колесникова Э.А. Наркотизм как социальная проблема. СПб., 2001. С. 52–53.

⁴ Short J. The Sociology of Crime and Delinquency. New York. 1982. P. 44.

⁵ Лисовский В.Т., Колесникова Э.А. Указ. соч. С. 54.

⁶ Профилактика девиантного поведения молодежи. Учебное пособие / Научн. ред. и сост. В.Т. Лисовский. М., СПб., 1998. С. 72–78.

⁷ Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Интегральная природа человека: естественнонаучный и гуманитарный аспекты. Ростов-на-Дону, 1993. С. 74.

собственной власти, а также потребности в принадлежности, идеалах, ценностях, в объектах поклонения. Кроме того, потребности удовлетворяются лишь в обществе и посредством общества в социально определенных формах¹, потому для выяснения социальных детерминант деструктивной деятельности необходимо рассмотреть социальные потребности индивида и проанализировать отношения, складывающиеся в обществе.

Особенность природы человека состоит в том, что он стремится выйти за пределы самого себя и своего мира, обойти законы природы и истории. На эту специфическую особенность человека указывают многие исследователи². Так, А. Адлер считал, что люди обладают *творческой силой*, которая обеспечивает возможность распоряжаться своей жизнью. Он пишет, что именно свободная, осознанная активность является определяющей чертой человека. Творческая сила делает каждого человека самоопределяющимся индивидуумом, архитектором своей собственной жизни³. Эта сила побуждает человека к деятельности (как к конструктивной, так и к деструктивной). В последнее время многие исследователи указывают на связь творчества и деструкции. Так, В.Н. Дружинин выделяет два вида преобразования: творческое поведение, создающее новую среду, и разрушение – дезадаптивное поведение, не создающее, а уничтожающее прежнюю среду⁴. Б. Карлоф пишет о двух видах поведения: адаптивном, связанном с имеющимися в распоряжении человека ресурсами, и креативном, которое они определяют как «созидательное разрушение»⁵. Я.И. Гилинский и О.С. Осипова считают, что созидание, творчество и антиобщественные, разрушительные действия являются разновидностями девиантного поведения⁶. Связь творческой и деструктивной деятельности объясняется как во многом общими побудительными мотивами, так и общим сущностным смыслом. Создавая новое и разрушая имеющееся, человек не ограничивается воспроизводством известных ему способов деятельности, выходит за рамки привычного поведения. Кроме того, и деструкция, и творчество способствуют удовлетворению потребности личности в самореализации.

Особого внимания заслуживает взгляд польского ученого Ю. Козелецкого на природу творчества и деструкции. Он тоже исходит из того, что человеку присуще стремление к постоянному преодолению своих прежних достижений и результатов, желание выйти за пределы того, чем он обладает,

---

¹ Гилинский Я.И. Творчество: норма или отклонение // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 45.

² Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Указ. соч.; Козелецкий Ю. Человек многомерный (Психологические эссе). Киев, 1991; Adler A. The Individual Psychology of Alfred Adler: A Systematic Presentation of Selections from his Writings. New York, 1956.

³ Adler A. The Individual Psychology of Alfred Adler: A Systematic Presentation of Selections from his Writings. New York, 1956.

⁴ Дружинин В.Н. Психодиагностика общих способностей. М., 1996. С. 139.

⁵ Карлоф Б. Деловая стратегия (концепция, содержание, символы). М., 1991.

⁶ Гилинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 74.; Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло? // Социологические исследования. 1998. № 9.

называемое им *трансгрессия*¹. Именно благодаря актам трансгрессии, благодаря движению вперед, люди расширяют свой мир, создают новые материальные и духовные ценности, развивают науку, технику, искусство. Одной из разновидностей трансгрессии является творчество. Трансгрессия создает возможности для возникновения новых форм, раздвигает границы человеческого познания, расширяет свободу индивида. Однако наряду с конструктивной, созидающей трансгрессией, «человек предпринимает деструктивные действия, приводящие к разрушению прежних форм, соответствующих нормам культуры... Человек использует действия, направленные на узурпацию, часто стремится приобрести абсолютную, садистическую власть, пропагандирует экстремистские идеологии, направленные против человеческого общества, наконец, осуществляет деструктивные акты, подобные самоубийству»². Таким образом, трансгрессия, по Ю. Козелецкому, это понятие, объединяющее как созидательную деятельность (традиционно именуемую творчеством), так и разрушительную (деструктивную) деятельность. По его мнению, трансгрессивная деятельность человека объясняется наличием у него *губристической мотивации*³, под которой Ю. Козелецкий понимает упорное стремление к превосходству, к совершенству и расширению собственной власти⁴. Губристическая мотивация формируется у человека в обществе. Как указывает П. Кууси, люди постоянно стремятся к самоутверждению и соперничеству потому, что любой человек представляет собой неповторимую индивидуальность не только с точки зрения заложенной в нем генетической информации, но и прежде всего по своему культурному достоянию. Именно поэтому человек постоянно сравнивает себя с другими людьми и стремится завоевать авторитет. Уникальность любого человека обрекает его на непрерывное соперничество и борьбу за свое место в жизни⁵. Итак, человеку присущи «творческая сила», «стремление к трансгрессии», которые расширяют его свободу, позволяют ему воздействовать на окружающий мир, изменяя его, и таким образом самореализоваться – удовлетворить глубинную личностную потребность. Достичь этого возможно путем совершения как созидательных, так и разрушительных действий.

Одна из глубинных причин трансгрессии (как деструктивной, так и конструктивной) – это *отчуждение человека от природы и мира в целом*⁶.

---

¹ Козелецкий Ю. Указ. соч. С. 31–34.

² Там же. С. 33.

³ Термин «губристическая мотивация» образован Ю. Козелецким от древнегреческого слова «hubris» или «hybris», означающего «спесь» или «стремление к превосходству, вызывающее гнев богов».

⁴ Там же. С. 67–74.

⁵ Кууси П. Указ. соч. С. 64.

⁶ Абраменкова В.В. Проблема отчуждения в психологии // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 5–12; Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Ереван, 1987; Вильчек В.М. Прощание с Марксом: алгоритмы истории. М., 1989; Грицанов А.А., Овчаренко В.И. Человек и отчуждение. Минск, 1991; Дружинин В.Н. Психодиагностика общих способностей. М., 1996; Мигольцев А.А. Социальная философия.

Так, В.М. Вильчек пишет, что природа творчества основана на природе человека как вида, который утратил в результате мутации инстинктивную видовую программу деятельности. Отсюда неизбежно возникли нарушения основных взаимосвязей: дефект деятельности (связь «человек – природная среда») и дефект отношений (связь «человек – человек»). Следствием этого стало первичное изначальное отчуждение человека от природы и мира в целом¹. Результаты и продукты деятельности людей превратились в некую независимую силу, становящуюся выше творцов и подавляющую их. Построенный человеком современный мир является отчужденной силой, чья имманентная логика подчиняет себе поведение индивида и группы². Отчуждение приводит к тому, что индивидом овладевает ощущение неблагополучия, недостаточности участия в каком-либо виде деятельности или участия в качестве инструмента. В ходе человеческой истории, по мере развития производительных сил, результаты деятельности человека все более и более представляются самому деятелю как отчужденные и независимые объекты, способные контролировать его бытие.

Обретенная человеком свобода принесла ему независимость и рациональность существования, но вместе с тем она изолировала его и побудила в нем чувства одиночества, бессилия и тревоги. Свобода оказалась не только благом, но и большим бременем, зачастую непосильным для людей. Э. Фромм утверждал, что конфликт между стремлением к свободе и стремлением к безопасности представляет собой наиболее мощную мотивационную силу в жизни людей³. Именно этот конфликт порождает деструктивную деятельность, которую Э. Фромм называет одним из способов «бегства от свободы»⁴. Итак, отчуждение характеризуется тем, что человек противопоставляет себя другим людям, социальным группам и миру в целом, теряет чувство принадлежности, утрачивает способность к идентификации. Именно тотальное отчуждение порождает деструктивную деятельность.

Особого внимания при анализе социокультурной детерминации деструктивной деятельности заслуживает концепция Э. Дюркгейма⁵. Он отмечает, что человеку как общественному существу присущи такие социальные потребности, как потребности в идеалах, ценностях, в объектах поклонения. Именно потому тенденция к деструкции особенно усиливается в условиях ценностно-нормативного кризиса в обществе, названного Э. Дюркгеймом *аномией* (букв. «нерегулируемость»). Э. Дюркгейм указывает, что социальные и культурные нормы играют важную роль в регуляции жизни людей. Когда вся сеть социальных отношений хорошо

Проблема отчуждения: грани и следствия // Социально-гуманитарные знания. 1999. №1; Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.

¹ Вильчек В.М. Указ. соч. С. 20.

² Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.

³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989. С. 163.

⁵ Дюркгейм Э. Самоубийство // Тексты по истории социологии XIX–XX вв. Хрестоматия / Сост. и отв. ред. В.И. Добренко, Л.П. Беленкова. М., 1994. С. 312–327.

интегрирована, тогда существует высокая степень социального сцепления; люди ощущают себя жизненными частями общества, к которому они принадлежат; они свободны от чувств психосоциальной изоляции, одиночества или забытости. Такой тип социальной организации сдерживает деструктивные тенденции, присущие природе человека. Культура такого общества действует в том же направлении. Поскольку общество интегрировано и поскольку это единство ощущается его членами, его культура также является единой. Его ценности принимаются и разделяются всеми его членами, рассматриваются как надындивидуальные, бесспорные и священные. Такая культура не поощряет совершение деструктивных действий вообще и самоубийств в частности. Напротив, общество с низкой степенью сцепления, члены которого слабо связаны между собой и с референтной группой, общество с запутанной сетью социальных норм, с «атомизированными», «релятивизированными» культурными ценностями, не пользующимися всеобщим признанием и являющимися делом простого личного предпочтения, является мощным генератором деструкции. Однако, как показывает Э. Дюркгейм, и слишком жесткое интегрирование индивида в общественные отношения, доходящее до подавления его личности и индивидуальности, резко ограничивающее его свободу, потребности, также весьма негативно сказывается на человеке и приводит к чувству обесценивания жизни¹. Итак, человеку как общественному существу важно ощущать принадлежность к определенной группе, чувствовать себя частью целого, ему необходимы четкие ценностно-нормативные ориентиры. Если общество не может дать индивиду регулирующих норм или, наоборот, система норм является слишком жесткой и ограничивает свободу индивида, то у человека усиливаются деструктивные устремления.

К числу социальных детерминант деструктивной деятельности относятся также несоответствие объективных свойств человека (включая его задатки, способности) требованиям занимаемой позиции в системе общественных отношений, «социальная неустроенность», конфликтность бытия, противоречия между потребностями индивида и возможностями их удовлетворения². Как указывает ряд исследователей³, деструкция может быть также вызвана **изменением социального статуса индивида или группы**. Чем более радикальным является понижение социального статуса, тем вероятнее вспышка деструктивных устремлений. **Нисходящая социальная мобильность** чаще всего является потенциальным источником деструкции. Маргинальные, лишившиеся социальных корней слои традиционно рассматриваются как потенциальный источник экстремистских, насильственных действий. Сознание

---

¹ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 315–316, 320; Смелзер Н. Указ соч. С. 207; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 168.

² Гишинский Я.И. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 45–46.

³ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 320; Bowen R. A Model of Civil Violence // International Political Science Association. VIII World Congress. Bruxelles, 1970. P. 5–6; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М., 2000; Залысин И.Ю. Структурные и политические источники насилия // Социально-политический журнал. 1998. № 1.

этих слоев амбивалентно. Ряд исследователей отмечает, с одной стороны, их абсентеизм, а с другой – враждебность к обществу, которая создает готовность к разрушительным действиям. Поведение маргинальных слоев отличается крайней противоречивостью: они либо чрезмерно пассивны, либо очень агрессивны, легко преступают нравственные нормы и способны на непредсказуемые поступки¹. Действительно, если маргиналы участвуют в политических акциях, их действия часто характеризуются разрушительностью, граничащей с иррациональностью. В 1970-е – 1980-е гг. подобного рода действия отличали объединения «автономистов» во многих странах Западной Европы. Их базу составляли безработная молодежь, недоучившиеся студенты, лицеисты. Автономисты занимались «крушительством» – совершением актов вандализма против «вещей» (автомобилей, витрин магазинов и т.д.)².

Как отмечают А.В. Дмитриев и И.Ю. Залысин, элементы маргинального сознания и поведения присущи не только аутсайдерам, но и стратам, имеющим более высокий статус, в частности студенчеству. Социальная позиция студенчества имеет некоторые черты маргинальности: отсутствие прочной социальной закрепленности, временное неучастие в общественном производстве, зависимое материальное положение³. Неудивительно, что студенчество активно участвует в политических беспорядках, составляет высокий процент в рядах террористических организаций. Например, в Италии в начале 1980-х гг. студенты составляли в левотеррористических организациях вторую, а в правотеррористических – первую по численности социальную категорию⁴.

Однако снижение социальной мобильности имеет определенный порог, за которым оно уже мало влияет на склонность к деструкции. Индивиды, в течение длительного времени находящиеся в положении аутсайдеров, редко совершают деструктивные действия. Длительность пребывания в маргинальном состоянии способствует привыканию к положению «дна», утрате социальных надежд, полному деклассированию (люмпенизации) и скорее к апатии или криминалу, чем к деструкции.

Также источником конфликтов часто становится и *прерванная восходящая мобильность*, когда реальное улучшение социальной позиции происходит медленнее, чем растут ожидания. В результате возникает так называемая относительная депривация (разрыв между социальными ожиданиями и возможностями). Она порождает фрустрацию, которая может привести к разрушительным действиям⁵.

Рост деструкции обусловлен и *ухудшением общей социально-экономической обстановки в стране*, ростом безработицы, социальной незащищенностью людей и их разочарованием в жизни, связанным с

---

¹ Залысин И.Ю. Указ. соч. С. 99–100.

² Mancini F. Terroristi e riformisti. Bologna, 1981. P. 27–29.

³ Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психология высшей школы. Минск, 1978; Новинская М.И. Студенчество США. М., 1977.

⁴ Weinberg L., Eubank W. The Rise and Fall of Italian Terrorism. Boulder, L., 1987. P. 86.

⁵ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М., 2000. С. 71.

отсутствием перспектив. Это подтверждается многочисленными социологическими данными. Так, американский исследователь М. Аргайл показывает, что увеличение безработицы на 1% в США (если она затем не снижается на протяжении 5 последующих лет) приводит к росту самоубийств на 4,5%, а убийств – на 5,7%¹. В России, переживающей в настоящее время затяжной экономической, политической и социальный кризис, уровень самоубийств возрос с 26,4 суицидов на 100 тыс. населения в 1990 г. до 42,1 в 1994 г. (при том, что по критериям Всемирной организации здравоохранения, уровень свыше 20 суицидов на 100 тыс. населения считается высоким)². Уровень убийств в России увеличился с 11 на 100 тыс. населения в 1989 г. до 32 в 1994, затем он несколько снизился (до 23 в 1998 г.), однако все равно оставался достаточно высоким³. Таким образом, российское общество, для которого характерен глубокий социально-нормативный кризис, в котором в настоящее время отсутствует общенациональная идеология, способная сплотить людей⁴, само воспроизводит деструкцию.

Фактором, детерминирующим деструктивную деятельность, может стать **одиночество** – психологическое чувство разобщенности и социальной изоляции личности, фиксирующее внутренний, рефлексивный разлад человека с самим собой, его сосредоточение на неполноценности своих отношений с миром «других» людей⁵. Все исследователи сходятся на том, что одиночество в самом общем приближении связано с переживанием человека, оказавшегося оторванным от сообщества людей, семьи, исторической реальности гармоничного природного мироздания⁶. Своеобразной аксиомой всех современных теорий одиночества, по мнению Н. Покровского, стало признание того, что физическая изолированность субъекта далеко не всегда соседствует с одиночеством⁷. Наиболее остро современный человек ощущает одиночество в ситуациях интенсивного и подчас принудительного общения в городской толпе, в кругу собственной семьи, в среде друзей. Выдвинутый в 50-е годы XX в. американским социологом Д. Рисменом термин «одинокая толпа» превратился в явление нашего времени. «Западное общество, – пишет М. Стуртуа, – все более превращается в сумму индивидов, где количество не переходит в качество, где атомы и молекулы не сцепляются друг с другом. Люди уходят в себя, как улитки, превращаясь в вещь в себе, навечно сданную в

---

¹ Аргайл М. Психология счастья. М., 1996. С. 96, 58.

² Орлова И.Б. Самоубийство – явление социальное // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 71.

³ Гуткин Л.С. Человечество на рубеже веков: показатели социально-экономического развития стран мира. М., 2003. С. 140.

⁴ Волков Ю.Г. В поисках новой идеологии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1996. № 4. С. 19–26.

⁵ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 104.

⁶ Лебедев В.И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. М., 2002. С. 41.

⁷ Покровский И.Е. Человек, одиночество, гуманизм // Лабиринты одиночества. М., 1989. С. 8.

камеру хранения человеческого эгоизма»¹. Одиночество наряду с другими факторами может способствовать росту деструктивных устремлений личности.

Особое место в формировании деструктивной деятельности человека занимают *условия социализации индивида*, а, как известно, ведущую роль в процессе социализации играет *семья*. Именно семейные условия, включая социальное положение, род занятий, материальный уровень и уровень образования родителей, в значительной мере определяют жизненный путь ребенка. Как показывают многочисленные исследования, размывание семейных ценностей, существенные изменения в системе мужских и женских социальных ролей, переход к малой супружеской семье, внутрисемейное неблагополучие усложняют процесс социализации индивида, что, в свою очередь, способствует росту деструктивности, как направленной вовне, так и обращенной индивидом на самого себя².

Именно негативная семейная обстановка является одним из факторов, способствующим формированию убийц и террористов. Так, проведенное Ю.М. Антоняном исследование личности и поведения убийц показало, что около 80% из них испытывали дефицит тепла в детстве, в первую очередь со стороны матери³. Занимавшийся изучением несовершеннолетних убийц американский исследователь Мак-Картти указывает, что они, как правило, происходят из «семей, где царит атмосфера беспорядка и безмолвия, где безразличие к чувствам другого часто идет рука об руку с физической жестокостью и недостаточной поддержкой и заинтересованностью» в жизни ребенка⁴. В.П. Эфроимсон приводит результаты психического обследования 53 убийц, которое показало, что 2/3 из них воспитывались в детстве под постоянной угрозой тяжелых физических наказаний и действительно подвергались им⁵. Из автобиографий и литературных описаний мы узнаем, что многие известные террористы выросли в семьях, где отсутствовал один из родителей, либо вообще были сиротами. Так, С. Перовская ушла из дома в юности из-за разрыва с отцом. Около четверти активистов РАФ (левотеррористической группы в ФРГ) являлись выходцами из неполных семей. Известный палестинский террорист Абу Нидааль в 10 лет остался без матери. Ж.-М. Ле Пен, лидер ультралевого национального фронта, в подростковом возрасте потерял отца. Руководитель крайне правой Британской национальной партии Д. Бинон также лишился отца в шесть лет. У матери-инвалида на руках

---

¹ Последняя экспедиция Р. Скотта. М., 1955. С. 3.

² Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2002. С. 212–231; Бойко И.Б. Проявление агрессивности несовершеннолетних осужденных женского пола // Вопросы психологии. 1993. № 4; Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997. С. 49; Нравственность, агрессия, справедливость (Сокращенное изложение главы из книги Креч Д., Крачфилд Р., Ливсон Н. Элементы психологии. Нью-Йорк, 1974) // Вопросы психологии. 1992. № 1–2. С. 84–97; Bandura A. Aggression: A Social-learning Analysis. Englewood Cliffs. New York, 1973.

³ Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 218.

⁴ Бэрн Р., Ричардсон Д. Указ. соч. С. 93.

⁵ Эфроимсон В.П. Указ. соч. С. 223.

осталось четверо детей¹. Одиночество, недостаток человеческого тепла окрашивают с детства эмоциональный мир многих тиранов. Так, Иван Грозный стал сиротой в 8 лет², Ф. Франко был брошенным и неоднократно унижаемым ребенком, конфликтом с отцом было окрашено детство Гитлера³. Травматический опыт детства способствует формированию у человека комплекса неполноценности, страха перед миром, рассматриваемым в качестве враждебного. Такие люди пытаются компенсировать свое одиночество, унижения и боль детских лет. Деструктивная деятельность, направленная вовне, дает такой личности возможность ощутить свою власть, самоутвердиться, вернуть себе высокую самооценку.

Неблагоприятные условия социализации индивида способствуют и аутодеструкции, в частности, являются фактором суицидального риска. Еще Э. Дюркгейм вывел законы, прослеживающие связь семьи и суицида, показав, что «брак почти наполовину уменьшает склонность к самоубийству»⁴. Современные исследователи называют одинокое проживание одним из факторов суицидального риска⁵. Это, вероятно, связано с тем, что человек так или иначе несет ответственность перед своими близкими, и это способно удержать его от рокового шага. Кроме того, сама семья в какой-то степени выполняет психотерапевтическую функцию, особенно если это здоровая, полная, гармоничная семья. В исследованиях последних лет было показано, что для ребенка 6–14 лет потеря родителя является особенно распространенным фактором риска последующего самоубийства⁶. Суицидальному поведению подростков способствуют также асоциальное поведение или реактивные состояния родителей, суициды среди родственников, слишком сильная привязанность ребенка к кому-то из родителей, при которой у него не формируются независимость поведения, собственные ценностные ориентиры и умение самостоятельно преодолевать жизненные препятствия и трудности.

Проблемная семья способствует и аутодеструкции личности, являющейся следствием алкоголизма, наркомании и токсикомании. Большинство авторов, занимающихся изучением проблем наркомании, токсикомании и алкоголизма, упоминают о неполной семье, семейных разрывах и конфликтной обстановке как о явлениях, сопутствующих наркомании. Очевидным фактором риска может быть также наличие в семье наркомана, алкоголика или курильщика. Способствует наркомании и недостаточное внимание, уделяемое ребенку со стороны родителей. Х. Джонс пишет о постоянном чувстве зависимости

---

¹ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. С. 121.

² Кобрин В. Иван Грозный. М., 1989. С. 23.

³ Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Указ. соч. М., 2000. С. 121.

⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. СПб., 1998.

⁵ Первичная профилактика психических, неврологических и психосоциальных расстройств / Под ред. А.Н. Моховикова. М., 2002. С. 95.

⁶ Lester D. Experience of Personal Loss and Later Suicide // Acta psychiatrica Scandinavica. 1989. №79. P. 450–452.

наркомана сначала от матери, а затем от жены¹. Указывается также, что родители наркоманов часто являются людьми психически неполноценными или неуравновешенными, равнодушными к своим детям, иногда пьющими, склонными к употреблению психоактивных средств. В специальном исследовании Н. Селдина «Семья наркомана» говорится о том, что матери наркоманов по своему характеру чаще бывают властными, эмоционально не развитыми, что является фактором риска наркомании². В.Т. Лисовский и Э.А. Колесникова обращают внимание на зависимость наркотизма от психологической атмосферы семьи. Так, среди детей из психологически благополучных семей число попробовавших наркотики составляет 38%, а среди детей из неблагополучных семей – 48%, то есть возрастает на 10%. Важным фактором, влияющим на отношение подростков к наркотикам, является взаимоотношение с родителями. Среди подростков, имеющих взаимопонимание с отцом, на опыт знакомства с наркотиками указали 33%, а среди тех, у кого такое взаимопонимание отсутствует, – 47%. Об опыте знакомства с наркотиками рассказали 32% подростков, имеющих взаимопонимание с матерью, и 53% респондентов, у которых такое взаимопонимание отсутствует. Проявление негативного отношения или жестокого обращения в семье также увеличивает риск употребления наркотиков. Так, безразличие, невнимание, оскорбления со стороны членов семьи увеличивают число попробовавших наркотики на 2%, а психологическое давление, агрессивное поведение или физическое насилие – на 7%³. Приведенные данные показывают, что семейное неблагополучие является фактором, способствующим аутодеструкции личности.

Итак, результаты обследования лиц, совершивших деструктивные действия, свидетельствуют, что формированию склонности к деструкции способствуют неблагоприятные условия социализации личности в семье, низкий уровень психологической культуры населения, неумение эффективно строить супружеские отношения и отношения с детьми, конструктивно решать возникающие проблемы. Рост человеческой деструктивности, наблюдаемый в настоящее время, во многом обусловлен кризисом, который переживает современная семья. Он вызван конфликтами в отношениях между супругами и ближайшими родственниками; несогласованностью, противоречивостью педагогических позиций и воспитательных приемов; чрезмерной общественной и производственной занятостью родителей, влекущей за собой замену неспешного доброжелательного общения с детьми на контролирующую функцию, подавляющую личность и эксплуатирующую ее как предмет реализации родительских амбиций; чрезмерной опекой, тревожностью, недоверием к возможностям и силам ребенка, которые провоцируют формирование аналогичных параметров в его личности. Определенное влияние

---

¹ Jons H. Alcohol Adiction: A Psucho-Social Approach to Abnormal Drinking. London, 1963. P. 189–190.

² Seldin N.E. The Family of the Addict // International Journal of the Addiction. 1972. Vol. 7. №1. P. 97.

³ Лисовский В.Т., Колесникова Э.А. Наркотизм как социальная проблема. СПб., 2001. С. 78.

на формирование деструктивного поведения оказывает и малодетность современной семьи, лишаящая ребенка возможности проживать свои детские эмоции среди детей, снижающая толерантность к другим людям, формирующая высокую степень персонификации, и, в конечном счете, способствующая росту отчуждения и деструктивности. Фактором, способствующим формированию склонности личности к разрушению, является также отторжение, неприятие ребенка в силу асоциального образа жизни родителей либо в силу предпочтения ими собственных проблем, связанных с карьерой, конфликтами, здоровьем, выживанием. Необходимо, однако, обратить внимание на тот факт, что зависимость между деструктивностью и негативной внутрисемейной обстановкой не является прямой. Это подтверждает феномен так называемых «жизнестойких детей», выросших в крайне неблагоприятных условиях, однако не склонных к деструкции¹. Условия социализации индивида – один из факторов, действующих в совокупности с иными – биологическими, психологическими, социокультурными.

Важное место в формировании деструктивной деятельности человека *социальное научение*. Это обусловлено тем, что фундаментальной чертой человеческой природы выступает *способность к подражанию (мимезис)*. Именно она используется для освоения индивидом деструктивных действий. Многочисленные данные подтверждают «заразность» деструкции. Так, в июле 1966 г. Ричард Спек убил восемь медсестер в Чикаго, штат Иллинойс. В августе того же года Чарльз Уитмен расстрелял 45 человек с башни Техасского университета в городе Остин. Три месяца спустя в Аризоне Роберт Смит, 18-летний ученик старшего класса, отправился на курсы косметологии и убил там четырех женщин и ребенка. Позже он рассказал полиции, что мысль о массовом убийстве возникла у него после того, как он прочитал в газете о Спеке и Уитмене². Сотрудники спецслужб установили, что часто за попытками убить видного политического деятеля следует резкий рост числа устных и письменных угроз в его адрес. Именно такой рост имел место в сентябре 1975 г., после того как Линетт Фромме пыталась застрелить президента Джеральда Форда. В первые три недели после покушения в адрес президента Форда пришло 320 угроз в сравнении с обычными 100 угрозами за такой же период времени. Примерно через две недели после попытки Линетт Фромме в президента Форда стреляла Сара Джейн Мур. Хьюберт Хамфри, вице-президент во времена Линдона Джонсона и сам трижды кандидат в президенты, так прокомментировал второе покушение на жизнь президента Форда: «Встречаются люди, которые в ту минуту, когда видят такую попытку или слышат о ней, по той или иной причине... хотят совершить то же самое»³. Широко распространены самоубийства под влиянием чьего-либо примера. Вслед за появлением в 1774 г. «Страданий юного Вертера» И.В. Гете, где описаны жизнь юноши и его смерть от несчастной любви, по Европе

¹ Данилин А.Г. LSD. Галлюциногены, психоделия и феномен зависимости. М., 2002. С. 258–259.

² Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2002. С. 242.

³ Там же. С. 241.

прокатилась волна самоубийств. Подобные подражательные самоубийства психологи назвали «эффектом Вертера». Например, смерть Мерилин Монро в августе 1962 г. вызвала 12%-ный рост самоубийств в США по сравнению с ожидаемым уровнем и 10%-ный рост – в Великобритании¹.

В настоящее время активно обсуждается вопрос *о влиянии насилия на телеэкранах на деструктивную деятельность человека*, причем исследователи по-разному оценивают таковое. Как известно, изображение деструктивных действий – распространенная особенность многих кинофильмов, телевизионных программ и компьютерных игр, в том числе и тех из них, которые рассчитаны на детей и подростков. Причем случаи, когда деструктивные действия совершались под влиянием увиденного на телеэкране, нередки. Например, в фильме «Таксист» главный герой, выйдя из себя, заявляет малолетней проститутке, что, если она откажет ему, он убьет одного из политиков. Эта сцена может побудить какого-нибудь легковозбудимого человека на самом деле застрелить известного политика. В марте 1981 г., вскоре после просмотра этого фильма, Джон Хинкли покушался на убийство президента Рональда Рейгана и ранил его – так он пытался завоевать любовь женщины. Позже следователи обнаружили в гостиничном номере Хинкли письмо, адресованное актрисе Джоди Фостер, сыгравшей в фильме проститутку. Потенциальный убийца, очевидно, безумно влюбленный в мисс Фостер, писал, что ради нее готов убить президента Рейгана. Средства массовой информации и специалисты-психиатры высказали предположение, что Хинкли действовал в соответствии с фантазией, навеянной этим фильмом². Несколько лет назад в Германии произошло убийство, которое широко освещалось в средствах массовой информации: 15-летний мальчик убил топором свою тетю точь-в-точь, как это было показано в фильме, который он смотрел незадолго до этого. Относительно недавно в Великобритании трое 16-летних школьников были осуждены за убийство 15-летнего подростка: на детской площадке была воспроизведена сцена из фильма «Бешеные псы». Школьники предприняли жестокое нападение, причем один из мальчиков сымитировал культовый фильм, попытавшись отрезать жертве ухо³. Этот список можно продолжить, однако не решен до конца вопрос, влияют ли подобные фильмы только на психически неуравновешенных людей и лиц с крайне агрессивным характером или вид драки, насилия, убийства может побудить к совершению деструктивных действий даже сравнительно нормальных людей.

При изучении влияния средств массовой информации на уровень деструктивности следует обратить внимание на то, что оно является наибольшим, если деструктивные действия на экране не осуждаются. Уместно вспомнить о героях мультфильмов, которые, будучи раздавленными паровым

---

¹ Phillips D.P. Natural experiments on the effects of mass media violence on fatal aggression: Strengths and weaknesses of a new approach // Advances in experimental social psychology. Berkowitz L. (Ed.) Vol. 19. Orlando, Fla, 1986. P. 207–250.

² Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2002. С. 238.

³ Крэйхи Б. Социальная психология агрессии. СПб., 2003. С. 139.

катком, тут же снова бодро вскакивают на ноги или, будучи разорванными на части взрывом, оправляются за считанные секунды. В данном случае представление о том, что акты насилия необратимы и причиняют подлинную боль и вред, просто вычеркивается. Национальное исследование телевизионного насилия, проведенное в США в 1997 г., выявило, что приблизительно в половине агрессивных сцен не показывалось никаких страданий или физических повреждений жертвы. Если же рассматривать только программы для детей, этот показатель достигает 62%¹.

Л. Берковиц отмечает, что рост насильственных и деструктивных действий наблюдается в том случае, если в СМИ не сообщается о наказании, которое понес совершивший разрушительное деяние. То же самое относится и к демонстрации насилия в кино. Чрезвычайно агрессивный фильм не спровоцирует усиливающие агрессию мысли и деструктивные действия, если зрители расценивают экранные драки, стрельбу и убийства как злодеяния и не отождествляют себя с агрессором². Так, не было обнаружено связи между просмотром телепередач и уровнем агрессивности у израильских детей, проживающих в кибуцах. Это связано, по мнению исследователей, с тем, что в кибуце принято обсуждать социальные последствия драк и убийств, увиденных на экране³. Какие бы идеи первоначально не внушались детям с телеэкрана, последующая дискуссия практически не оставляет у них сомнения, что человек не должен решать свои проблемы с помощью деструктивных действий.

Итак, частая демонстрация насилия по телевидению может способствовать формированию склонности к совершению деструктивных действий. Однако связь между показом насильственных действий на телеэкране и ростом числа деструктивных действий в обществе не является прямой. Зрители должны соответствующим образом интерпретировать увиденное, оценить совершаемые на экране деструктивные действия как правильные.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что социокультурные основания в значительной степени детерминируют деструктивную деятельность человека. К их числу относятся, прежде всего, информационные различия между представителями отдельных социокультурных групп, а также растущее отчуждение человека от природы и общества. Стремясь преодолеть тотальное отчуждение, люди совершают трансгрессивные действия – конструктивные или деструктивные, позволяющие им оказывать влияние на окружающий мир и реализовывать свой творческий потенциал. Деструктивная деятельность является попыткой разрешить противоречия между универсальностью, тотальностью человеческой жизнедеятельности и ее социальной формой, между базальными (А. Маслоу) потребностями людей и социально обусловленными возможностями их удовлетворения. Как показывают исследования, деструктивные тенденции усиливаются в условиях ценностно-нормативного кризиса в обществе. Именно отсутствие

---

¹ Там же. С. 121.

² Берковиц Л. Указ. соч. С. 254.

³ Huesmann L.R., Eron L.D. Television and the Aggressive Child: A Cross-national Comparison. New York, 1986. P. 242.

общепринятой системы ценностей, единой идеологии приводит к росту изолированности и отчужденности отдельных членов общества и, как следствие, – к деструкции. Однако и чрезмерное интегрирование индивида в общественные отношения, при котором подавляется его индивидуальность, ограничивается свобода и уменьшается возможность в самореализации, также способствуют росту деструктивных устремлений индивида. Потенциальным источником деструкции является резкая нисходящая или прерванная восходящая социальная мобильность. Также росту разрушительных импульсов способствуют увеличивающееся число бытовых, экономических проблем, обилие отрицательной, пугающей информации, изменение социальной роли семьи, рост одиночества. Важное место в формировании деструктивной деятельности человека играет социальное научение: нередко люди копируют деструктивные действия, совершаемые другими. В этой связи необходимо обратить особое внимание на тот факт, что совершение деструктивных действий может быть обусловлено увиденными на телеэкране актами деструкции. Итак, понять сущность деструктивной деятельности человека возможно, лишь рассматривая ее в социокультурном контексте.

1.3. Синергетический подход к деструктивной деятельности человека

Рассмотренные выше биологические, психические и социокультурные детерминанты деструктивной деятельности во многом проливают свет на данный феномен, однако не объясняют его в целом. При анализе деструктивной деятельности следует принять во внимание тот факт, что **человек** представляет собой **систему высшей сложности**. Он обладает интегральной природой, являет собой «космобиопсихосоциальное единство»¹, целостное «космопланетарное явление»², причем личность в связи с обществом выступает в «качестве интегрирующего фактора человеческой природы»³. Анализируя природу человека и основания его деятельности, следует учитывать, как справедливо указывают Ю.Г. Волков и В.С. Поликарпов, космический аспект природы человека, который состоит в **единстве порядка и хаоса**. Они отмечают, что человек возник в ходе необратимой эволюции биосферы, связанной с трансформацией хаоса в порядок, и является микрокосмом, который содержит в себе все потенции космоса и общества. Человек – это универсальный вихрь всех порядков жизни. В нем сталкиваются силы Вселенной (хаос и порядок), он представляет собой конечное бытие, несущее в себе бесконечный спектр космического бытия, он есть синтез вселенского диалога. Человек – это микрокосм, сложная «копия» породившей его Вселенной⁴. В нем космическое переплетение хаоса и порядка оказывается

¹ Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Интегральная природа человека: естественнонаучный и гуманитарный аспекты. Ростов-на-Дону, 1993.

² Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск, 1991.

³ Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Указ. соч.

⁴ Там же. С. 95.

интериоризированным (перенесенным во внутренний мир индивида) и проявляется в виде непрестанно ведущейся борьбы между страстью и рассудком. Сердце зовет человека к утопическим мечтам и революционным исканиям, а интеллект учит осторожности, осмотрительности в поведении¹.

Так как человек является сверхсложной системой, мы не можем объяснить его деструктивную деятельность, анализируя лишь отдельные элементы данной системы (физиологию, психику и т.п.). Ведь, как указывает Н.Н. Моисеев, «на определенном уровне сложности системы у нее возникают свойства, невыводимые из свойств ее элементов»², и потому выяснить сущность деструктивной деятельности возможно, лишь анализируя человека как целостную систему и используя **принципы синергетики**, сформулированные в работах И. Пригожина³ и И. Стенгерс⁴, Г. Хакена⁵, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмова⁶.

Согласно **синергетическому видению мира**, большинство систем, существующих в природе, являются системами открытого типа. Открытость системы означает, что между ней и окружающей средой постоянно происходит обмен энергией, веществом, информацией, а поэтому для такой системы характерна постоянная **изменчивость, стохастичность**⁷. Существование любой системы (а человек является сложной открытой системой) есть динамическое состояние, процессирующее тождество сохранения изменения. Наиболее общим средством обеспечения динамического равновесия системы, сохранения через изменения выступают **флуктуации**. Если воспользоваться терминологией И. Пригожина, можно сказать, что все системы содержат подсистемы, которые постоянно флуктуируют. Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций могут стать (в результате положительной обратной связи) настолько сильными, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается. В этот переломный момент, обозначаемый как **точка бифуркации**, принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы еще более хаотическим или она перейдет на новый, более высокий уровень организации, который И. Пригожин называет **диссипативной**

---

¹ Там же. С. 96.

² Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 84.

³ Пригожин И. От существующего к возникающему. М., 1985.

⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

⁵ Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985.

⁶ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. № 2; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3.

⁷ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 8.

*структурой*¹. Таким образом, *в процессе развития системы можно выделить две противоположные тенденции*:

- стремление к устойчивости, самосохранению, стабильности, гомеостазу;
- стремление к росту разнообразия, изменчивости, стохастичности и неопределенности².

Синергетические принципы универсальны: они действуют и во Вселенной, и в социуме, и применительно к анализу жизнедеятельности людей.

Любой живой организм представляет собой открытую неравновесную систему, осуществляющую постоянный обмен веществом, энергией, информацией с окружающей средой, как природной, так и социальной. Согласно синергетике, *жизнь*, функционирование открытой системы, *есть* непрекращающийся *антиэнтропийный процесс*, постоянная работа, противопоставленная уравнивающему давлению окружающей среды. «Между тем, – пишет А.П. Назаретян, – основной физической закон необратимости – второе начало термодинамики – гласит, что антиэнтропийные процессы в системе возможны только за счет роста энтропии в другой системе. Следовательно, самосозидательная работа организма требует использования энергии, высвобождаемой при разрушении других систем. Грубо говоря, *жить значит разрушать*»³. Таким образом, в процессе жизнедеятельности человек, как и любой другой живой организм, неизбежно разрушает те или иные природные и социальные объекты. В данном случае деструкция есть неизменный закон жизни.

Однако *синергетический подход* правомерен не только при анализе человека как биологического существа, но и *при рассмотрении жизненного пути личности*⁴. Ведь жизнь человека не является линейной последовательностью событий, связанных причинно-следственными связями. Личности свойственны трансгрессивные и губристические потребности⁵, стремление к самоактуализации, которые не укладываются в жесткую схему. Кроме того, жизнь человека полна случайных, незапрограммированных событий, способных кардинально изменить траекторию жизненного движения личности. Согласно синергетическому видению, жизненный путь как индивидуальная история личности включает эволюционные и бифуркационные фазы развития. *Период эволюционного развития* человеческой жизни характеризуется актуализацией детерминационных отношений между человеком как субъектом собственной жизни и объективными жизненными изменениями как следствием активности субъекта. В результате

---

¹ Пригожин И. От существующего к возникающему. М., 1985. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

² Василькова В.В. Самоорганизация в социальной жизни // Социально-политический журнал. 1993. № 8. С. 23.

³ Назаретян А.П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс? // Вопросы философии. 1992. № 3. С. 84.

⁴ Карпинский В.В., Карпинский К.В. Синергетика человеческой жизни // Великие преобразователи естествознания. Илья Пригожин. XIV международные чтения. Минск, 1998.

⁵ Упорное стремление к превосходству, к совершенству и расширению собственной власти.

организующего воздействия личности на ход своей жизни на этом этапе жизненного пути достигается устойчивость развития. **Бифуркационный период**, напротив, характеризуется непредсказуемостью дальнейшего направления жизненного движения. В это время контроль субъекта над собственной жизнью ослабевает и усиливается фактор случайности. Смена эволюционного этапа жизненного пути бифуркационным происходит в результате нарастания неравновесия в мотивационно-смысловой сфере субъекта. Это связано с поисками смысла жизни, несоответствием целей, замыслов человека возможностям их осуществления, со сменой ценностных ориентиров и т.п. Субъективно бифуркационный этап развития воспринимается человеком как жизненный кризис. Таким образом, на жизненном пути личности сочетаются периоды устойчивого линейного развития и периоды, когда роль случайности в выборе субъектом жизненной альтернативы не просто велика, а фундаментальна.

Таким образом, человек представляет собой открытую, неравновесную систему высшей сложности, является единством порядка и хаоса, поэтому к анализу деятельности человека можно применить синергетические принципы, которые позволяют по-новому взглянуть на феномен деструкции. Если рассматривать биологический аспект жизнедеятельности человека, очевидно, что созидательная работа организма оказывается возможной лишь за счет использования энергии, высвобождаемой при разрушении других систем. Таким образом, деструкция – это необходимая составляющая жизни вообще. Индивидуальный путь развития личности также немислим без деструкции, являющейся проявлением хаоса, заложенного в природе человека. Стремление к разрушению неизбежно присутствует у каждого человека. Однако в эволюционный период развития личности это стремление, как правило, подавляется. Как указывает Т.Г. Лешкевич, благодаря разуму человек поднял антиэнтропийную активность на новую ступень¹. В отличие от других живых существ он обладает способностью контролировать свои действия и сдерживать деструктивные импульсы. Ритуалы, обряды, моральные предписания, правовые нормы, сформировавшиеся в ходе социокультурной эволюции, также способствуют снижению деструктивных устремлений индивида. Ведь в подавляющем большинстве культур разрушительные и саморазрушительные действия (убийство, суицид, вандализм и т.п.) осуждаются. Однако полностью блокировать деструкцию невозможно. В бифуркационные этапы развития личности она проявляется совершенно неожиданно, спонтанно и практически не поддается контролю. В такие этапы над людьми властвует хаос.

Субъективно присутствие хаоса в природе человека ощущается как **осознание собственной смертности**, страх перед небытием, которые побуждают человека к **поискам своей сущности** и своего места в мире, заставляют задуматься над **смыслом жизни**. Способность задумываться о

---

¹ Лешкевич Т.Г. Размышления о порядке и хаосе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1994. № 1–2. С. 75–76.

смысле жизни является специфической особенностью человека и в то же время его потребностью. Только если в жизни человека имеется смысл, она обретает ценность и для него самого, и для других людей¹. Отсутствие смысла жизни порождает у человека состояние опустошенности, которое В. Франкл называет «*экзистенциальным вакуумом*»². По мнению В.В. Столина, вместе с утратой смысла жизни утрачивается и смысл «Я». Собственные качества и черты оказываются столь же ненужными и отчужденными, как и дела, которые этими чертами «обеспечивались». Возникает феномен, который он называет «феноменом потерянного Я»³. Это хорошо выражено в стихах чешского поэта В. Незвала:

*Понять никак не в силах из-за боли,
Кем был вчера и кем сегодня стал.
Я болен, от неверия устал.
Страдания мои сродни неволе.*

В таком состоянии человек склонен к совершению деструктивных действий, пытаясь таким способом обрести смысл своего существования. Именно об этом писал Н. Бердяев в своей работе «О самоубийстве». Он считал, что «в жизни людей есть опасные темные точки, в которых сгущается бездонная тьма»⁴. Эти точки – *жизненный кризис*, период, когда человек «ни в чем не видит никакого смысла, а потому и ничего не видит притягательного в своей жизни. Он перестает видеть смысл в жизни всего мира, все окрашивается для него в темный цвет безнадежной бессмыслицы, все осмысленное вытесняется»⁵. Именно в период жизненного кризиса (в бифуркационный период развития личности), осознавая бессмысленность своего существования, человек совершает деструктивные действия, направленные либо на самого себя, либо на других людей, либо на общество, ведь их существование также становится бессмысленным. В настоящее время в силу тотального отчуждения, о котором уже говорилось выше, человек все острее осознает свою «заброшенность»⁶ в мир и все чаще противопоставляет себя ему, пытается выйти за пределы наличного социального бытия и изменить окружающий мир. Это становится возможным путем *опредмечивания идей*, возникающих у людей. Как указывает К.Р. Мегрелидзе, за возникновением идеи должен следовать «акт осуществления мысли, то есть изменение существующих до сих пор отношений действительности согласно идее»⁷. Благодаря опредмечиванию человек может оставить след в этом мире, а это особенно важно, так как, осознавая свою смертность, человек испытывает чувство страха перед

¹ Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Смысл жизни и личность. Новосибирск, 1989. С. 24.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. Сборник. М., 1990.

³ Столин В.В. Состояния самосознания личности // Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. Самара, 2003. С. 67.

⁴ Бердяев Н. О самоубийстве. М., 1992. С. 8.

⁵ Там же.

⁶ См.: Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988.

⁷ Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973. С. 210.

небытием. Как отмечал И.И. Мечников, «*страх смерти* – один из главных признаков, отличающих человека от животных, даже наиболее развитых»¹. Примириться с фактом своей конечности человеку очень сложно, и, совершая деструктивные действия, он протестует против этого. Прав был А. Камю, писавший, что «человеческий бунт является именно вечным протестом против смерти. Движущей силой всех возвышенных или низменных безумств является тоска по вечной и светлой жизни и ненависть к смерти»². Именно в силу способности осознавать конечность своего бытия человек стремится *быть признанным*, доказать необходимость своего существования и свою ценность. По мнению А. Камю, «если для животного высшей ценностью является сохранение жизни, то для человека куда более важно признание ценности его жизни другими людьми»³. Вся история человечества, с точки зрения философа, представляет собой бесконечную борьбу за всеобщий престиж и абсолютную власть⁴. Однако, чтобы быть признанным другими, человек должен прежде всего сам найти смысл своей собственной жизни, доказать самому себе значимость своего существования, свою силу. К сожалению, далеко не всегда человеку удается достичь этого путем созидания, и тогда он доказывает свою значимость, совершая деструктивные действия. Как говорил Э. Фромм, человек может «...избавиться от чувства собственного бессилия по сравнению с окружающим миром, разрушая этот мир»⁵.

Таким образом, присутствие хаоса в мире и человеке субъективно ощущается как страх перед будущим, страх смерти. Человек пытается противостоять пугающему его хаосу, найти смысл своего существования, доказать свою ценность, быть признанным другими людьми. Однако это удается далеко не всем. Если же человек ощущает бессмысленность своего существования, то сама жизнь (как собственная, так и других людей) уже не является для него ценностью, и, следовательно, ее можно уничтожить, доказав хотя бы таким путем свою значимость и ценность.

Как было показано выше, человеку свойствен *страх перед хаосом*. В статье «Размышления о порядке и хаосе» Т.Г. Лешкевич отмечает, что традиционно упорядоченность предполагала позитивные, созидательные взаимоотношения человека и общества, человека и природы, а хаосомность выступала как результат негативной и разрушительной направленности практической деятельности⁶. Издавна люди стремились блокировать деструктивные порывы человека при помощи определенных моральных и религиозных установок, юридических актов. Однако полностью блокировать хаос, присущий природе человека, невозможно, да и стоит ли к этому стремиться, ведь он не только деструктивен, но и конструктивен? По-новому оценить роль хаоса позволяет синергетика. Согласно синергетическому

---

¹ Мечников И.И. Пессимизм и оптимизм. М., 1989. С. 216–217.

² Камю А. Миф о Сизифе. Бунтарь. Минск, 1998. С. 263.

³ Там же. С. 311–312.

⁴ Там же.

⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989. С. 154.

⁶ Лешкевич Т.Г. Указ соч.

видению мира, *хаос имеет двойственную, амбивалентную природу*. Он разрушителен (сложные системы в развитых состояниях могут быть чувствительными к малым хаотическим флуктуациям на микроуровне). И в то же время хаос конструктивен, созидателен. Именно он необходим для того, чтобы система вышла на аттрактор¹, на иной режим развития, он способен инициировать процесс самодотраивания². Как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, «хаос конструктивен через свою разрушительность и благодаря ей, разрушителен на базе конструктивности и через нее. Разрушая, он строит, а строя, приводит к разрушению»³. Таких же взглядов на хаос придерживается и Ю.М. Федоров. Он пишет, что «энергетическая подпитка энтропийных структур Порядка осуществляется за счет трансцендентного упорядочивания бесструктурного Хаоса. Согласно синергетической теории, именно детерминированный Хаос лежит в основании любой формы упорядоченности. Иницирующим началом для самоструктурирования Хаоса является весьма малая флуктуация – одна из того рода флуктуаций, которые всегда сопровождают любой творческий процесс. Творчество, демиургическая активация, вырастает не из упорядоченности, а из беспорядка, из того, что лежит за пределами гармонического ряда. Гармония вырастает из Хаоса и вновь им поглощается»⁴.

Можно сказать, что *хаос* лежит в основе не только разрушительных, но и созидательных действий, он – *основа как деструкции, так и творчества*. Эта закономерность осознавалась мыслителями и ранее. Ф. Ницше в работе «Так говорил Заратустра» писал: «нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду»⁵. Однако именно синергетика позволила по-новому осмыслить значение хаоса в жизни и деятельности людей. *Хаос лежит в основе всякой трансгрессии*. Рождение нового невозможно без деструкции, оно связано с нарушением привычной упорядоченности системы. Следовательно, созидание и разрушение неразрывно связаны между собой. Как отмечают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, синергетика позволяет понять разрушение как креативный принцип, а «страсть к разрушению как творческую страсть» (так в свое время писал М. Бакунин), ибо, только освободившись от прежнего, можно создать что-то новое⁶. Понимание общей природы деструктивной и творческой деятельности важно еще и потому, что, зная это, можно переориентировать деструкцию в созидание, создав определенные

---

¹ *Аттрактор* – точка, соответствующая устойчивым состояниям нелинейного динамического процесса.

² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Интуиция как самодотраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 112; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12.

³ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 18.

⁴ Федоров Ю.М. Сумма антропологии. Кн. 2. Космо-антропо-социо-природогенез Человека. Новосибирск, 1995. С. 79.

⁵ Ницше Ф. Сочинения. Т. 2. М., 1990. С. 11.

⁶ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3. С. 71.

социальные условия для самореализации индивида, выработав у него потребность в конструктивной самореализации. Однако это вряд ли возможно применить к лицам с нейрофизиологической патологией или с характерологическими нарушениями, речь о которых пойдет ниже.

Подведем некоторые итоги сказанному выше: деструктивная деятельность – сложный феномен, объяснить который можно лишь исходя из природы человека, являющейся единством порядка и хаоса. Трансгрессивная деятельность (как конструктивная, творческая, так и деструктивная) есть не что иное, как проявление хаоса, заложенного в самой природе человека. Однако человек – это не безвольное существо, являющееся лишь ареной борьбы хаоса и порядка. Эти мощные силы преломляются в личности, являющейся интегрирующим фактором человеческой природы. Будучи включенной в систему общественных отношений, личность испытывает на себе мощное воздействие социокультурных факторов, которые, с одной стороны, способствуют формированию деструктивной деятельности, о чем подробно говорилось в параграфе 1.2, а с другой – призваны сдерживать проявление деструкции. Действие социокультурных факторов преломляется в психике индивида, именно так формируются потребности в принадлежности, признании, самореализации и т.д., во многом определяющие особенности поведения и деятельности индивида. В случае невозможности их удовлетворения возникает состояние фрустрации, возможным способом преодоления которого становится деструкция. Следует также учесть, что психика человека дуальна: она складывается не только из социальной, но и из животной психики, поэтому при рассмотрении детерминант разрушительной деятельности человека нельзя оставлять без внимания биологические факторы, провоцирующие деструкцию, которые были рассмотрены в параграфе 1.1.

В зависимости от определенных социокультурных и психических факторов, а также от особенностей нервной системы **деструкция** может быть направлена человеком **на самого себя** или **вовне**. Наиболее распространенными видами **аутодеструкции** (от греч. autos – сам) являются физическое уничтожение человеком самого себя (суицид) или разрушение личности вследствие алкоголизма, наркомании, токсикомании и т.д. **Деструкция, направленная вовне**, может иметь **целью**:

- уничтожение другого человека: убийство (индивидуальное или массовое, которое может осуществляться в ходе войны), каннибализм, разрушение личности;
- разрушение социума или определенных общественных отношений: террористический акт, революция, государственный переворот;
- разрушение неодушевленных предметов, архитектурных памятников и других произведений искусства (вандализм), а также природной среды.

Деструкция может являться **конечной целью деятельности** человека. Так, например, С.Г. Нечаев, создавший в 1869 году тайную организацию «Народная расправа», объявлял деструкцию основным видом ее деятельности. В составленном С. Нечаевым программном документе, называвшемся «Катехизис революционера», содержатся три важнейших положения:

- разрушение существующего государственного устройства;
- уничтожение «врагов народа»;
- опора революционеров на «разбойный мир».

Вот некоторые цитаты из «Катехизиса»: «Мы имеем только один отрицательный неизменный план – беспощадного разрушения... Мы считаем дело разрушения настолько серьезной и трудной задачей, что отдадим ему все наши силы, и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание. А потому – мы берем на себя исключительно разрушение существующего общественного строя; созидать не наше дело, а других за нами следующих»¹. Этот документ мы с полным правом можем назвать «манифестом разрушения». С. Нечаев считал, что для революционера не существует законов, приличий, нравственности. По его мнению, он должен знать лишь одну науку – науку разрушения². Изложенные принципы С. Нечаев пытался воплотить в жизнь. Это далеко не единственный пример деструктивной социальной теории. Однако деструкция может и не быть конечной целью деятельности. Достаточно часто она *сопутствует созидательной, творческой деятельности*. Как известно, большинство выдающихся научных открытий разрушают существовавшие в науке стереотипы и вначале воспринимаются негативно. В качестве примера можно привести открытия Г. Галлилея, А. Эйнштейна. В этом случае деструкция – лишь один из этапов творческой деятельности. Как видим, деструктивная деятельность многолика, хаос, свойственный природе человека, может проявляться по-разному.

Обычно в эволюционный период жизни человек сдерживает свои деструктивные импульсы или переориентирует их в созидание, творчество, однако у лиц с генетической или психической патологией контроль над своими действиями нарушается. О генетической патологии уже говорилось в параграфе 1.1, психопатологические состояния, приводящие к деструкции, будут проанализированы далее. Этот вопрос нельзя оставить без внимания, так как исследования, проведенные психологами и психиатрами в 20-х, 80-х и 90-х годах XX в., показали, что среди убийц (а убийство – один из наиболее хорошо изученных видов деструктивной деятельности) удельный вес аномальных личностей колеблется в пределах 60–70%³. Лица, имеющие патологическую тягу к совершению деструктивных действий, именуется в науке *садистами* и *некрофилами*. Рассмотрим эти явления более подробно.

Термин «*садизм*» произошел, как известно, от имени маркиза де Сада, совершавшего и прославлявшего в своих произведениях деструктивные действия, призывавшего к тотальному уничтожению любых человеческих чувств и ценностей. Существуют две точки зрения на сущность садизма. Так, для того чтобы охарактеризовать данный феномен, немецкий психиатр Шренк-Нотцинг вводит понятие *алголагния* (от *algos* – боль, *lagneia* – желание). Он

¹ Народная расправа. 1869. № 1. С. 13.

² Лурье Ф.М. Созидатель разрушения. Документальное повествование о С.Г. Нечаеве. СПб., 1994. С. 101–105.

³ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 291.

делит алголагнию на два типа: активную (садизм) и пассивную (мазохизм). В данном случае под садизмом понимается желание причинить боль вне зависимости от наличия или отсутствия сексуальных мотивов. Сторонники иной точки зрения считают, что садизм – это прежде всего сексуальный феномен во фрейдистском смысле¹. Э. Фромм, глубоко изучив садизм, пришел к выводу, что, наряду с сексуальным, существует и несексуальное садистское поведение, проявляющееся в том, «чтобы найти беспомощное и беззащитное существо (человека или животное) и доставить ему физические страдания вплоть до лишения его жизни»². Э. Фромм выделил **социально-психологические** и **патологические аспекты садизма**. На социально-психологическом уровне садизм вырастает из отчуждения человека от человека. Садист стремится избежать одиночества, поглощая другое лицо, превращая его в свою часть. Гносеологическая суть садизма, по Э. Фромму, заключается в том, что садист не видит и не хочет видеть в другом человека, то есть разумное существо, обладающее свободой и достоинством. Мучая его, он старается заставить его выразить свою тайну. Но таким путем вещь можно разрушить или умертвить, тайна же ее остается скрытой. В собственно патологическом содержании садизм обусловлен крайним ослаблением и параличом мужского начала в характере. Насилие есть не что иное, как извращенная замена мужества. Садист не просто уничтожает врага или жертву, он буквально упивается своей властью над ними, наслаждается разрушением и муками³. С. Лем, исследовавший творчество де Сада, отмечает, что «садизм означает устремленность к деструкции»⁴, и указывает, что у самого де Сада имелась явная психическая патология. Итак, садизм – это один из видов деструктивной деятельности человека, связанный с определенной психической патологией. Кроме того, формированию садистских наклонностей способствуют атмосфера холодности и отчужденности в период первичной социализации, отсутствие заботы и ласки в раннем детстве, чувство одиночества и непризнанности.

Еще один вид патологической деструктивности – **некрофилия**. Одним из первых в науке ее описал Р. Крафт-Эбинг. Он рассматривал некрофилию в качестве патологического полового влечения⁵. Он считал, что в отдельных случаях все может сводиться к тому, что неудержимое половое влечение не видит в наступившей смерти препятствия к своему удовлетворению. В других случаях, по мнению Р. Крафта-Эбинга, наблюдается явное предпочтение, отдаваемое трупу перед живой женщиной. В том случае, если над трупом не совершаются такие действия, как, например, его расчленение, причину возбуждения нужно, по всей видимости, искать в самой безжизненности трупа.

---

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 244.

² Там же. С. 247.

³ Там же. С. 248–267.

⁴ Лем С. Маркиз де Сад: насилие над культурой // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Природа насилия. Ежегодник РАН ИНИОН. М., 1995. С. 202.

⁵ Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. СПб., 1909.

Возможно, что труп привлекает тем, что представляет сочетание человеческой формы с полным отсутствием воли, и поэтому некрофил удовлетворяет патологическую потребность видеть объект желаний безгранично себе подчиненным, без возможности сопротивления. Р. Крафт-Эбинг подробно описывает некрофилию на примере жизни сержанта Бертрана, случай которого стал в сексопатологии хрестоматийным¹. Р. Крафт-Эбинг связывает некрофилию с садизмом. Их объединяет стремление к разрушению живого и то, что таким образом удовлетворяется актуальная сексуальная потребность. Он отмечает, что и субъективная тенденция к разрушению, и влечение к трупам, в том числе с целью соития с ними, часто носят неодолимый, компульсивный характер. Человек попадает в жесткую психологическую зависимость от таких своих желаний, причем причина и корни ему совершенно неясны, более того, не осознаваемы им.

Значительный вклад в изучение некрофилии внес Э. Фромм. Под *некрофилией* он понимает «...страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилоственному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому – это страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей»². Э. Фромм выделяется *сексуальную* (страсть к совокуплению или иному сексуальному контакту с трупом) и *несексуальную* некрофилию (желание находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему; страсть к расчленению мертвого тела)³. На все жизненные проблемы некрофил всегда отвечает разрушением и никогда не действует созидательно, его врагом является сама жизнь. Э. Фромм выделяет следующие черты некрофила: безжизненность при общении, холодность, малоподвижное выражение лица, обожествление техники, частое употребление слов, связанных с разрушением или с экскрементами, предпочтение темных тонов в одежде и т.п.⁴ Наличие некрофильских личностей и некрофильского характера Э. Фромм доказывает на примере А. Гитлера. Следует однако отметить, что гипотеза Э. Фромма о несексуальной некрофилии основывается лишь на отвлеченном рассуждении и нуждается в дальнейшей экспериментальной проверке.

Гораздо лучше психологами и сексопатологами изучена *сексуальная некрофилия*. Она проявляется в соитии с трупами, убийстве женщин, детей и подростков, расчленении их, иногда в высасывании крови у умирающих, заглатывании отдельных частей их тела и т.д. Например, Чикатило не помня себя резал, колот и бил не только жертву, но и ее одежду, кусты, траву, срывал и ломал ветки, разбрасывал по лесу части тела, иногда долго носил их по лесу и только потом закапывал, уносил с собой нос, груди, кончик языка, матку, яички (у мальчиков), соски и другие части тела, имевшие отношение к сексуальной

¹ Крафт-Эбинг Р. Указ. соч.; Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 242–243.

² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 285.

³ Там же. С. 280.

⁴ Там же. С. 291–294.

жизни. Мучения и страдания жертв, их агония доставляли преступнику острое половое наслаждение, и хотя он уже много лет был импотентом и эрекция у него не наступала, но всегда отмечалось семяизвержение. По предположению Ю.М. Антоняна, расслабление всех мышц тела жертвы после активного сопротивления и наступления смерти усиливает сексуальное возбуждение и ускоряет наступление оргазма, поскольку знаменует ее полное подчинение¹.

Некрофильские проявления можно разделить на две группы: вступление в сексуальные контакты с уже мертвым человеком (чаще с женщиной) и убийство в этих же целях, либо получение сексуального удовлетворения в процессе самого убийства, агонии жертвы, расчленения трупа, съедании отдельных кусков тела и т.д. Во втором случае потерпевшими выступают не только женщины, но и несовершеннолетние, как, например, в преступлениях «одинцовского маньяка» Головкина. При объяснении причин сексуальной некрофилии, сексопатологи обычно исходят из того, что главную роль в ее формировании играет определенная психопатология, именно она способствует закреплению в личности некрофильского влечения и его реализации. Данное отклонение чаще встречается у психически больных людей с выраженным слабоумием или эндогенным процессом, а также может быть связано с генетической патологией. По мнению Ю.М. Антоняна, в формировании некрофилии некоторое значение имеет и садизм, что дает возможность достичь абсолютного господства над трупом и осуществить любые манипуляции с ним, в том числе унижающие, как если бы это был живой человек. В ряде случаев в половые сношения с трупами вступают люди, у которых крайне затруднены обычные контакты с женщинами и которые много раз терпели поражение в своих попытках добиться у них взаимности. Но даже тогда некрофилия обычно развивается на фоне того или иного расстройства психической деятельности². **Итак**, садизм и некрофилия – это виды деструктивной деятельности, обусловленные прежде всего генетическими, физиологическими аномалиями или психической патологией.

Подведем итоги: деструктивная деятельность представляет собой целостный феномен, объяснить который можно, лишь изучив его биологические, психические и социокультурные детерминанты. Понять сущность деструктивной деятельности возможно только принимая во внимание тот факт, что человек представляет собой открытую неравновесную систему высшей сложности и является единством порядка и хаоса. Являясь проявлением хаоса, стремление к деструкции неизбежно присутствует у каждого человека, однако проявляется не всегда. В каждой индивидуальной жизни можно выделить два этапа, поочередно сменяющих друг друга: эволюционный и бифуркационный. В эволюционный период развития люди, как правило, способны контролировать свое поведение и подавлять возникающие у них деструктивные импульсы. Эти навыки прививаются человеку в период первичной социализации. Моральные и юридические

---

¹ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 244.

² Там же. С. 245–246.

предписания также призваны сдерживать деструкцию. Однако в бифуркационные этапы жизни, ощущаемые субъективно как жизненный кризис, человек часто теряет способность к контролю и может действовать деструктивно. В такие этапы над людьми властвует хаос. В зависимости от определенных социокультурных и психических факторов, а также от особенностей нервной системы деструкция может быть направлена человеком на самого себя (тогда ее проявлениями становятся суицид или разрушение личности) или вовне (в этом случае человек совершает убийства, террористические акты, революции, ведет разрушительные и кровопролитные войны, уничтожает памятники архитектуры и искусства). При анализе деструктивной деятельности важно учесть и тот факт, что деструкция может и не являться конечной целью, а быть составным элементом деятельности творческой. Необходимо также обратить внимание на то, что способность к контролю над деструктивными импульсами зависит от особенностей физиологии и психологии человека. У лиц с генетическими и психическими аномалиями она значительно снижена. Это приводит к появлению некрофилов и садистов, чья деятельность нуждается в дальнейшем изучении. Итак, деструктивная деятельность является порождением хаоса, однако и деятельность созидательная, творческая становится возможной лишь благодаря хаосу. Именно он лежит в основе всякой трансгрессии. И, вероятно, способом снижения негативных последствий деструктивных действий у лиц без генетических и психических аномалий может стать переориентация деструкции в созидание, творчество.

Глава 2. АУТОДЕСТРУКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Одним из видов деструктивной деятельности человека является *аутодеструкция* (от греч. autos – сам), или саморазрушение. Аутодеструкция включает в себя деструктивные изменения личности и физическое уничтожение человеком самого себя – суицид. В данной главе будут рассмотрены основные формы и способы деструктивных изменений личности, а также выяснена специфика суицида как крайней формы аутодеструктивной деятельности человека.

2.1. Деструктивные изменения личности как следствие аутодеструктивной деятельности человека

Проблема деструктивных изменений личности является одной из наиболее сложных проблем философской антропологии, психологии и психиатрии. Приступая к изучению деструктивных изменений личности, следует выяснить смысл самого понятия «личность».

При всем многообразии определений понятия «личность» большинство исследователей сходятся на том, что *личность* – это социальное качество индивида, содержание которого обладает способностью переходить в индивидуальное бытие, обуславливая тем самым культурно-исторический уровень самопроявления человека¹. Известный философ Э.В. Ильенков в своем понимании личности исходит из следующих методологических положений. Во-первых, личность представляет собою уникальное, невоспроизводимо-индивидуальное образование, то есть нечто единичное; описание личности в полном объеме равноценно схватыванию всей бесконечной совокупности единичных тел и «Я» в космосе, поэтому наука о «единичном» как таковом принципиально невозможна. Во-вторых, «сущность» каждого индивида, относящегося к роду человеческому, заключается в исторически возникшей и развивающейся социальной системе; можно сказать, что личность существует внутри «ансамбля» социальных отношений. В-третьих, «тело» человека как личности есть его органическое тело вместе с «предметным телом цивилизации». В-четвертых, личность – это «узел» отношений, возникающих между индивидами в процессе трудовой деятельности. В-пятых, внутри тела отдельного индивида реально существует не сама личность, а только ее односторонняя, или «абстрактная», проекция на экран биологии². Личность отнюдь не представляет собой самодостаточную конструкцию, которая несет в

¹ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 567; Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Смысл жизни и личность. Новосибирск, 1989. С. 68; Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 369–371.

² С чего начинается личность. М., 1983. С. 323–330.

себе конечный смысл. «Смысл этот обретается в зависимости от складывающихся отношений, связей с сущностными характеристиками человеческого бытия. Иначе говоря, сущность личности и сущность человека отличаются друг от друга тем, что первое есть способ, инструмент, средство организации достижения второго, а значит, первое получает смысл и оправдание во втором»¹. Личность представляет собой одновременно и своеобразное условие, и социально ценное последствие развертывания своей личной жизни; своеобразие условия заключается в неповторимой «готовности» человека осуществить это качество, социальная ценность данной творческой деятельности состоит в преумноженном социально-культурном богатстве человечества.

Исследования в области философии и психологии убедительно показывают «многомерный и многоуровневый» характер личности, индивидуально-неповторимого мира «я» человека². «Что такое это «я» личности это определяется не только тем, чем она хочет и стремится быть, чем она делает себя»³. Как писал В.С. Соловьев, «человеческая личность есть возможность для осуществления неограниченной действительности»⁴. Процесс развития личности есть процесс развития ее взаимоотношений с окружающим миром, в котором важное место принадлежит способности к самопознанию, дающей человеку возможность самостоятельного когнитивного поиска сущности явлений внешней среды и интимных по содержанию явлений своего «я»⁵. Известно, что реальность формирования внутреннего мира «я» – результат «творческой самодеятельности» человека в реализации отношений к миру: миру вещей, миру других людей, миру своего «я» (С.Л. Рубинштейн). Когда личность овладевает всей системой отношений, она переходит на новый уровень самопроявления и приобретает способность самостоятельно организовывать свое бытие, насыщать его определенным ценностным содержанием, направлять его к определенным жизненным целям, избирать индивидуально неповторимые стили и способы действия. Вершина процесса субъективирования личности – это завершённый, целостный мир «я» личности, насыщающий самопроявления человека смыслами культурно-исторического содержания.

В своем исследовании мы исходим из понимания *личности* как *потенциального свойства человека*. «Развертывание сущности бытия человека как личности может происходить в той или иной содержательной

---

¹ Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. №5. С. 7.

² Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Многомерный мир современного человека. М., 1998; Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2-х т. М., 1989. Т. 1; Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности. К философским основам современной педагогики // Вопросы философии. 1989. №4. С. 89–95.

³ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Собрание сочинений. СПб., 1901. Т. II. С. 301.

⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра // Собрание сочинений. СПб., 1903. Т. VII. С. 212.

⁵ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957; Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980; Старовойтенко Е.Б. Жизненные отношения личности. Киев, 1992.

последовательности, в том или ином содержательном пространстве, в том или ином индивидуальном психологическом времени (своеобразном проникновении явлений прошлой, настоящей и будущей жизни человека), более или менее «быстро», с той или иной успешностью и т.д. Все разнообразие (или однообразие) вариантов, способов, средств осуществления человеком этого процесса зависит от его внутренней возможности и способности «быть личностью»¹. Таким образом, *личность является своеобразной сущностной возможностью бытия индивида*; конкретное индивидуальное бытие может в той или иной мере соответствовать этой положительной сущности. В общем же, расстилающиеся перед «я» человека безграничные *перспективы* включают в себя *не только позитивные, но и негативные возможности, вплоть до уничтожения себя*. Можно утверждать, что потенциальность – онтологическое свойство бытия личности, одна из существенных сторон человеческой природы. Последнее обусловлено постольку, поскольку личностное бытие выступает в качестве позитивной перспективы жизни человека. Проявление данной характеристики заключается не только в завершенности отношений конкретной личности к окружающему миру, но в качественной перспективе развития данных отношений средствами индивидуального «я».

Однако потенциальность человеческой природы имеет тенденцию к осуществлению, к превращению в нечто актуальное. Действительно, сущее как существующее во взаимодействии, взаимной причинности, изменении и становлении обладает интенцией бытия. В философской мысли, как известно, эта интенция сущего схвачена в проблеме соотношения действительного и возможного, актуального и потенциального. Каждому единичному человеческому бытию присуща интенция познания и преобразования сущего, однако в личной жизни каждый человек осуществляет эти интенции в той или иной мере, на том или ином уровне, с той или иной степенью продуктивности, причем преобразование может иметь как созидательную, так и разрушительную направленность. Причем не каждый человек способен реализовать интенцию своего бытия, не каждый человек способен овладеть познанием как средством развития своего самобытия, и уж совсем немногие реализуют в жизни возможность преобразования сущего как природы, как бытия, как действительности, как мира. «Индивидуальное единичное человеческое бытие помимо присущей ему интенции способа существования, обладает потенциальностью осуществления индивидуальной сущности»².

С точки зрения С.Л. Франка, потенциальность в своем сущностном определении совпадает со свободой. Ведь в самом общем смысле свобода (как и потенциальность) «есть признак всего конкретно-реального, поскольку она содержит в себе момент динамичности. Динамизм – момент «делания», «совершения» или «становления» – и состоит в том, что все возникающее не может рассматриваться как простое продолжение уже существующего, т.е.

---

¹ Маноха И.П. Человек и его потенциал. Киев, 1995. С. 51.

² Там же. С. 47.

проистекает не из определенного основания, а из сущей в себе неопределенности»¹. Потенциальность как момент пассивного существования можно считать возможностью «в пассивном смысле – гибкостью, податливостью, формируемостью «сырого материала», который сам по себе не «мертво-неподвижная масса, а скорее динамическая сила неопределенности и бесформенности»², стремящейся к определению. Потенциальность, или возможность в активном смысле слова, есть противостоящая неопределенности «первичная формирующаяся сила», мощь, действенный замысел «как работа определения, совершаемая над неопределенным материалом и из него самого. Существует, таким образом, момент динамизма самой неопределенности, как бы динамизм беспорядочности, и наряду с ним динамизм определения, упорядочения»³; в этом двуединстве – существо потенциальности как первичной свободы. Бытие человека как конкретное сущее динамически активно. «Оно есть необузданная сила – хаотическое стремление, из себя самого влекущееся к формированию, завершению, осуществлению. Поскольку бытие уже оформлено, уже осуществлено, уже есть в готовом, законченном виде – в нем царит необходимость; ибо необходимое есть именно не что иное, как определенность бытия, проявляющаяся в определенности его связей. ...Но поскольку бытие есть потенциальность, т.е. творческая мощь совершающегося в глубинах неопределенности определения, оно именно и есть первичная свобода»⁴.

Из способности онтологического качества индивидуального человеческого бытия развертывать в своем становлении, развитии неповторимую, конкретно-историческую сущность следует существование потенциала человека. «Единичное человеческое бытие, осуществляя себя как самостоятельное, целостное, заверщенное сущее, реализует свое интенциональное и собственно потенциальное содержание. Интенциональность индивидуального бытия состоит в развертывании сущностных характеристик человеческого способа существования как такового в реальной личной жизни человека. Потенциальность индивидуального бытия определяется его неповторимой, индивидуальной сущностью самостоятельного сущего»⁵. Можно сказать, что потенциал человеческой индивидуальности представляет собой единство потенций и интенций ее бытия.

Потенциальные характеристики бытия человека проявляются в том, как он реализует интенции своего способа существования⁶:

- осуществляет ли их в полной мере;
- умножает ли в самостоятельном поиске наличествующие индивидуальные средства осуществления этих интенций;

---

¹ Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. М., 1990. С. 253.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Маноха И.П. Указ. соч. С. 46.

⁶ Там же. С. 56.

- обеспечивает ли взаимопроникновение интенциональных особенностей разного уровня в своей повседневной жизни и т.д.

Итак, личность представляет собой потенциальное свойство человека, является своеобразной сущностной возможностью бытия индивида, причем перед человеком раскрываются безграничные перспективы, включающие не только позитивные, но и негативные возможности, вплоть до уничтожения себя. Аутодеструкция разнопланова, она включает не только суицид – тотальную форму аутодеструктивной деятельности человека, но и различные формы деструктивных изменений личности. Чтобы выделить их, обратимся к модели личности, предложенной американскими психологами *Дж.Р. Ройсом* и *А. Пауэллом*, которые считают, что «человеческая личность есть совокупность систем»¹. Теоретические исследования индивидуальных различий в функционировании психики показали, что личность человека есть комплекс ***шести сложных систем обработки информации***:

- 1) сенсорной (ощущающей);
- 2) моторной (двигательной);
- 3) когнитивной (познавательной);
- 4) аффективной (эмоциональной);
- 5) стилевой;
- 6) ценностной.

Сенсорная и моторная системы заняты в основном приемом, кодированием и декодированием информации. Когнитивная и аффективная системы играют решающую роль в процессе обучения и адаптации. Стил и ценности являются центральными узлами, которые определяют направленность функционирования других систем. Каждая из систем является многоуровневой, иерархической структурой. Сенсомоторный уровень личности представляет собой передаточный слой, или слой управляемых процессов; познание и аффект образуют преобразовательный слой; стил и ценность – слой самоорганизации и интеграции. В результате взаимодействия шести указанных систем возникают молярные (большие) психологические образования. Так, эмоции – результат взаимодействия, прежде всего, познания и аффекта; познание и стил играют главную роль в формировании мировоззрения, а аффект и ценности во взаимодействии порождают стили жизни. Образ своего «Я» (психологический конструкт) складывается из взаимодействия сначала стили и ценностей, а затем когнитивной и аффективной систем. Образ своего «Я» играет ключевую роль в мыслях и действиях индивида, в отношениях между ним и обществом.

Дж. Ройс и А. Пауэлл утверждают, что личность представляет собой целенаправленную супрасистему, важнейшей интегративной целью которой является личный смысл. «Быть человеком – значит прежде всего искать смысл жизни»². Поиску смысла жизни способствуют социальные условия

---

¹ Ройс Дж.Р., Пауэлл А. Индивидуальность и плюралистические образы человеческой природы // Импакт. 1985. №2. С. 46–58.

² Там же. С. 49.

жизнедеятельности человека (образы жизни, способы взаимодействия между людьми и пр.). Личный смысл органически связан с такими конструкциями, как мировоззрение, стиль жизни и образ своего «я».

Понятие «личность» включает в себя и степень волевой регуляции поведения, и использование нравственных оснований, мировоззренческих установок, склонностей и социальных интересов при выборе системы поступков¹.

Отечественный психолог **К.К. Платонов** подразделяет структуру личности на четыре подструктуры:

- 1) социально обусловленные качества личности (направленность, отношения, моральные качества);
- 2) опыт (знания, навыки, умения, привычки);
- 3) индивидуальные особенности психических процессов (эмоции, ощущения, мышление, восприятия, чувства, воля, память);
- 4) биологически обусловленная подструктура (темперамент и органические патологические особенности)².

Личностная структура, по **С.Л. Рубинштейну**, включает:

- 1) направленность личности (установки, интересы, потребности);
- 2) способности;
- 3) темперамент и характер³.

Эта концепция наиболее приближена к современной классификации свойств личности⁴. Очевидно, что каждый из элементов структуры личности может подвергаться деструктивным изменениям.

Итак, личность представляет собой потенциальное свойство человека, сущностную возможность бытия индивида. Личность – это неповторимо индивидуальное образование, формирующееся в результате социальных взаимодействий, это супрасистема со своей сложной, многоуровневой структурой, основой которой является образ своего «Я», а важнейшей целью – поиск смысла жизни. Перед личностью открыты безграничные перспективы – вплоть до аутодеструктивной деятельности, которая и будет подробно рассмотрена в настоящей главе.

Приступая к анализу деструктивных изменений личности, следует определить, какой смысл вкладывается в понятие **целостной, не деформированной деструктивными процессами, личности**. В норме личность обладает следующими **поведенческими особенностями**:

- адекватность (соответствие) поведенческих реакций внешним воздействиям;

---

¹ Малыгин В.Л., Ежов И.В., Туревский И.М. Структурно-динамический подход к диагностике аддиктивного поведения. Новые теоретические и технические решения // Первая научно-практическая конференция психиатров и наркологов Южного федерального округа (с международным и всероссийским участием): Материалы конференции (17–18 июня 2004 года, Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2004. С. 307.

² Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.

³ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1948.

⁴ См. напр.: Бухановский А.О. и др. Общая психопатология. Ростов-на-Дону, 2000. С. 219.

- детерминированность поведения, его концептуальная упорядоченность в соответствии с оптимальной схемой жизнедеятельности; согласованность целей, мотивов и способов поведения;
- соответствие уровня притязаний реальным возможностям индивида;
- оптимальное взаимодействие с другими людьми, способность к самокоррекции поведения в соответствии с социальными нормами¹.

Следует отметить, что проблема деструктивных изменений личности недостаточно исследована в науке. Среди ученых, занимающихся изучением различных личностных патологий, нет терминологического единства. Начиная с XIX в. в науке традиционно используются такие термины, как «деперсонализация», «дереализация», «деиндивидуализация», «дегенерация» личности. Термин **«деперсонализация»** впервые был предложен **Л. Дюгасом** в 1889 г. Он понимал под деперсонализацией «чувство потери собственной личности»². Создатель психоанализа З. Фрейд, отмечал, что самоотчуждение ведет к невротической потере своего собственного «Я» – **деперсонализации**, либо к утрате чувства реальности окружающего мира – **дереализации**³. Американский социолог Ч. Кули предлагал использовать термин **«дегенерация личности»** для описания состояния тех людей, характер и поведение которых находятся явно ниже образца или уровня, расцениваемых в господствующем мнении группы в качестве нормы. К дегенератам он относит умственно отсталых, сумасшедших, алкоголиков и преступников⁴.

Наиболее широко в современной патопсихологии и психиатрии используется понятие **«деперсонализация»**, однако оно не имеет однозначных трактовок. Так, А.А. Меграбян отмечал, что понятие «деперсонализация» в широком смысле слова включает в себя и дереализацию, так как под нарушением личности данного типа мы понимаем не только нарушение способности осознания своего «Я» и своего тела, но и нарушение способности осознания реальности объективного мира. К деперсонализационным расстройствам он относит психические автоматизмы, явления отчуждения психических процессов⁵. Другие исследователи относят к деперсонализации нарушения схемы тела и психосенсорные расстройства (М.О. Гуревич⁶, Р.Я. Голант⁷), состояния «*deja vu*» (А.С. Шмарьян⁸). Ю.Л. Нуллер понимает под деперсонализацией ощущение измененности собственного «Я» с утратой

¹ Еникеев М.И. Энциклопедия. Общая и социальная психология. М., 2002. С. 353.

² Dugas L. De Psych Norm Et Path. Paris, 1910.

³ Абраменкова В.В. Проблема отчуждения в психологии // Вопросы психологии. 2000. №1. С. 6.

⁴ Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. С. 290.

⁵ Меграбян А.А. Деперсонализация. Ереван, 1962.

⁶ Гуревич М.О., Серейский М.Я. Учебник психиатрии. М., 1928.

⁷ Голант Р.Я. О деперсонализационных и дереализационных синдромах и их локализации. Харьков, 1941.

⁸ Шмарьян А.С. О психопатологических синдромах. М., 1940.

эмоционального компонента психических процессов¹. Неоднозначное понимание термина затрудняет изучение данного феномена.

В.В. Столин использует понятие «*деиндивидуализация*» для обозначения явления, вызванного нивелированием отличительных характеристик индивида, анонимностью и социальной безответственностью². В целом в анализе деиндивидуализации наметились два теоретических подхода. При одном из них состояние деиндивидуализации рассматривается как приятное индивиду и дающее выход его разрушительным тенденциям. При другом, напротив, деиндивидуализация рассматривается как неприятное состояние; индивид старается избежать этого состояния, и его антинормативное поведение как раз и служит этой цели – таким способом индивид вновь индивидуализируется³.

Термин «*деструкция*» применительно к личностным патологиям стал использоваться лишь в последние годы. Так, А.О. Бухановский понимает под деструкцией «патологический процесс разрушения сложившейся к моменту начала болезни структуры личности в целом или отдельных ее компонентов. Деструкция приводит к разнообразным по выраженности и структуре дефектам личности»⁴. Таким образом, проблема деструктивных изменений личности является достаточно актуальной и не может быть решена без их классификации.

В 70-е годы XX в. **Б.В. Зейгарник**, выдающийся отечественный психолог, одна из основателей патопсихологии, справедливо отмечала, что в настоящее время отсутствует устоявшаяся классификация личностных нарушений⁵. Эта проблема остается актуальной и поныне. К основным формам личностных нарушений Б.В. Зейгарник относит *патологию потребностей и мотивации, патологию черт характера, нарушение подконтрольности поведения*⁶.

А.А. Меграбян выделяет две основные формы патологического изменения личности: *временные*, преходящие, с последующим восстановлением, и *прогредиентные*, структурные и необратимые, с последующим дефектом личности⁷. Первый тип деградации личности характеризуется преимущественным снижением мнестических⁸ и интеллектуальных ресурсов: слабеет фиксация внешних впечатлений в памяти, оскудевает запас приобретенных в прошлом знаний, прогрессивно падает способность к автоматизации психических процессов, навыков и умений, снижается работоспособность, слабеет логика суждений. Однако наряду с этим сохраняются морально-этические убеждения и интересы, корректное поведение. Главная особенность этого типа деградации личности –

---

¹ Нуллер Ю.Л. Депрессия и деперсонализация. Л., 1981.

² Столин В.В. Состояния самосознания личности // Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. Самара, 2003. С. 70.

³ Там же. С. 71.

⁴ Бухановский А.О. и др. Общая психопатология. Ростов-на-Дону, 2000. С. 228.

⁵ Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1976.

⁶ Там же. С. 185–186, 193, 196, 198.

⁷ Меграбян А.А. Общая психопатология. М., 1972. С. 227–228.

⁸ *Мнестический* – относящийся к памяти, запоминанию.

несоответствие между относительной сохранностью высших уровней проявления личности и прогрессирующим глубоким снижением интеллектуальных способностей. Второй тип деградации личности характерен для массивных органических поражений мозга. Его особенность заключается в поражении в первую очередь высших социальных, моральных, этических и других уровней личности, что приводит к ее регрессии до уровня животного.

М.В. Коркина, Н.Д. Лакосина и А.Е. Личко для характеристики личностных нарушений используют понятия **нарушение самосознания** (понимая под самосознанием вычленение себя из объективного мира, личное тождество, идентичность, постоянство своего «Я») и **расстройств личности (психопатии)**¹. Основным видом нарушения самосознания, по их мнению, является деперсонализация, выражающаяся в отчуждении человека от самого себя. Выделяют витальную деперсонализацию, при которой у человека исчезает само чувство жизни, аутопсихическую – отчуждение психических функций, своего «Я» – и соматопсихическую, выражающуюся в виде чувства чуждости собственного тела либо отдельных его частей или даже в их исчезновении².

А.О. Бухановский к основным личностным патологиям относит деформацию, деструкцию структуры личности, дисгармонию и регресс личности³. Под **деформацией** понимается диспропорциональное соотношение структурных элементов, дисгармония личности, возникающая в процессе ее развития. **Деструкция** – патологический процесс разрушения сложившейся к моменту начала болезни структуры личности в целом или ее компонентов. **Дисгармония** личности характеризуется формальной сохранностью задатков и способностей. Однако они теряют свою социальную значимость в силу выраженной диспропорции между отдельными компонентами темперамента, характера, потребностей и мотивов деятельности личности. Мышление становится аффективным. Значительно нарушается целостность, сила, устойчивость, пластичность свойств характера. Снижается уровень и выраженность потребностей, наблюдается регресс мотивов деятельности. **Регресс** личности свидетельствует о наступившем распаде ее индивидуальной структуры.

М.И. Еникеев выделяет кризисные состояния личности, личностные нарушения, пограничные психические состояния личности. Под **кризисными состояниями личности** он понимает индивидуально-психологическую уязвимость личности в зависимости от ее моральной структуры, иерархии ценностей, тех значений, которые она придает различным жизненным явлениям⁴. К таким состояниям М.И. Еникеев относит **дереализацию**, когда субъект утрачивает чувство реальности происходящего, и **деперсонализацию**, при которой индивид утрачивает для себя возможность и необходимость быть идеально представленным в жизнедеятельности других людей, не стремится к

¹ Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е. Психиатрия. М., 1985. С. 145, 152.

² Там же. С. 147.

³ Бухановский А.О. и др. Общая психопатология. Ростов-на-Дону, 2000. С. 226, 254.

⁴ Еникеев М.И. Указ. соч. С. 186–187.

самоутверждению и проявлению способности быть личностью. **Личностные нарушения**, с точки зрения данного автора, это нарушения личностных образований, проявляющиеся в поведенческой дезадаптивности, то есть в деформациях целеполагания и целедостижения, в нарушении самооценки и критичности личности, в общем спаде психической активности. Личностные нарушения характеризуются нарушениями личностных конструктов – иерархии мотивационной системы, возникновении квази- и патологических потребностей (в алкоголе, наркотиках, половых перверсиях, извращениях и др.), аутизма – социальной отчужденности личности, уходом от реальной действительности в сферу грез и бесплодных мечтаний, оскудением содержания деятельности, ограниченностью прогностических возможностей¹. К **пограничным психическим состояниям личности** М.И. Еникеев относит состояния, смежные между нормой и патологией: реактивные состояния; неврозы; психопатоподобные состояния; задержки психического развития (умственная отсталость), акцентуации характера, психические нарушения в экстремальных условиях².

В данной работе предлагается для характеристики различных личностных патологий использовать понятие «деструктивные изменения личности». Под **деструктивными изменениями личности** будет пониматься **патологический процесс разрушения структуры личности или отдельных ее элементов**.

Следует также сказать, что личность может не сформироваться в результате врожденных аномалий, например вследствие патологии головного мозга – олигофрении. К олигофрении может привести и перинатальная патология (родовые асфиксия, травма, инфекция), а также постнатальные факторы, действовавшие на мозг до трехлетнего возраста (менингиты, энцефалиты, интоксикации, травмы)³.

Нужно отметить, **что человек в течение своей индивидуальной жизни подвергается изменениям как по восходящей, так и по нисходящей линии**. В процессе своего формирования личность с детства проходит определенные стадии развития. Во взрослом состоянии уже сформировавшиеся черты характера личности приобретают относительную устойчивость, постоянство. В старости в психофизическом отношении личность подвергается изменениям в нисходящем направлении. Личность подвергается различного рода временным или стойким патологическим изменениям при заболеваниях, в частности при психических⁴. Длительные, интенсивно выраженные аффективные переживания могут подвергнуть личность патологическому развитию. Неблагоприятные условия социализации индивида могут способствовать аутодеструкции личности.

Деструктивные изменения личности могут быть как следствием аутодеструктивной деятельности человека, так и явиться результатом

---

¹ Там же. С. 196.

² Там же. С. 317–318.

³ Бухановский А.О. и др. Общая психопатология. Ростов-на-Дону, 2000. С. 248.

⁴ Меграбян А.А. Общая психопатология. М., 1972. С. 193; Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 541.

целенаправленного внешнего воздействия, каковому подвергаются, например, адепты деструктивных религиозных сект. Деструктивные изменения личности могут носить как обратимый, так и необратимый характер.

В настоящей работе предпринята следующая попытка **классификации форм деструктивных изменений личности:**

I. Частичная деструкция структуры личности:

1. Патологическая деформация личностных потребностей и мотивов.

Отмечается хроническая фрустрация базовых потребностей: в безопасности, в защищенности, в принадлежности к социальной группе, в привязанности, внимании и любви со стороны окружающих; меняется содержание потребностей и мотивов, их структура. Например, при алкоголизме смыслообразующим мотивом поведения становится именно потребность в алкоголе, все остальные потребности отходят на задний план.

2. Деструктивные изменения характера и темперамента. В данном случае замедляется темп психических реакций, падает или возрастает эмоциональная возбудимость, усиливается интроверсия¹, затрудняется коммуникация, нарастает ригидность², человеку трудно переключиться на что-то новое, приспособиться к социальным условиям, он сопротивляется любым изменениям. В результате деструктивных изменений нарушается внутренняя слаженность личности, гармония психических свойств, человек начинает неадекватно реагировать на внешние факторы, отмечаются выраженная неустойчивость, ранимость, возбудимость личности и бурное проявление аффектов³.

3. Нарушение волевой регуляции поведения. При этом личность полностью или частично утрачивает внутренний самоконтроль, способность к самодетерминации и саморегуляции деятельности, оказывается неспособной управлять своим поведением.

4. Нарастание аутизма. Аутизм – синдром патологии личности, главным (существенным) проявлением которого является отсутствие или угасание (различной степени выраженности) потребности в общении⁴. Человек утрачивает потребность в общении, как вербальном, так и невербальном.

---

¹ **Интроверсия** – дихотомическое различие между индивидами (противоположное психическое качество – экстраверсия), означающее тип психической деятельности, характеризующийся его преимущественной направленностью в свой внутренний мир (Еникеев М.И. Указ. соч. С. 135).

² **Ригидность** (в психологии) (от лат. rigidus – жесткий, твердый) – затрудненность (вплоть до полной неспособности) в изменении намеченной субъектом программы деятельности в условиях, объективно требующих ее перестройки (Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 344).

³ **Аффект** (от лат. affectus – душевное волнение, страсть) – сильное и относительно кратковременное эмоциональное состояние, связанное с резким изменением важных для субъекта жизненных обстоятельств и сопровождаемое резко выраженными двигательными проявлениями и изменениями в функциях внутренних органов (Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 33).

⁴ Бухановский А.О. и др. Общая психопатология. Ростов-на-Дону, 2000. С. 241.

Патологически повышенную значимость для индивида приобретает его внутренняя жизнь.

5. **Формирование неадекватной самооценки и нарушение межличностных отношений.** Индивид утрачивает способность адекватно оценивать себя, не стремится к самоутверждению и проявлению способности быть личностью. Утрачивается и способность адекватно оценивать других. Признаки аутизации и обеднения эмоциональной сферы достигают значительной выраженности, человек уходит от реальности в мир собственных переживаний, у него развиваются черствость, эгоистичность, эмоциональная холодность, нередко – жестокость.

II. **Глубокие деструктивные изменения личности**, при которой на первый план выступает **деменция** – значительное интеллектуальное снижение¹.

1. **Амнестическое расстройство** – это поражение предпосылок интеллекта, в первую очередь памяти. Наблюдаются сниженная работоспособность, повышенные утомляемость, истощаемость и отвлекаемость внимания.
2. **Тотальное слабоумие** – грубые нарушения высших и дифференцированных интеллектуальных функций: осмысления, адекватного оперирования понятиями, способности к правильным суждениям и умозаключениям, обобщению, классификации и т.д., мышление становится непродуктивным.
3. **Психический маразм** – наиболее тяжелый вид негативных личностных расстройств. Он отличается полным распадом психической деятельности, утратой возможности контакта с окружающими, полным исчезновением интересов и побуждений к деятельности.

Таким образом, личность представляет собой потенциальное свойство человека, является своеобразной сущностной возможностью для осуществления неограниченной действительности. Перспективы, раскрывающиеся перед человеком, включают не только позитивные, но и негативные возможности, вплоть до аутодеструкции. Аутодеструкция разнопланова, она включает не только суицид – тотальную форму саморазрушительной деятельности человека, но и различные формы деструктивных изменений личности. Под деструктивными изменениями личности в данной работе понимается патологический процесс разрушения структуры личности или отдельных ее элементов. При анализе деструктивных изменений личности следует учитывать, что человек в течение своей индивидуальной жизни подвергается изменениям как по восходящей, так и по нисходящей линии. Аутодеструкции личности могут способствовать длительные, интенсивно выраженные аффективные переживания, неблагоприятные условия социализации индивида, психические и некоторые иные заболевания. Деструктивные изменения личности могут носить как обратимый, так и необратимый характер, быть как следствием аутодеструктивной деятельности человека, так и явиться результатом

---

¹ Там же. С. 258–259.

целенаправленного внешнего воздействия, каковому подвергаются, например, адепты деструктивных религиозных сект. В настоящей работе к основным формам деструктивных изменений личности относятся патологическая деформация личностных потребностей и мотивов, деструктивные изменения характера и темперамента, нарушение волевой регуляции поведения, нарастание аутизма, формирование неадекватной самооценки и нарушение межличностных отношений, амнестические расстройства, тотальное слабоумие и психический маразм.

2.2. Способы аутодеструкции личности

В параграфе 2.1 были выделены основные формы деструктивных изменений личности, которые могут быть следствием нейрофизиологических процессов, результатом аутодеструктивной деятельности индивида или последствием целенаправленного внешнего воздействия. В данном параграфе будут проанализированы основные способы саморазрушительной деятельности человека, приводящие к деструктивным изменениям личности. К основным способам аутодеструкции следует отнести злоупотребление психоактивными веществами (наркотиками, алкоголем) и патологическую нехимическую зависимость: Интернет-аддикцию, гэмблинг (патологическую страсть к азартным играм) и некоторые другие. Рассмотрим их специфику и последствия для личности.

Одним из способов аутодеструкции личности является **злоупотребление психоактивными веществами**. **Психоактивным** считается такое вещество, прием которого приводит иногда к нарушению сознания или психики¹. Все психоактивные вещества могут стать источниками злоупотребления, неправильного употребления и развития психологической и физической зависимости. Под **злоупотреблением психоактивными веществами** обычно понимается патологическое употребление вещества, ведущее к потенциально рискованному поведению – вождению в состоянии интоксикации или систематическому приему вещества, невзирая на подорванное здоровье, проблемы в социальной, психологической или профессиональной сфере². К основным психоактивным веществам, оказывающим деструктивное воздействие на личность, относятся **алкоголь** и **наркотики**.

История наркомании насчитывает не одно тысячелетие. Практически все народы, начиная с доисторического периода, употребляли наркотики растительного происхождения из-за их необычайных способностей – изменять установившийся взгляд человека на мир, уводить в мир иллюзий. Существует гипотеза, что первое знакомство человека с наркотиками состоялось еще в раннем палеолите³. Из исторических документов известно, что шумеры, китайцы, индейцы, древние греки, ацтеки и племена Сибири хорошо знали

¹ Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 148.

² Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Анормальная психология. СПб., 2004. С. 619.

³ Leccese A. Drug and Society. New York, 1991. P. 35.

действие некоторых наркотиков. Так, **опиум** и его производные люди используют более 5 000 лет¹. Некоторые источники описывают потребление опиума до IV тыс. до н.э. шумерами, жившими в дельте Евфрата (современная территория Ирака)². Шумеры называли его «hul», что в переводе означает «радость», «наслаждение»³. На глиняных табличках остались рекомендации по приготовлению и употреблению опиума. В Египте были обнаружены наскальные рисунки, изображающие употребление опиума во время проведения религиозных ритуалов, датируемых серединой IV тыс. до н.э.⁴ Из древних папирусов, в частности «Лечебного папируса из Фив» известно, что опиум был занесен в список анальгетиков, то есть египтяне знали воздействие опиума на организм человека⁵. Из Египта опиум распространился в Грецию. В 330 г. до н.э. Александр Македонский впервые завез его в Персию и Индию. В VIII в. арабы расширили границы выращивания мака от Малой Азии до Индии и Китая. Они считали мак священным растением, которое открывает «врата рая» тем, кто его употребляет⁶.

Употребление **марихуаны** и **гашиша** (производных конопляной культуры *Cannabis Sativa*) уходит корнями в глубины истории. С коноплей были явно знакомы в древнем Китае, она упоминается в травниках китайского императора Шен Нунга, составленных приблизительно в 2737 г. до н.э.⁷ Древние греки также освоили каннабис и его производные, что вероятно, явилось результатом торговых связей с Китаем. В некоторых религиозных учениях Индии говорится, что жрецы пили напиток из каннабиса как чай, который был частью религиозных ритуалов⁸. Происхождение названия «гашиш» связано с преданием о Хассане ибн ас-Саббахе, старце гор, который решил увековечить свое имя в истории. На берегу реки Аломут он построил крепость для себя и своих воинов – ассасинов, главным занятием которых была война и убийства. За употребление гашиша члены этого ордена получили на Востоке название гашишинов (по-арабски – «хашашин»)⁹. Крестоносцы, которые понесли от них значительные потери, произносили это слово как «ассасин». Так стали называть членов этой организации в Европе, позднее слово стало нарицательным и вошло во французский и некоторые другие европейские языки, приобретя значение «коварный убийца». Это свидетельство, привезенное Макро Поло из Персии, можно считать первым в истории описанием массового употребления наркотиков в политических целях, а также их способности побуждать человека к совершению деструктивных действий.

---

¹ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 657.

² Szasz, Thomas S. Ceremonial Chemistry. New York, 1980. P. 28.

³ Lindemith A.R. Addiction and Opiates. Chicago, 1968. P. 207.

⁴ Szasz, Thomas S. Op.cit. P. 29.

⁵ Соломзес Дж.А., Чебурсон В., Соколовский Г. Наркотики и общество. М., 1998. С. 118.

⁶ Szasz, Thomas S. Op.cit. P. 29.

⁷ Соломзес Дж.А., Чебурсон В., Соколовский Г. Указ. соч. С. 132.

⁸ Лисовский В.Т., Колесникова Э.А. Наркотизм как социальная проблема. СПб., 2001. С. 19.

⁹ Brenner J., Coles R., Meaghev B. Drug and Youth: Medical Psychiatric and Legal Facts. New York, 1988. P. 20.

В древности в религиозных целях широко использовали *галлюциногенные грибы*, считавшиеся божественными. В Мексике, например, был найден большой каменный гриб с высеченным на ножке обликом бога. Предполагают, что возраст находки свыше 10 тыс. лет¹. Ряд галлюциногенных грибов, представителей видов *Stropharia* и *Psilocybe*, называвшихся «тео-нанацатль», или «божественная плоть», играли важную роль в ритуалах ацтеков². Они употребляли также *пейот* (*Lophophora williamsii*), маленький, лишенный колючек кактус, содержащий различные алкалоиды, включая мескалин³. Во многих перуанских мумиях двухтысячелетней давности обнаружены высушенные *листья коки* (*Erythroxylum coca*). Одежда инка имела карман, известный как чуспа, чтобы носить с собой листья. Кока была эмблемой мальчиков инков, знаком силы и выносливости⁴. В Сибири задолго до нашей эры были известны опьяняющие свойства местных психотропов – конопли, белены, багульника, борщевика и других растений, издревле использовавшихся в Евразии для приготовления наркотических снадобий. Традиция употребления галлюциногенных грибов, прежде всего мухоморов (*Amanita muscaria*), существовала у чукчей, коряков, камчадалов и юкагиров⁵.

Итак, в архаических обществах наркотические вещества использовались прежде всего в религиозно-обрядовых целях. Они позволяли достичь измененного состояния сознания шаманам, использовались в магической практике и в лечебных целях; возникающие под их воздействием галлюцинации считались особым способом «обучения». При этом случаи зависимости от наркотиков архаическим обществам практически не известны. Сами галлюциногенные вещества считались там священными, их употреблению предшествовала специальная подготовка, которая, как правило, включала половое воздержание и особую диету. Прием наркотических веществ сопровождался особыми ритуальными действиями, возникающие видения служили людям духовной опорой, защитой от неизвестной угрозы, средством, позволяющим увидеть будущее. Употребление наркотических веществ только

---

¹ Szasz, Thomas S. Op.cit. P. 37.

² Abadinsky H. Drug Abuse: an Introduction. Chicago, Illinois, 1989. P. 47.

³ Perez de Barradas J. Drogas Ilusionogenas de los Indios Americanos // Antropologia y Etnologia. 1950. №3. P. 9–107.

⁴ Ibid. P. 20.

⁵ Брехман И.И., Сем Ю.А. Этнофармакологическое исследование некоторых психоактивных средств малых народов Сибири и Дальнего Востока // Лекарственные средства Дальнего Востока. Хабаровск, 1970. Вып. 10. С. 18; Спевиковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айновском обществе). М., 1988. С. 168; Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. С. 5; Кулемзин В.Н., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. С. 118–120; Дневная мемория геодезиста Ф. Елистратова от Тагальской крепости берегом по Пенжинской губе до р. Пенжины в последовании под командою титулярного советника Баженова с 14-го сентября по 21-е число 1787 года // Этнографические материалы Северо-восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. Магадан, 1978. С. 170; Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. С. 140–141.

ради удовольствия было практически невыносимым, так как в представлении членов архаических обществ могло навлечь беды на весь коллектив.

Массовое *употребление наркотиков в Европе началось в XIX в.*, в период, когда группа интеллектуальных авантюристов проводила эксперименты над собственным сознанием, употребляя наркотики, привезенные из Египта и Индии. Все началось с того дня, когда французский врач Моро де Тур по возвращении из Алжира предложил своим друзьям попробовать «давамеску» – печенье из гашиша. С этого времени немало известных писателей, поэтов, художников, журналистов приобщились к наркотикам. В числе их можно назвать Шарля Бодлера, Теофиля Готье, Александра Дюма-отца, Гюстава Флобера и других именитых лиц, действительных членов «Клуба любителей гашиша» (1850), обосновавшегося в столице Франции. В их произведениях нашла отражение тема «наркотики – наслаждение»¹. Вот, например, выдержка из романа Ш. Бодлера «Искусственный рай (из признаний потребителя опиума)», опубликованного в русском журнале «Свет и тени» (1879): «Он лежит перед вами: кусок зеленой мастики, величиною в орех, издающий неприятный, возбуждающий тошноту запах. В нем-то и заключается счастье, счастье со всеми его сумасбродствами. Глотайте без страха – от этого не умирают. Ваш организм нимало не пострадает от этого. Вы ничем не рискуете... Свисток уже раздался. Поезд тронулся, и вы обладаете любопытной привилегией не знать цели вашего путешествия. Но вы сами пожелали этого...»²

В период с 1799 по 1806 г. немецкий фармацевт Фредерик Зертюнер проводил опыты, добавляя к опиуму раствор аммония. В результате он получил похожий на белую пудру алкалоид, воздействие которого оказалось в несколько раз сильнее опиума. Он назвал его *морфином* в честь Морфея, древнегреческого бога мечтаний и грез³. Приблизительно в 1865 г. в Америке была изобретена игла для подкожного впрыскивания, что позволило широко применять морфин при оказании помощи солдатам в ходе Гражданской войны, не только раненым в боях, но и страдавшим от дизентерии. В результате многие солдаты, побывавшие в сражениях Гражданской войны, вернулись к мирной жизни пристрастившимися к наркотику – состоянию, называвшееся «солдатской болезнью»⁴.

На рубеже XIX–XX веков выяснилось, что если обработать морфин дешевым и доступным уксусным ангидридом, то он превращается в другой мощный анальгетик, названный *героином*. Появление героина с энтузиазмом приветствовал его первооткрыватель, Генрих Дрезер. Ведущие ученые того времени признали достоинства героина, и препарат стал широко использоваться при анальгезии, а также в других медицинских целях, заменяя морфин. Однако в нем вскоре разочаровались, так как героин оказался опаснее

¹ Соломзес Д., Чебурсон В., Соколовский Г. Указ. соч. С. 134.

² Бодлер Ш. Искусственный рай. СПб., 1994.

³ Наркотики и яды. Психоделики и токсические вещества, ядовитые животные и растения / Сост. В.И. Петрова, Т.И. Ревяко. Минск, 1996. С. 23.

⁴ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 657.

морфина, действуя быстрее, сильнее и сохраняя аддиктивные свойства. В результате героин был изъят из врачебной практики¹.

Долгое время наркотические вещества находились в свободном обороте, более того, врачи рекомендовали их своим пациентам при лечении различных заболеваний. Лишь в конце XIX – начале XX в. стала осознаваться проблема наркомании и разрушительное влияние наркотиков на личность.

В XX в. список наркотических веществ пополнился. В 1938 г. швейцарскому химику Альберту Хоффману удалось синтезировать *лизергиновую кислоту*, что явилось началом массового употребления *галлюциногенных наркотиков*. ЛСД (диэтиламид лизергиновой кислоты) – вещество без вкуса, цвета и запаха, способное вызвать интоксикацию в количествах меньших, чем крупинка соли. А. Хоффман не подозревал о мощных галлюцинаторных свойствах ЛСД, пока не подвергся небольшому случайному отравлению. Вот его отчет о своих впечатлениях: «В прошлую пятницу, 16 апреля 1943 года, я был вынужден прервать работу в лаборатории в разгар рабочего дня и отправиться домой, так как был охвачен странным беспокойством, сопровождавшимся легким головокружением. Дома я лег и погрузился в состояние своеобразного опьянения, которое не было неприятным и отличалось крайней активностью воображения. Пока я лежал в оцепенении, с закрытыми глазами (дневной свет казался мне неприятно ярким), на меня обрушился непрерывный поток фантастических видений необычайной подвижности и живости, сопровождавшийся интенсивной калейдоскопической игрой красок. Через два часа это состояние постепенно прошло»². Хоффман сопровождал этот опыт серией плановых наблюдений за собой под действием ЛСД, некоторые из них он описал как «мучительные». Исследователи использовали ЛСД для вызова и изучения галлюцинаторных состояний или «смоделированных психозов», которые считались близкими к шизофрении. Примерно в 1950 г. ЛСД был представлен в США с целью проведения необходимых исследований и подтверждения возможной терапевтической ценности. Однако ЛСД так и не зарекомендовал себя терапевтически полезным препаратом.

Обычно после приема ЛСД человек в течение примерно восьми часов испытывает изменения в сенсорной перцепции, колебания настроения и чувства деперсонализации и отчужденности. Ощущения под действием ЛСД не всегда приятны. Они способны нанести серьезную травму; искаженные предметы и звуки, фантастические цвета и необычные мысли бывают угрожающими и пугающими. Например, один британский студент-юрист, находясь под действием ЛСД, попытался «растянуть время», для чего взял зубное сверло, чтобы просверлить себе дырку в голове. В других случаях люди, предпринявшие «неудачное путешествие», поджигали себя, выбрасывались из окон и принимали другие препараты, смертельные в сочетании с ЛСД³.

---

¹ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 657.

² Там же. С. 671.

³ Там же. С. 671–672.

В настоящее время **проблема злоупотребления психоактивными веществами** является достаточно актуальной. По приблизительным подсчетам, на сегодняшний день по всему миру свыше 200 млн. человек употребляют наркотики различного вида. В том числе примерно 140 млн. человек курят марихуану – самый распространенный наркотик, кокаин употребляют 13 млн. человек, героин – 8 млн., 30 млн. человек злоупотребляют стимуляторами амфетаминового ряда¹. Количество потребителей наркотиков увеличивается с каждым годом, причем в основном за счет поражения наркотиками наиболее уязвимой части населения – молодежи. В некоторых странах число школьников и совершеннолетних молодых людей, которые, по собственному признанию, пробовали потреблять марихуану, составляет 37%².

В настоящее время **деструктивное воздействие наркотиков на личность** не вызывает сомнения. Все исследователи, занимавшиеся изучением наркоманий, описывали личностные нарушения у больных и связанные с ними медицинские и социальные последствия³. При этом одни авторы указывают, что личность наркомана изменяется под влиянием ряда социальных факторов⁴, в то время как другие подчеркивают токсическое влияние наркотика⁵. **Наркомания влечет психическую, интеллектуальную, физическую и нравственную деградацию личности.** Средняя продолжительность жизни наркомана не превышает 35 лет⁶. По данным специалистов⁷, психоактивные вещества могут вызывать такие деструктивные личностные изменения, как делирий⁸, деменция, амнестический синдром.

Для обозначения деструктивных личностных изменений, происходящих у наркомана, отечественные исследователи А.А. Козлов и М.Л. Рохлина предлагают использовать термин **наркоманическая личность**, отмечая, что у всех наблюдаемых ими пациентов с разными формами наркомании, независимо

---

¹ Interpol. 4th International Heroin Conference. Yangon, Myanmar. 23–26 February 1999.

² Молодежь и наркотики: глобальный обзор. Комиссия по наркотическим средствам ЭКОСОС ООН, Е/сп.7/1999/8. Вена, 16–25 марта 1999 г., п. 29.

³ Гиляровский В.А. Психиатрия. М.–Л., 1935; Козлов А.А. Клинические проявления изменений личности у больных наркоманиями: Дисс. ... канд. мед. наук. М., 1999; Краффт-Эбинг Р. Учебник психиатрии. СПб., 1897; Крепелин Э. Учебник психиатрии. М., 1910; Рожнов В.Е. Судебно-психиатрическая экспертиза алкоголизма и других наркоманий. М., 1964; Рохлина М.Л., Козлов А.А., Каплан И.Я. Клинико-социальные последствия наркоманий // Вопросы наркологии. 1998. №1. С. 11–20; Шихмурадов А. Распространенность, клиника, лечение и профилактика опиоманий. Ашхабад, 1977.

⁴ Бориневич В.В. Наркомании. М., 1963; Петрищев А.М., Мостовой С.М. К вопросу о социально-психологических факторах формирования наркомании. Алкоголизм и неалкогольные токсикомании. М., 1981.

⁵ Гуревич М.О., Серейский М.Я. Учебник психиатрии. М., 1946; Швец Ф. Фармакодинамика лекарств с экспериментальной и клинической точки зрения. Братислава, 1971.

⁶ Глобалистика. Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. С. 648.

⁷ Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 147; Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 688.

⁸ **Делирий** – нарушение сознания, искаженное отражение действительности (галлюцинации, бред, спонтанное двигательное возбуждение) (Еникеев М.И. Энциклопедия. Общая и социальная психология. М., 2002. С. 82).

от вида употребляемого наркотика, по мере наркотизации индивидуальные личностные характеристики нивелировались и формировался своеобразный наркоманический дефект, который характеризовался повышенной возбудимостью, нарастающими аффективными расстройствами, преобладанием истеровозбудимых форм реагирования, психосоциальной дисфункцией в виде постепенного угасания интересов, различными аномалиями эмоционально-волевой сферы, расстройствами сферы влечений, в том числе сексуальной расторможенностью. Были выражены морально-этическое снижение и транзиторные интеллектуально-мнестические расстройства¹.

Деструктивные изменения личности происходили значительно быстрее у молодых лиц, нежели у взрослых наркоманов. По-видимому, незрелая личность значительно быстрее подвергается токсическому воздействию наркотика. Личность же со сформированным «Я» медленнее поддается пагубному воздействию психоактивного вещества. Но рано или поздно все больные наркоманиями становятся похожими друг на друга, так как в процессе наркотизации изменяются основные ценности, потребности, мотивации, личностные взаимоотношения, мышление².

Деструктивные изменения личности происходят значительно быстрее под воздействием субкультуры наркоманов. В самом общем деструктивные изменения личности по наркоманическому типу могут быть представлены процессом вхождения его в новую социальную среду, в данном случае наркоманическую, с существенными изменениями в ней в результате этого процесса. По мнению Л.С. Выготского³, вхождение человека в неблагополучную социальную нишу, приводящее к становлению и изменению личности, включает фазы адаптации, индивидуализации и интеграции. В свете теории Л.С. Выготского происходит следующее. Вначале имеет место **адаптация** – усвоение действующих в группе норм и ценностей, овладение соответствующими для наркомана средствами и формами деятельности, определенными навыками и тем самым до некоторой степени уподобление другим членам той же общности, наркоманической среды. Далее следует фаза **индивидуализации**, характеризующаяся поиском средств и способов обозначения своей индивидуальности: сочетанное или комбинированное употребление различных психоактивных веществ, повышение доз, раскрытие перед группой своих «похождений» и возможностей в приобретении наркотиков, особых способов их реализации, умение красочно описать состояния «кайфа» у себя и тем самым привлечь повышенное внимание окружающих. Фаза **интеграции** детерминирована противоречием между стремлением быть идеально представленным своими особенностями и отличиями в нормальной среде (семья, школа, врачи), с одной стороны, и потребностью наркоманической общности принять, одобрить и культивировать

¹ Козлов А.А., Рохлина М.Л. Наркоманическая личность // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2000. №7.

² Козлов А.А., Рохлина М.Л. Указ. соч.

³ Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1958; Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.

лишь те его аддиктивные особенности, которые на самом деле способствуют его деградации. Так уже существующая, ранее сформированная личность под воздействием большого количества факторов претерпевает существенные деструктивные изменения: нивелируются прежние черты характера и формируются новые, «наркоманические».

По данным А.А. Козлова и М.Л. Рохлиной¹, признаки морально-этического снижения были выявлены у 94% наркоманов, причем в группе, употреблявших препараты опия, у всех больных. При этом, легкая степень морально-этического снижения выявлялась у лиц с длительностью наркотизации до 2 лет, средняя – с длительностью ее от 2 до 4 лет, выраженная – при давности наркотизации 4–6 лет. Интеллектуально-мнестические нарушения отмечены у 92 из 100 обследованных, наиболее тяжелые преобладали у больных опийной и полиморфной наркоманией, меньшей степени тяжести – у лиц, злоупотреблявших героином и первитин-эфедроновыми веществами. Характерными проявлениями интеллектуально-мнестических нарушений были также торпидность² мышления, бедность воображения, нарушения непосредственной и опосредованной памяти, нарушения мотивационного компонента памяти и динамики мнестической деятельности, в редких случаях – ослабление фиксационной и репродуктивной памяти. Следует обратить внимание на то, что длительный отказ от употребления наркотиков приводит к определенному улучшению интеллектуально-мнестических функций, однако их полного восстановления не отмечается³. В 7% случаев наблюдалась выраженная деградация личности: проявлялся ее дефект с обеднением чувств, суждений, снижением активности, усилением психопатоподобной симптоматики, аффективных нарушений, снижением и утратой трудоспособности, социальной дезадаптацией.

Таким образом, одним из способов аутодеструкции личности является злоупотребление психоактивными веществами, которое может вызвать различные формы деструктивных изменений личности, вплоть до амнестического расстройства. Причем при прекращении употребления наркотиков полного восстановления интеллектуальных функций личности не происходит.

К деструктивным изменениям личности может привести и **злоупотребление алкоголем**. Представители многих древних культур, включая египетскую, греческую и римскую, употребляли алкоголь по многим поводам и часто – в избытке. Пиво впервые появилось в Египте приблизительно в 3000 г. до н.э. Древнейшие из дошедших до нас винодельческих рецептов были записаны в Италии Марком Катонем примерно за полтора века до Рождества Христова. Приблизительно в 800 г. н.э. арабский алхимик разработал процесс перегонки, повысив ассортимент и крепость алкогольных напитков. Проблемы в связи с избыточным потреблением алкоголя отмечались почти с самого

¹ Козлов А.А., Рохлина М.Л. Указ. соч.

² Под **торпидностью** в психиатрии понимается замедление психических процессов.

³ Козлов А.А., Бузина Т.С. Психологические особенности больных наркоманией // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1999. №10. С. 14–19.

момента его появления. Камбиз, царствовавший в Персии в VI в. до н.э., пользовался сомнительной славой одного из первых известных алкоголиков¹.

В настоящее время алкоголизм является серьезной проблемой для европейцев и населения стран, претерпевших влияние европейской культуры: Аргентины, Канады, Чили, Японии, США и Новой Зеландии. Население этих государств составляет менее 20% мирового населения и в то же время потребляет 80% алкоголя. Первое место по алкоголизму занимают французы, среди которых им страдают приблизительно 15% населения². В США распространенность алкоголизма составляет 13,4%³. Стабильно высоким является уровень алкоголизма в России, причем, по данным Института социологии РАН, «в России каждое последующее поколение начинает потребление спиртных напитков в более раннем возрасте, чем это делало предыдущее поколение»⁴.

Для индивида существует огромное количество пагубных последствий, связанных с чрезмерным употреблением алкоголя. Тяжелое пьянство сопровождается повышенным риском различного рода травм. Продолжительность жизни алкоголика в среднем на 12 лет короче, чем у среднестатистического гражданина, и в настоящее время алкоголь считает третьей главной причиной всех смертей в США после ишемической болезни и рака⁵. По данным Г.И. Каплан и Б.Дж. Сэдок, с алкоголизмом связано по меньшей мере 50% всех дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом, 50% убийств, 25% суицидов⁶.

Алкоголь оказывает *деструктивное воздействие на личность*, причем наряду с обратимыми изменениями злоупотребление им вызывает и необратимые процессы. Прежде всего, у алкоголиков претерпевает деструктивные изменения когнитивная функция мозга, что пагубно сказывается на аналитических и других мыслительных процессах, а также ослабляется самоконтроль⁷. У 45–70% больных алкоголизмом, требующих активного лечения, определяются специфические нарушения абстрактного мышления а также расстройства памяти⁸. Хотя отказ от приема алкоголя приводит к частичному восстановлению в течение нескольких первых недель, около 10% алкоголиков имеют устойчивые когнитивные расстройства различной степени тяжести – от селективной амнезии до деменции⁹.

---

¹ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 621.

² Там же. С. 643.

³ Там же. С. 621.

⁴ Левин Б.М. Главные факторы алкоголизации общества в условиях социальных перемен // Социологические исследования. 1997. №4.

⁵ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ соч. С. 622.

⁶ Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 155.

⁷ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 625.

⁸ Tabakoff B., Petersen R.C. Brain Damage and Alcoholism // Counselor. 1988. Vol. 6. №5. P. 13–16.

⁹ Фридман Л.С., Флеминг Н.Ф., Робертс Д.Х., Хайман С.Е. Наркология. М.; СПб., 1998. С. 123–124.

При хроническом алкоголизме происходит изменение мотивационной сферы человека. Данное изменение приводит к смене интересов, позиций, ценностей личности. Фактически при хроническом алкоголизме патологические процессы на психическом уровне можно разделить на две составляющие: формирование новой патологической потребности и нарушение иерархии мотивов. Б.С. Братусь констатирует, что деструктивный процесс личности вплоть до полной ее деградации начинается с изменений в сфере потребностей и мотивов, разрушения преморбидных¹ установок, сужения круга интересов, снижения критики относительно своего поведения². У больных алкоголизмом поведение строится на удовлетворении главенствующей потребности в алкоголе. Прежняя иерархия потребностно-мотивационной сферы в начале болезни носит все менее стойкий характер, а затем все высшие потребности и установки личности оттесняются и разрушаются, утрачиваются прежние социальные связи³.

В результате злоупотребления алкоголем может развиваться **алкогольный абстинентный делирий**, который называют также **белой горячкой**. Белая горячка обычно развивается у больных в возрасте от 30 до 40 лет после 5–15 лет сильного пьянства, как правило, в результате злоупотребления коньяком. Человек в таком состоянии представляет опасность для самого себя и для окружающих из-за непредсказуемости своего поведения. Он может совершать нападения на других, суициды или же действия, обусловленные галлюцинациями или бредовыми идеями⁴. Таким образом, **алкоголизм** может привести не только к частичной деструкции структуры личности, но и стать **причиной глубоких деструктивных изменений, носящих необратимый характер**.

Деструктивные изменения личности может вызвать и **патологическая нехимическая зависимость**, в том числе зависимость от Интернета и страсть к азартным играм – гэмблинг. Следует отметить, что понятие **зависимость**, или **аддикция**, принадлежит к числу относительно новых для отечественной науки терминов: немногим более десяти лет назад они фигурировали в составленном А.Е. Личко и Н.Я. Ивановым «Словаре современной американской психиатрической терминологии с ее отличиями от принятой в России»⁵. Традиционно исследователи, занимающиеся проблемой аддикции, анализировали преимущественно зависимость от химических веществ⁶. Однако в последнее время наряду с химическими все чаще упоминаются поведенческие

---

¹ То есть, существовавших до болезни.

² Братусь Б.С. Психологический аспект изменения личности при алкоголизме. М., 1984.

³ Горобец Т. Алкоголизм и безопасность социума // Безопасность Евразии. 2003. №1. С. 372.

⁴ Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Указ. соч. Т. 1. С. 164.

⁵ Личко А.Е., Иванов Н.Я. Словарь современной американской психиатрической терминологии с ее отличиями от принятой в России // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 1992. №4. С. 63–84.

⁶ Личко А.Е., Иванов Н.Я. Указ. соч.; Шабалина В.В. Зависимое поведение школьников. СПб., 2001.

зависимости¹. Например, Е.В. Змановская определяет аддиктивное поведение как аутодеструктивное поведение, связанное с зависимостью от употребления какого-либо вещества (или от специфической активности) в целях изменения психического состояния². Она выделяет такие формы зависимого поведения: химическая зависимость (курение, токсикомания, наркозависимость, лекарственная зависимость); нарушения пищевого поведения (переедание, голодание, отказ от еды); гэмблинг – игровая зависимость (компьютерная зависимость, азартные игры); сексуальные аддикции (зоофилия, фетишизм, пигмалионизм, трансвестизм, эксгибиционизм, вуайеризм, некрофилия, садомазохизм); религиозное деструктивное поведение (религиозный фанатизм, вовлеченность в секту)³. Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева выделяют такие виды нехимической зависимости, как страсть к азартным играм (гэмблинг), работогольная аддикция, аддикция к трате денег, аддикция к отношениям с другими людьми (сексуальная аддикция, любовная аддикция, аддикция избегания), ургентная аддикция (привычка к постоянной нехватке времени)⁴. Необходимо обратить внимание на то, что проблема поведенческой аддикции в настоящее время находится в стадии изучения, причем существует даже точка зрения, согласно которой поведенческая аддикция может трактоваться как одно из заблуждений современного поколения психологов и психотерапевтов⁵. Безусловно, данная проблема требует дальнейшего теоретического осмысления, что не является задачей данного исследования. В настоящей работе будет проанализировано влияние на личность таких видов нехимической зависимости, как гэмблинг (патологическая зависимость от азартных игр) и Интернет-аддикция.

Проблема *Интернет-зависимости* разрабатывается преимущественно западными учеными⁶, в отечественной литературе по данной проблеме

---

¹ Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. №1. С. 90–100; Короленко Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 1991. №1. С. 8–15; Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. М., Екатеринбург, 2000; Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. №2. С. 24–29; Griffiths M. Internet Addiction: Fact or fiction? // Psychologist. 1999. V. 12 (5). P. 246–250; Stern S.E. Addiction to Technologies: a Social Psychological Perspective of Internet Addiction // CyberPsychology and Behavior. 1999. V. 2 (5). P. 419–424.

² Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М., 2003. С. 122.

³ Там же. С. 118.

⁴ Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. М., Екатеринбург, 2000. С. 297.

⁵ Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. №1. С. 99.

⁶ Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. №2. С. 24–29; Griffiths M. Internet Addiction: Fact or Fiction? // Psychologist. 1999. V. 12 (5). P. 246–250; Stern S.E. Addiction to Technologies: a Social Psychological Perspective of Internet Addiction // CyberPsychology and Behavior. 1999. V. 2 (5). P. 419–424.

преобладают научно-популярные статьи¹, исключение составляют работы отечественного психолога А.Е. Войскунского² и некоторых других. Терминология проблемы еще не вполне устоялась. Применяются наименования «зависимость от Интернета», или «Интернет-аддикция» (Internet Addiction Disorder, или IAD, Internet Behavior Dependency), а также «избыточное/патологическое применение Интернета» (Internet Overuse, Pathological Internet Use).

Родоначальниками изучения феноменов зависимости от Интернета могут считаться американские ученые К. Янг³ и И. Голдберг⁴. В 1994 г. К. Янг разработала и поместила на веб-сайте специальный опросник, получив 500 ответов, из которых около 400 были отправлены, согласно выбранному ею критерию, аддиктами. И. Голдберг в 1995 г. предложил набор диагностических критериев для определения зависимости от Интернета, построенных на основе признаков патологического пристрастия к азартным играм. В 1998–1999 гг. К. Янг⁵, Д. Гринфилд⁶ и К. Суррат⁷ опубликовали первые монографии.

Несмотря на имеющиеся разногласия между специалистами, большинство из них достаточно едины в определении поведенческих характеристик, которые могли бы быть отнесены к феномену Интернет-зависимости. Так, отмечают следующие особенности:

- неспособность и активное нежелание отвлечься даже на короткое время от работы в Интернете, а уж тем более прекратить работу;
- досада и раздражение, возникающие при вынужденных отвлечениях, и навязчивые размышления об Интернете в такие периоды;
- стремление проводить за работой в Интернете все увеличивающиеся отрезки времени и неспособность спланировать время окончания конкретного сеанса работы;
- побуждение тратить на обеспечение работы в Интернете все больше денег, не останавливаясь перед расходом припасенных для других целей сбережений или накоплением долгов;

---

¹ Кудрявцев В. Интернет, или «экологически чистый» наркотик // Воспитание школьников. 1999. №5. С. 23–25; Зубрилин А.А., Александрова Р.И. Эмигрировавшие в Интернет // Человек. 2002. №4. С. 131–137; Абрамов М.Г. Человек и компьютер: от homo faber к homo informaticus // Человек. 2000. №4. С. 127–134.

² Войскунский А.Е. Психологические исследования феномена интернет-аддикции // II Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. Москва, 12–14 апреля 2000 г. М., 2000. С. 251–253; Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М., 2000. С. 100–131; Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. №1. С. 90–100.

³ Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. №2. С. 24–29.

⁴ Goldberg I. Treatment of Internet Disorders. New York, 1999.

⁵ Young K.S. Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction – and a Winning Strategy for Recovery. New York, 1998.

⁶ Greenfield D.N. Virtual Addiction: Help for Netheads, Cyberfreaks and Those Who Love Them. Oakland, 1999.

⁷ Surratt C. Netaholics? The Creation of a Pathology. Commack, New York, 1999.

- готовность лгать друзьям и членам семьи, преуменьшая длительность и частоту работы в Интернете;
- способность и склонность забывать при работе в Интернете о домашних делах, учебе или служебных обязанностях, важных личных и деловых встречах, пренебрегая занятиями или карьерой;
- стремление и способность освободиться на время работы в Интернете от ранее возникших чувств вины или беспомощности, от состояния тревоги или депрессии, обретение ощущения эмоционального подъема и своеобразной эйфории;
- нежелание принимать критику подобного образа жизни со стороны близких или начальства; готовность мириться с разрушением семьи, потерей друзей и круга общения из-за поглощенности работой в Интернете;
- пренебрежение собственным здоровьем и, в частности, резкое сокращение продолжительности сна в связи с систематической работой в Интернете в ночное время;
- избегание физической активности или стремление сократить ее, оправдываемое необходимостью выполнения срочной работы, связанной с применением Интернета;
- пренебрежение личной гигиеной из-за стремления проводить все без остатка «личное» время, работая в Интернете;
- постоянное «забывание» о еде, готовность удовлетворяться случайной и однообразной пищей, поглощаемой нерегулярно и не отрываясь от компьютера;
- злоупотребление кофе и другими тонизирующими средствами; подбор, просмотр и изучение специальной литературы о новинках Интернета, обсуждение их с окружающими¹.

Как видим, при Интернет-аддикции происходит **патологическое изменение потребностей и мотивов**, смыслообразующим мотивом становится именно потребность работы в Интернете, все остальные отходят на задний план.

Одним из видов Интернет-зависимости (согласно типологии К. Янг) является **компьютерная зависимость** – навязчивая игра в компьютерные игры². Данный вид Интернет-зависимости оказывает наиболее разрушительное воздействие на личность. Виртуальный мир компьютерных игр, в которые играют аддикты, зачастую жесток и беспощаден, настроен враждебно к виртуальному герою. Сам же герой противостоит этому миру, имея для этого все необходимое: силу, ум, знания, оружие, средства защиты и т.д. Ему приходится «убивать» компьютерных «врагов», а те, в свою очередь, пытаются «убить» его. Человек, находящийся длительное время в такой среде, переносит ее законы на реальный мир: начинает чувствовать себя более уязвимым, считает, что большинство людей враждебно настроены, и мир в целом является

¹ Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. №1. С. 92.

² Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. №2. С. 24–29.

более опасным, чем есть на самом деле. То есть **повышается уровень тревожности личности**, а высокая тревожность, как было показано в параграфе 1.1, является фактором, детерминирующим деструктивную деятельность человека.

Интернет-аддикция приводит к искаженному восприятию собственной личности и искажению восприятия человеком объективной реальности, что обязательно приводит к дезадаптации. Некоторые люди конструируют **виртуальную идентичность**, которая является идеальным «Я» и замещает реальное «Я». Так удовлетворяются недостижимые в реальной жизни потребности, прежде всего потребность в достижении высокой самооценки и потребность в уважении со стороны других. Люди с низкой самооценкой или те, кто часто сталкивается с неодобрением окружающих, а также депрессивные и тревожные люди будут наиболее склонны создавать идеальное «Я» on-line. Виртуальная реальность настолько захватывает человека, что начинает управлять его жизнью. Человек становится беспомощным перед своим пристрастием. Волевые усилия ослабевают и не дают возможности противостоять аддикции¹. Разрушительный характер Интернет-аддикции проявляется в том, что способ аддиктивной реализации из средства постепенно превращается в цель. Отвлечение от сомнений и переживаний в трудных ситуациях периодически необходимо всем, но в случае аддиктивного поведения оно становится стилем жизни, в процессе которого человек оказывается в ловушке постоянного ухода от реальной действительности².

Итак, Интернет-зависимость может привести к частичной деструкции структуры личности, в частности происходит **патологическая деформация потребностей и мотивов**, смыслообразующим мотивом становится именно потребность работы в Интернете, все остальные отходят на задний план; **нарушается волевая регуляция поведения**; претерпевают **деструктивные изменения характер и темперамент**, в частности усиливается интроверсия, затрудняется коммуникация, человек начинает неадекватно реагировать на внешние факторы; **нарастает аутизм**³. Сужается круг интересов индивида, сокращается участие в значимых видах деятельности либо происходит полный отказ от нее, у человека появляются навязчивые размышления о происходящем в киберпространстве, психомоторное беспокойство. Зацикливание на процессе взаимодействия с компьютером, уход от действительности, «бегство» от нее в ирреальный виртуальный мир, феномен «незаконченного действия» – все это не позволяет пользователю полностью переключиться на другой вид деятельности⁴. Следствием Интернет-зависимости может стать **десоциализация**

---

¹ Леонова Л.Г., Бочкарева Н.Л. Вопросы профилактики аддиктивного поведения в подростковом возрасте. Учебно-методическое пособие. Новосибирск. 1998.

² Короленко Ц.П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития. // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 1991. №1.

³ Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. №2. С. 24.

⁴ Васильева И.А., Осипова Е.М., Петрова Н.Н. Психологические аспекты применения информационных технологий // Вопросы психологии. 2002. №3. С. 83.

личности, выступающая в форме пренебрежения обществом себе подобных¹. Следует однако отметить, что сама проблема Интернет-зависимости находится в стадии разработки, а происходящие в результате данного вида аддикции изменения, как правило, обратимы, хотя в отдельных случаях человек нуждается в помощи специалистов.

Еще одним способом аутодеструкции личности является *гэмблинг* – *патологическая страсть к азартным играм*. Гэмблинг представляет собой прогрессирующее расстройство, характеризующееся постоянным или периодическим отсутствием контроля над азартом, поглощенностью игрой и добыванием денег ради игры, иррациональным поведением и продолжением игры, невзирая на неприятные последствия².

История и антропология показывают, что азартные игры велись и ведутся почти повсеместно и при любых социальных формациях. Археологические данные свидетельствуют, что в Древнем Египте около 3500 г. до н.э. играли в бабки³ – неровные четырехсторонние кости с выпуклой и вогнутой сторонами. Каждая сторона ее имела, вероятно, определенную ценность в играх. В бабки играли в древней Греции и римляне, некоторые арабские и индейские племена. Археологами обнаружены также «метательные палочки», которые могли использоваться в играх. Они сделаны из дерева или слоновой кости. Имеют длину около трех дюймов (1 дюйм=25,4 мм), квадратное или эллипсоидальное поперечное сечение и различные стилизованные отметки. Такие палочки были найдены в древней Британии, Греции, Риме, Египте и в Америке у племени майя⁴. Шестигранные кости появились задолго до Рождества Христова. Некоторые кости вырезались из бабок, но более стандартные кубики изготавливались из керамики и дерева. Самые ранние игральные кости из Ирака и Индии датируются 3000 г. до н.э. Где-то около 1400 г. до н.э. была изобретена современная разметка шестигранных игровых костей, где сумма точек на противоположных гранях всегда равна семи⁵.

Много упоминаний об азартных играх содержится в мифологии. Греческие и римские мифы упоминают о боге азартной игры или боге удачи. У ирландцев и шотландцев есть сказания о необыкновенных ставках, не востребованных победителями. Но наиболее многочисленные драматические истории об азартных играх можно обнаружить в народной литературе Азии, в особенности Юго-Восточной Азии, Японии, Филиппин и Индии. В Азии имеется множество народных преданий о том, как мужчины использовали в качестве ставок в азартной игре собственных жен, сестер, дочерей, собственные тела или части тела⁶. Ригведа содержит гимн «Жалоба Игрока», в одной из строф которой цитируется бог Савитр: «Не играй в кости, а паши свою борозду!

¹ Абрамов М.Г. Человек и компьютер: от homo faber к homo informaticus // Человек. 2000. №4. С. 130.

² Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 681.

³ *Бабка-astragalus* – таранная кость или межфаланговый сустав овцы или собаки.

⁴ Игрный бизнес / Ред.-сост. А.В. Пурник. М., 1994. С. 3.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 7–8.

Находи наслаждение в собственности своей и цени ее высоко! Смотри за скотом своим и за женою своей, презренный игрок!» – так говорит мне благородный Савитр». В индийском эпосе «Махабхарата» часто и подробно описывается игра в кости, которая квалифицируется как азартная игра¹. Тацит описывает азартные игры на собственность и на людей у древних германцев: межплеменные стычки иногда заканчивались в зависимости от исхода такой игры².

Уже в древности люди осознавали, что азартные игры оказывают разрушительное влияние на человека, и пытались предотвратить его, запрещая данный вид игр. Так, первый из известных законов об азартных играх – Lex aleatoria (alea – игральная кость) был принят в Древнем Риме в III до н.э. Он запрещал азартные игры и разрешал все остальные: общественные, спортивные, в том числе и гладиаторские. В Древнем Китае отправляли на каторгу за игру в шупу (разновидность игры в кости). В 1188 г. английский король Генрих II запретил крестоносцам играть в кости. Во Франции игра в кости была запрещена указами 1291, 1391 и 1396 гг., но это, видимо, не подействовало, так как в 1396 г. появился указ против распространившихся поддельных костей. С появлением в Европе карт законодательные запреты распространяются и на карточные игры³. Однако, несмотря на запреты, в азартные игры продолжали играть, более того, в Европе появляются игорные дома, первые из них возникли в XII в. в Италии⁴. В разных странах в разные исторические периоды государство запрещало проведение азартных игр, однако, как правило, в это время там возникали подпольные игорные дома – страсть к игре оказывалась сильнее запретов.

Азартные игры в современном обществе принимают разные формы включая казино и рулетку, игры на тотализаторе (легальные и нелегальные), игры с числами, лотереи, кости, бинго и карты. Их распространенность объясняется в том числе и тем, что в литературе, средствах массовой информации предлагается миф о связи игры с богатством, свободой, силой⁵. Считается, что зависимостью от азартных игр в настоящее время страдают примерно от 0,5% до 1,5% населения развитых стран, особенно в тех регионах, где игорный бизнес легализован. При этом около 60% населения хотя бы раз в год проводят свой досуг именно в игровых салонах⁶. Точные суммы, которые проходят через руки в ходе легальных и нелегальных азартных игр, неизвестны, но установлено, что в США заядлые игроки, составляющие от 1,2 до 2,3% взрослого населения, ежегодно проигрывают свыше 20 миллиардов долларов⁷.

---

¹ Там же. С. 4–5.

² Там же. С. 5.

³ Павлюкова Т. Бизнес казино. Крупье. Ростов-на-Дону, 2000. С. 13.

⁴ Зайцев В.В., Шайдулина А.Ф. Как избавиться от пристрастия к азартным играм. СПб., 2003. С. 13.

⁵ Психофизиология. Психологическая физиология с основами физиологической психологии. М., 2003. С. 450.

⁶ Зайцев В.В., Шайдулина А.Ф. Указ. соч. С. 16.

⁷ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 681.

По мнению психиатров, следует различать *патологических* и «*социальных*» игроков. «Социальными игроками» считаются те люди, которые могут посещать игровые заведения время от времени, и для которых азартные игры являются лишь одним из большого числа способов проведения досуга¹. Описание пристрастия к азартным играм как патологического состояния было дано еще Э. Крепелиным около 100 лет назад². Это состояние было отнесено к расстройствам личности, наряду с патологическим коллекционированием, однако научно обоснованные критерии болезненного пристрастия к игре были впервые систематически изложены лишь в американской классификации психических расстройств. В ней главными признаками патологической игры была признана «хроническая и прогрессирующая неспособность сопротивляться импульсу игры, поведению игрока, что ставит под угрозу, нарушает и разрушает личное, семейное и профессиональное положение. Характерными проблемами являются большие долги и последующее невыполнение по их уплате, разрыв семейных отношений, мошенничество и запрещенная финансовая деятельность»³. В настоящее время гэмблинг привлекает все больше внимания исследователей во всем мире, однако причины данного явления до конца не выяснены⁴. В отечественной же науке практически нет публикаций на эту тему⁵.

Следствием патологического пристрастия к азартным играм являются *деструктивные изменения личности*. У патологических игроков происходит *деформация потребностей и мотивов*, важнейшей из которых становится потребность в игре, *нарушение волевой регуляции поведения* – неспособность прекратить игру, происходит *искажение самооценки*, которая напрямую связывается с успешностью игры. У лиц с игровой зависимостью преобладают *иррациональные убеждения*, в частности им свойственны *персонификация игрового автомата* («автомат похож на меня»), «*иллюзия контроля*» – убежденность в том, что они могут контролировать случайные события посредством различных способов ритуального поведения, например, скорости нажатия на кнопки игрового автомата⁶. Если обычно люди рассматривают азартные игры как занятие неэтичное и деструктивное, то сами азартные игроки кажутся себе идущими на «рассчитанный риск» с целью создания доходного бизнеса. Нередко они испытывают одиночество и негодуют на окружающих, которые не понимают их действий⁷, то есть следствием гемблинга становится *нарушение межличностных отношений* и *нарастание аутизма*. Данные изменения обратимы, однако состояние патологической зависимости от азартных игр, как правило, требует специального лечения, причем сам человек

¹ Зайцев В.В., Шайдулина А.Ф. Указ. соч. С. 95.

² Крепелин Э. Учебник психиатрии. М., 1910.

³ Зайцев В.В., Шайдулина А.Ф. Указ. соч. С. 32.

⁴ Ibanez A., Blanco C., de Castro I.P. et. al. Genetics of Pathological Gambling // Journal of Gambling Studies. 2003. V. 19 (1). P. 11–22.

⁵ Зайцев В.В., Шайдулина А.Ф. Указ. соч.

⁶ Зайцев В.В., Шайдулина А.Ф. Указ. соч. С. 34.

⁷ Карсон Р., Батчер Дж., Минека С. Указ. соч. С. 683.

должен принять решение о его необходимости и о том, что ему нельзя возобновлять игру.

Итак, основными способами аутодеструкции являются злоупотребление психоактивными веществами (наркотиками, алкоголем) и патологическая нехимическая зависимость: Интернет-аддикция и гэмблинг. Данные виды аддикции мы можем отнести к способам аутодеструкции личности, так как для их формирования необходима личная активность, причем человек, употребляющий психоактивные вещества или злоупотребляющий игрой, осознает их возможные разрушительные последствия, однако пребывает в уверенности, что его они не коснутся. Следствием злоупотребления психоактивными веществами или патологической нехимической зависимости могут явиться патологическая деформация потребностей и мотивов, искаженное восприятие собственной личности, нарушение волевой регуляции поведения, деструктивные изменения характера и темперамента, в частности, усиление интроверсии, затруднение коммуникации, рост аутизма. Как правило, в случае патологической нехимической зависимости деструктивные изменения личности являются обратимыми. В случае же зависимости от психоактивных веществ возможны глубокие деструктивные изменения личности, при которой на первый план выступает деменция – значительное интеллектуальное снижение. Причем при прекращении употребления психоактивных веществ полного восстановления интеллектуальных функций личности не происходит.

2.3. Суицид как крайняя форма аутодеструктивной деятельности человека

Крайней формой аутодеструктивной деятельности человека является суицид. Под **самоубийством (суицидом)** понимается умышленное (намеренное) лишение себя жизни. Самоубийством не считается лишение себя жизни лицом, не осознающим своих действий или их последствий в силу психического состояния или младенческого возраста (обычно до 5 лет). В подобных случаях фиксируется смерть от несчастного случая¹. По-видимому, первым термин «суицид» употребил Томас Браун в работе «*Religio medicī*» («Религия врача») в 1642 г. Врач и философ Т. Браун образовал слово от латинского *sui* (себя) и *caedere* (убивать). Новый термин отразил необходимость различия между самоубийством и убийством другого человека².

Самоубийство представляет собой чрезвычайно сложный феномен, имеющий философский, социальный, психологический, этический, медицинский, юридический, религиозный, культурологический аспекты. Среди ученых, занимающихся его изучением, нет единства по вопросу о классификации самоубийств и причинах данного явления.

---

¹ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 379.

² Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Э.Г. Круга и др. М., 2003. С. 191.

Существуют различные *классификации самоубийств*. Э. Дюркгейм¹ различал самоубийства *эгоистические* (результат ослабления социальных связей индивидов), *аномические* (характерные для общества, находящегося в состоянии аномии), *альтруистические* (совершаемые ради других людей или во имя высокой цели) и *фаталистические* (как следствие чрезмерного социального контроля, «избытка регламентации», например в армии, пенитенциарных учреждениях). М. Хальбвакс рассматривал самоубийства *искупительные* (самообвинение), *проклинающие* (протестные) и *дезиллюзионные* (результат разочарования, неудовлетворенности)². Недостаток данных классификаций в том, что в их основе лежат два критерия: мотив и причина совершения суицида. Э. Шнейдман³ выделяет три типа самоубийств: *эгоистические*, причиной которых является интрапсихический диалог, конфликт между частями «Я», а внешние обстоятельства играют дополнительную роль; *диадические*, основа которых лежит в нереализованности потребностей и желаний, относящихся к значимому близкому человеку; то есть внешние факторы доминируют, делая этот поступок актом отношения к другому; *агенеративные*, их причиной является желание исчезнуть из-за утраты чувства принадлежности к поколению или человечеству в целом, например суициды в пожилом возрасте. Э. Гроллман⁴ выделяет наряду с *прямым* самоубийством *непрямое*: медленное самоуничтожение в результате злоупотребления алкоголем или наркотиками, игнорирования серьезных болезней, переедания и т.п.; *автоцид* – осознанное или бессознательное саморазрушающее поведение, следствием которого, как считают специалисты, часто являются невнимательность, превышение скорости, ошибки в оценке ситуации и управление автомобилем в нетрезвом состоянии; участие в «смертельных играх», например, в русской рулетке.

Отечественные исследователи⁵ подразделяют суициды на три основные группы: истинные, демонстративные и скрытые. *Истинный суицид* направляется желанием умереть. Он не бывает спонтанным, хотя иногда и выглядит довольно неожиданным. Такому суициду всегда предшествует угнетенное настроение, депрессивное состояние или просто мысли об уходе из жизни. Причем окружающие такого состояния человека могут не замечать. Другой особенностью истинного суицида являются размышления и переживания по поводу смысла жизни. *Демонстративный суицид* не связан с желанием умереть, а является способом обратить внимание на свои проблемы,

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.

² См.: Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 379.

³ Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М., 2001; Schneidman E. Definition of Suicide. Jason Aronson Inc., 1994.

⁴ Гроллман Э. Суицид: превенция, интервенция, поственция // Суицидология: прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001. С. 270–352.

⁵ Амбрумова А.Г., Тихоненко В.А. Диагностика суицидального поведения. М., 1980; Кондрашенко В.Т. Девиантное поведение у подростков. Минск, 1988; Моховиков А.Н. Телефонное консультирование. М., 1999.

позвать на помощь, вести диалог. Это может быть и попытка своеобразного шантажа. Смертельный исход в данном случае является следствием роковой случайности. **Скрытый суицид** (косвенное самоубийство) – вид суицидального поведения, не отвечающий его признакам в строгом смысле, но имеющий ту же направленность и результат. Это действия, сопровождающиеся высокой вероятностью летального исхода. В большей степени это поведение нацелено на риск, на игру со смертью, чем на уход из жизни. Склонные к такому поведению люди выбирают не открытый уход из жизни «по собственному желанию», а так называемое **суицидально обусловленное поведение**. Это и рискованная езда на автомобиле, и занятия экстремальными видами спорта или опасным бизнесом, и добровольные поездки в горячие точки, и употребление сильных наркотиков, и самоизоляция.

Между суицидологами имеются разногласия и по вопросу о **причинах** суицида. Так, **З. Фрейд** трактовал явление самоубийства как следствие нарушение психосексуального развития личности. По мнению З. Фрейда и его школы, влечение к самоубийству у подростков развивается в связи с аутоэротизмом, удовлетворяемым онанистическими эксцессами, которые рассматриваются в то же время как унижительный акт, угрожающий тяжелыми последствиями, и отсюда возникают ущемленные комплексы и влечение к самоубийству. Заслуживает внимания статья З. Фрейда «Печаль и меланхолия» (1910)¹. Ее появление по времени совпадает со знаменитым заседанием Венского психоаналитического общества, на котором впервые обсуждалась проблема суицидального поведения. В своей работе З. Фрейд анализирует суицид на основании представлений о существовании в человеке двух основных влечений: Эроса – инстинкта жизни и Танатоса – инстинкта смерти. Континуум человеческой жизни является полем битвы между ними. По Фрейду, суицид и убийство являются проявлением разрушительного влияния Танатоса. Различие состоит в его направленности на себя или на других. Совершая аутоагрессивный поступок, человек убивает в себе интроецированный объект любви, к которому испытывает амбивалентные чувства. Господство Танатоса вместе с тем почти никогда не бывает абсолютным, что открывает возможность предотвращения самоубийства.

Последователь школы психоанализа, американский ученый **К. Меннингер** развил представления З. Фрейда о суициде, исследовав его глубинные мотивы. Он выделил три основные части суицидального поведения. По его мнению, для того чтобы совершить самоубийство, необходимо:

- 1) желание убить; суициденты, будучи в большинстве случаев инфантильными личностями, реагируют яростью на помехи или препятствия, стоящие на пути реализации их желаний;
- 2) желание быть убитым; если убийство является крайней формой агрессии, то суицид представляет собой высшую степень подчинения: человек не может

---

¹ Фрейд З. Печаль и меланхолия // Суицидология: прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001. С. 255–269.

выдержать укоров совести и страданий из-за нарушения моральных норм и потому видит искупление вины лишь в прекращении жизни;

- 3) желание умереть; оно является распространенным среди людей, склонных подвергать свою жизнь необоснованному риску, а также среди больных, считающих смерть единственным лекарством от телесных и душевных мучений.

Таким образом, если у человека возникают сразу три описанных К. Меннингером желания, суицид превращается в неотвратимую реальность, а их разнесение во времени обуславливает менее серьезные проявления аутоагрессивного поведения¹.

К.Г. Юнг, касаясь проблемы самоубийства, указывал на бессознательное стремление человека к духовному перерождению, которое может стать важной причиной смерти от собственных рук. Это стремление обусловлено актуализацией архетипов коллективного бессознательного, принимающего различные формы

- 1) метемпсихоза (переселения душ), когда жизнь человека продлевается чередой различных телесных воплощений;
- 2) перевоплощения, предполагающего сохранение непрерывности личности и новое рождение в человеческом теле;
- 3) воскрешения-восстановления человеческой жизни после смерти в состоянии нетленности, так называемого «тонкого тела»;
- 4) возрождения-восстановления в пределах индивидуальной жизни с превращением смертного существа в бессмертное;
- 5) переносного возрождения путем трансформации, происходящей не прямо, а вне личности².

Архетип возрождения несет в себе мыслеобраз о награде, ожидающей человека, находящегося в условиях невыносимого существования, и связан с архетипом матери, который влечет человека к метафорическому возвращению во чрево матери, где можно ощутить долгожданное чувство безопасности.

К. Хорни в русле психодинамического направления и эго-психологии полагала, что при нарушении взаимоотношений между людьми возникает невротический конфликт, порожденный так называемой базисной тревогой. Она появляется еще в детском возрасте из-за ощущения враждебности окружения. Кроме тревожности, в невротической ситуации человек чувствует одиночество, беспомощность, зависимость и враждебность. Эти признаки могут стать основой суицидального поведения (например, детская зависимость взрослого человека с глубоким чувством неполноценности и несоответствием образу идеального «Я» или стандартам, существующим в обществе). Враждебность при конфликте актуализирует, как считала К. Хорни, «разрушительные наклонности, направленные на самих себя»³. Они не

¹ Menninger K. Man Against Himself. New York, London, 1985.

² Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996; Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуализации. М., 1996.

³ Хорни К. Наши внутренние конфликты; Невроз и развитие личности // Хорни К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1997. Т. 3.

обязательно принимают форму побуждения к самоубийству, но могут проявляться в форме презрения, отвращения или глобального отрицания. Они усиливаются, если внешние трудности сочетаются с эгоцентрической установкой или иллюзиями человека. Тогда враждебность и презрение к себе и другим людям могут стать настолько сильными, что разрешить себе погибнуть становится привлекательным способом мести. В ряде случаев именно добровольная смерть представляется единственным способом утвердить свое «Я». Интересно, что покорность судьбе, при которой аутодеструктивность является преобладающей тенденцией, К. Хорни также рассматривала как латентную форму самоубийства.

Основоположник и классик логотерапии **В. Франкл** рассматривал самоубийство в ряду таких понятий, как смысл жизни и свобода человека, а также в связи с психологией смерти и умирания. Человек, которому свойственна осмысленность существования, свободен в отношении способа собственного бытия. Однако при этом в жизни он сталкивается с экзистенциальной ограниченностью на трех уровнях: терпит поражения, страдает и должен умереть. Поэтому задача человека состоит в том, чтобы, осознав ее, перенести неудачи и страдания. Этот опыт В. Франкл вынес из застенков концентрационных лагерей, где ежеминутно находился перед угрозой смерти, что делало само собой разумеющейся мысль о самоубийстве. Идея самоубийства, по В. Франклу, принципиально противоположна постулату, что жизнь при любых обстоятельствах полна смысла для каждого человека. Но само наличие идеи самоубийства – возможность выбрать самоубийство, принять радикальный вызов самому себе – отличает человеческий способ бытия от существования животных. В. Франкл относился к самоубийству с сожалением и настаивал, что ему нет законного, в том числе нравственного оправдания. Таким путем не искупить вину перед другими: только ошибающаяся совесть может приказать совершить самоубийство. Человеку следует повиноваться жизненным правилам: не пытаться выиграть любой ценой, но и не прекращать борьбы даже в условиях невыносимого существования. Самоубийство лишает человека возможности, пережив страдания, приобрести новый опыт и, следовательно, развиваться дальше. В случае суицида жизнь становится поражением. В конечном счете самоубийца не боится смерти – он боится жизни, считал В. Франкл¹.

Отечественные ученые (**А.Г. Амбрумова** и др.²) усматривают три основных фактора индивидуального суицидального акта:

- 1) более или менее длительное состояние социально-психологической дезадаптации как следствие неблагоприятных жизненных обстоятельств или же психических особенностей индивида;

---

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990; Франкл В. Доктор и душа. СПб., 1997; Франкл В. Психотерапия на практике. СПб., 1999. С. 41–47.

² Амбрумова А.Г., Бородин С.В., Михлин А.С. Предупреждение самоубийств. М., 1980.

- 2) широко понимаемый конфликт (семейный, учебный, трудовой, разрыв дружеских связей, утрата ближнего и т.п.), возникающий на фоне социально-психологической дезадаптации;
- 3) культурологическая «подсказка» – наличие в данной культуре представления о самоубийстве как «выходе» из тяжелой жизненной ситуации.

Как видим, большинство исследователей проблемы суицида выделяет многоплановые причины данного явления. Однако, по мнению ряда авторов¹, считать суицид мультипричинно обусловленным феноменом не совсем верно. Причина должна быть в принципе одна, а предрасполагающих факторов может быть много. Э. Шнейдман² в последних работах также подчеркивает важность одного психологического механизма, лежащего в основе суицидального поведения, – душевной боли (*psychache*), возникающей из-за фрустрации таких потребностей человека, как потребность в принадлежности, достижении, автономии, воспитании и понимании. Представляется, что *суицид* как крайняя форма аутодеструктивной деятельности **детерминирован теми же факторами** (подробно рассмотренными в главе 1), **что и деструктивная деятельность в целом**. Наличие значительного числа таких детерминант говорит о высоком риске аутодеструкции. Непосредственная же причина, приводящая к самоубийству, как правило, одна.

Большое влияние на аутодеструкцию оказывают социокультурные факторы, в частности **культурные нормы и образцы поведения**, о которых упоминалось в параграфе 1.2. Рассмотрим их влияние более подробно.

В ходе истории взгляды на сущность добровольного ухода из жизни, равно как и его моральная оценка (грех, преступление, норма, героизм) существенно изменялись в зависимости от соответствующего этапа развития общества и преобладавших социальных, идеологических и этнокультурных представлений. С глубокой древности отношение к суициду, его причины и технология тесным образом были связаны с тем, как то или иное общество, социальная группа или культура воспринимали понятие смерти. Это и определяло различия в отношении к акту аутоагрессии государства, священнослужителей, законоучителей, философов и простых людей.

В **первобытных культурах** на смерть смотрели двойственно. Для человека тех времен она могла быть плохой и хорошей. Плохая смерть обычно связывалась с самоубийством. Согласно анимистическим представлениям, самоубийцы после смерти превращаются в маленьких злых духов, способных наводить на живущих порчу. Эти взгляды дошли до нас в народных верованиях и преданиях ряда племен Африки, Азии и Южной Америки, находящихся на родоплеменном этапе развития. Шаманизм, в том числе и современный, также неодобрительно относится к суицидам. Например, буряты верят, что души

---

¹ Нечипоренко В.В., Лыткин В.М. К вопросу о взаимосвязи психической травмы и суицидальности // Первая научно-практическая конференция психиатров и наркологов Южного федерального округа (с международным и всероссийским участием): Материалы конференции (17–18 июня 2004 года, Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2004. С. 336.

² Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М., 2001.

покончивших с собой превращаются в мучителей своих родственников. Местом их обитания становится водная пучина, в которую они стараются заманить купальщиков¹.

В *традиционных обществах* самоубийство воспринимается как проявление силы воли человека, его самообладания. Кроме того, если человек утратил свой социальный статус, свою принадлежность к определенной группе, сведение счетов с жизнью может восприниматься им как единственный выход из сложившейся ситуации, ведь иначе его ожидает гражданская смерть. Религии, распространенные на Востоке, в большинстве своем не осуждают суицид. Например, в джайнизме самоубийство прославляется и считается последним и самым значительным подвигом в жизни человека². В Индии и Японии очень распространена такая форма аутодеструктивной деятельности, как *ритуальное самоубийство*. Как отмечают Л.З. Трегубов и Ю.Р. Вагин, оно требует почти полного *отсутствия свободы воли и подчинения* принятым в обществе жестким формам и *стереотипам поведения*, находящим свое полное и логическое завершение в *ритуализации жизни и смерти* (следует иметь в виду, что ритуализация конструирует в определенной мере социальную реальность). Такое самоубийство может существовать только в таком обществе, в котором ценность индивидуальной человеческой жизни практически сведена к нулю. В основе ритуального самоубийства лежат пассивность и подчинение, культурный конформизм, отречение от собственного «Я».³ Оно связано с определенными религиозными верованиями и совершается, когда общество считает, что человек не имеет права на дальнейшее существование и должен покончить с собой тем или иным (обычно строго регламентированным) способом.

Долгая история *Древней Индии* оставила различные свидетельства, касающиеся самоубийств. Конечной целью почти всех ее религиозно-философских систем было освобождение от «цепи рождений» и слияние с миром Брахмы – последней основы мироздания. Самоубийство в Индии считалось не правом человека, а предоставленной ему привилегией. Именно таким способом человек мог прервать вечный цикл перерождений, так как душа самоубийцы уже не могла вернуться на землю⁴. Наиболее почетной считалась *медленная смерть*, например смерть от голода. Еще один способ заключался в том, что человек ложился на медленно тлеющий костер из коровьего навоза или же просил подвесить его вниз головой над ним. Подобная методика самоубийств рекомендовалась в религиозных текстах, составленных в период между XII и XVIII веками⁵. Распространенным видом самоубийства была также смерть от изнеможения. Человек отправлялся в Гималаи и взбирался по

---

¹ Моховиков А.Н. Введение к историко-философскому разделу // Суицидология: прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001. С. 10.

² Культура древней Индии / Сост. и отв. ред. А.В. Герасимов. М., 1975. С. 118, 126.

³ Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р. Эстетика самоубийства. Пермь, 1993. С. 198.

⁴ Каневский Л. Каннибализм. М., 1998. С. 309.

⁵ Там же. С. 311.

склонам гор до тех пор, пока силы не оставляли его и он не падал замертво. Некоторые предпочитали умереть, зарывшись там в снег¹. Ритуальные самоубийства совершали не только простые, но и великие люди. В период существования империи Гуптов появилась поэма, описывающая гибель царя Аджи, который добровольно утонул в том месте, где сливаются священные индийские реки Ганг и Сарайяк, после чего сразу вознесся на небо. Царь Кумарагупта, более поздний правитель Гуптов, взошел в 554 г. на мучительный костер из коровьего навоза. Сын правителя Пенджаба Анандапала в 1065 г. бросился в костер после поражения в бою. В полном соответствии с традицией великий индийский философ VIII в. Кумарила добровольно сгорел на костре, а ученый и государственный деятель Хемакандра уморил себя голодом в 1172 г. Имели место и *массовые самоубийства*. Так, в 1516 г., после смерти царя Нарсинга, 500 подданных бросились в костер. О другом массовом самоубийстве сохранились сведения, высеченные на каменном столбе в Халебиде, штат Майсур, на юге Индии. Он был поставлен в честь генерала Кувары, после гибели которого 1 000 преданных ему воинов покончили с собой. На этом столбе изображены люди, которые мечом отрубают себе руки, ноги и даже голову².

Наиболее известным видом ритуальных самоубийств, распространенных в Индии, можно считать *сати* – самосожжение вдовы брамина вместе с телом мужа³. Само слово «сати» в переводе с древнеиндийского означает буквально «сущая». Так звали в древнеиндийской мифологии дочь Дакши и первую жену Шивы, которая, чтобы оправдать своего униженного супруга, бросилась в жертвенный огонь и сожгла себя в его честь⁴. Точно определить происхождение этого обряда невозможно. Ритуальная литература, начиная со времен «Ригведы», свидетельствует не в пользу сожжения вдов. В древности, до эпохи сутр, был распространен обычай, согласно которому вдова должна лечь на погребальный костер со своим мужем, однако сжигать ее не требовалось. В «Баудхаянапитримедхасутре» (I, 8, 3–5), говорится, что жена должна была ложиться с левой стороны от тела. Ашвалаяна рекомендует, чтобы она ложилась у головы с северной стороны. Во время церемонии возглавляющий похоронную процессию или тот, кто должен был зажечь костер, обращался к покойному со словами: «О смертный, эта женщина (твоя жена), желающая соединиться с тобой в том мире, лежит возле тела. Она уже выполнила долг верной жены. Дай ей разрешение остаться в этом мире и оставь свое имущество потомкам». Затем младший брат покойного, его ученик или раб подходил к костру, брал левую руку женщины и просил ее уйти: «Встань женщина, ты лежишь рядом с безжизненным, иди в мир живых от мужа и стань женой того, кто берет твою руку и желает жениться на тебе». Стихи, читаемые в связи с этим обычаем, впервые встречаются в похоронных гимнах «Ригведы» (X, 18, 8–9) и «Атхарваеды» (XVIII, 3, 1–2). Иногда с покойным сжигали или погребали

¹ Там же. С. 311.

² Там же. С. 311–312.

³ Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р. Указ. соч. С. 196–197.

⁴ Там же. С. 200–202.

рабов или даже жену. «Атхарваведа» называет это древним обычаем (XVIII, 3, 1). Однако этот обычай самосожжения вдовы не соблюдался во времена «Ригведы», хотя и сохранялось формальное требование, чтобы она ложилась на погребальный костер. Паддхати и прайоги, трактующие о похоронных церемониях, вообще отменяют этот обряд, даже не требуя от вдовы присутствия на месте кремации. Но обычай сати никогда полностью не исчезал¹. Возможно, массовое распространение обряд сати получил в связи с вторжением в Индию (начиная с 712 г.) мусульманских завоевателей и массовыми надругательствами, чинимыми над индийскими женщинами. Со времен средневековья сати становится достаточно распространенным. Церемония самосожжения строго регламентируется². С этого времени у вдов практически не оставалось выбора, и если они не совершали сати, их ожидала полная гражданская смерть. Сразу после сожжения трупа мужа вдове брили голову. Ей не позволяли носить украшения. Всю оставшуюся жизнь она должна была ходить с ног до головы в белом, если она осталась вдовой до 25 лет, или же в красном, если она старше. Такой женщине предписывалось есть, спать и работать отдельно; соприкосновение с ней считалось нечистым в течение 7 лет. До сих пор в Индии встреча с вдовой считается самой дурной приметой³.

Многие формы ритуального самоубийства существовали в Индии до XIX в., а некоторые совершаются и в настоящее время. Так, Г.Т. Колбрук сообщает, что в начале XIX в. наблюдал церемонию Джагганата (или Джаггернаут), проводившуюся ежегодно в Пури в честь бога Вишну, во время которой люди бросались и гибли под колесами громадной колесницы, на которой доставляли изваяние бога Джагганаты⁴. Обычай сати достаточно распространен в Индии и в наши дни. Хотя в декабре 1987 г. индийский парламент принял закон, запрещающий самосожжение вдов, действительного значения он не имеет. Ежегодно полиция регистрирует десятки тысяч погребальных костров с женщинами. Причем в протоколах самосожжение вдовы одновременно с телом мужа записывают как обычную «саха-марана» («смерть вдвоем»)⁵.

В японской культуре самоубийство носит *ритуальный характер* и окружено *ореолом святости*. Это определяется религиозными традициями синтоизма и национальными обычаями, регламентировавшими ситуации, в которых суициду не было альтернативы. С давних времен японское общество отличалось жесткой иерархией, которую венчал император, воплощение и прямой наследник богини Солнца. Каждое царствование было эпохой, смерть императора или феодала означала, что жизнь многих поданных тоже закончилась. Подданные питали к ним глубокое уважение и рассчитывали поддерживать с ними вечные отношения. Военское сословие самураев имело особый кодекс – *бусидо* (букв. «путь воина»). Основными ценностями у

¹ Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды. М., 1982. С. 201.

² См.: Каневский Л. Указ. соч. С. 323–324.

³ Трегубов Л.З., Вагин Ю.Р. Указ. соч. С. 210.

⁴ Каневский Л. Указ. соч. С. 314.

⁵ Интересная газета. 1997. № 11. С. 78.

самураев считаются честь, доблесть, преданность господину и презрение к жизни. Нитобэ Иназо указывает, что бусидо сформировалось под влиянием буддизма, синтоизма, а также учений Конфуция и Мэн-цзы¹. В.А. Пронников и И.Д. Ладанов отмечают, что под влиянием буддизма в бусидо сформировалось равнодушие к смерти, а конфуцианство закрепило в кодексе верность долгу². Отражение основных идей бусидо мы находим в книгах «*Будосесинсю*» и «*Хагакурэ*»³. Красной нитью через них проходит идея смерти: «Самурай должен прежде всего постоянно помнить, ... что он должен умереть»⁴; «Путь Самурая – это смерть. В ситуации «или-или» без колебаний выбирай смерть. Это нетрудно. Исполнишь решимости и действуй»⁵.

Для самураев самоубийство по определенному ритуалу было безальтернативным, если следовало искупить вину или выразить протест против несправедливости для сохранения чести. Оно совершалось двумя особыми методами: *харакири*, которое сами японцы чаще называют *сэппуку*, или *откусыванием собственного языка*. В дословном переводе *харакири* означает «резать живот» (от «хара» – живот и «киру» – резать). Однако слово «харакири» имеет и скрытый смысл. Если рассмотреть входящее в бинго «харакири» понятие «хара», то можно увидеть, что ему в японском языке соответствуют слова «живот», «душа», «намерения», «тайные мысли»⁶ с тем же написанием иероглифа⁷. Согласно философии буддизма, в частности учению секты «дзэн», в качестве основного, центрального жизненного пункта человека и, тем самым, места пребывания жизни рассматривается не сердце, а брюшная полость. На основе этого японцы выдвинули тезис, согласно которому жизненные силы, расположенные в животе и занимающие как бы срединное положение по отношению ко всему телу, способствуют более уравновешенному и гармоничному развитию азиата, чем европейца, основным жизненным центром которого является сердце⁸.

Самоубийства путем харакири получили широкое распространение у самураев в конце XII в. во время борьбы за власть двух могущественных родов того времени – Тайра и Минамото. С этого времени число случаев харакири постоянно растет⁹. Самураи чаще всего делали себе сэппуку, не желая сдаваться в плен, а также в случаях смерти господина, оскорбления их чести, совершения недостойного поступка, позорящего, в соответствии с нормами бусидо, имя воина. В более позднее время – в период Эдо (1603–1867), когда обряд сформировался окончательно, – харакири совершалось по приговору

¹ Nitobe Inazo. Bushido. The Soul of Japan. Tokyo, 1907.

² Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы (этнопсихологические очерки). М., 1985. С. 131.

³ Книга самурая. Юдзан Дайдодзи. Будосесинсю. Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. Юкио Мисима. Хагакурэ Ньюмон. СПб., 1998.

⁴ Дайдодзи Ю. Будосесинсю // Книга самурая. СПб., 1998. С. 14.

⁵ Цунэтомо Я. Хагакурэ Ньюмон // Книга самурая. СПб., 1998. С. 75.

⁶ Большой японско-русский словарь. М., 1970. Т. 2. С. 441.

⁷ Спешаковский А.Б. Самурай – военное сословие Японии. М., 1981. С. 39.

⁸ Filla M. Grundlagen und Wesen der altjapanischen Sportkunte. H. 1. Wurzburg – Aumuhle, 1939. P. 18.

⁹ Литература Китая и Японии. М.-Л., 1935. С. 252, 255.

суда как наказание за совершенное преступление¹. Массовый характер харакири приобретало в период междоусобных войн. В основном буси прибегали к самоубийству, чтобы не попасть в руки врагов при поражении войск своего господина². Одним из наиболее известных примеров совершения харакири воином при поражении является сэппуку Масасигэ Кусуноки. Проиграв сражение, Масасигэ и 60 его преданных друзей совершили обряд харакири. Этот случай считался самураями одним из самых благородных примеров преданности долгу в японской истории³. Другим поводом для сэппуку служило стремление предупредить угрожающее со стороны феодала или правительства сёгуна наказание за какой-либо недостойный чести самурая поступок, оплошность или невыполнение приказаний. В этом случае харакири совершалось по собственному усмотрению или по решению родственников⁴. Производилось харакири также в знак пассивного протеста против какой-либо вопиющей несправедливости для сохранения чести самурая (например, при невозможности совершения кровной мести), в виде жертвы во имя идеи или при лишении возможности применения своих профессиональных навыков воина в составе дружины феодала (скажем, при утере вассалитета)⁵. Таким образом, харакири считалось универсальным выходом из любого затруднительного положения.

Часто самураи совершали харакири по самым незначительным поводам. М. Хан описал случай сэппуку двух самураев из окружения императорской семьи, когда оба самурая сделали себе харакири после короткого спора из-за того, что их мечи случайно задели друг друга, когда буси проходили по дворцовой лестнице⁶. Подобная легкость лишения себя жизни была обусловлена полнейшим пренебрежением к ней, выработанным при помощи дзэнского учения, а также наличием в среде буси культа смерти, создававшего вокруг прибегнувшего к сэппуку ореол мужественности и делавшего его имя знаменитым не только среди оставшихся жить, но и в будущих поколениях⁷.

Для жен и дочерей воинов самоубийство также не являлось чем-то особенным, однако женщины разрезали себе не живот, а горло или наносили смертельный удар кинжалом в сердце. Самоубийство посредством перерезания горла (*дзигай*) исполнялось женами самураев специальным кинжалом (кайкэн) – свадебным подарком мужа или коротким мечом, вручаемым каждой дочери самурая во время совершеннолетия. Важнейшими побуждениями к совершению самоубийства женами самураев были обычно смерть мужа, оскорбление самолюбия или нарушение данного мужем слова⁸.

---

¹ Спеваковский А.Б. Указ. соч. С. 39, 48.

² Там же. С. 48–49.

³ Богданович Т. Очерки из прошлого и настоящего Японии. СПб., 1905. С. 117.

⁴ Троицкий С.Х. Современная Япония. СПб., 1904. С. 147.

⁵ Спеваковский А.Б. Указ. соч. С. 49.

⁶ Хан М. О племенах земного шара. Ч. 1. СПб., 1863. С. 175.

⁷ Спеваковский А.Б. Указ. соч. С. 49-50.

⁸ Там же. С. 54.

Как видим, самураи считали харакири своей привилегией, они гордились тем, что могут совершенно свободно распоряжаться своей жизнью, подчеркивая совершением обряда силу духа и самообладание, презрение к смерти. Анализируя самурайскую этику, Ю. Мисима отмечает, что, по мнению японцев, пасть на поле битвы и совершить ритуальное самоубийство – в равной мере достойно¹. Если самурай боится или избегает смерти, то, по мнению японцев, он перестает быть самураем². Ю. Мисима, кстати, сам совершивший харакири в 1970 г., пишет, что формула «Смерть – это свобода» идеально подходит для самурая³.

Романтическое отношение к самоубийству, уважение к харакири, сложившееся у японцев в период средневековья, сохранились и в XX веке. В современную эпоху, отмечает американский культурантрополог Р. Бенедикт, «бывший в феодальные времена последним свидетельством храбрости и решительности человека, акт самоубийства стал выбираемым им самим путем самоуничтожения»⁴. Особенно настойчиво дух самоуничтожения культивировался во время Второй мировой войны, когда японским командованием были созданы многочисленные *отряды смертников* (*тэйсинтай*) разного назначения, например саперов или матросов, управляющих торпедами (*нингэн – гёрай*). В конце войны использовались особые снаряды, управляемые находящимися в них людьми (*нингэн – бакудан*, а также части особого назначения, состоящие из пилотов-самоубийц *камикадзэ – токкотайин*⁵. Ударный корпус камикадзэ был создан в октябре 1944 г. по приказу командующего первым воздушным флотом вице-адмиралом Ониси⁶. Впервые тактика воздушных атак, с использованием камикадзэ была применена в сражении за залив Лейте на Филиппинских островах. Один офицер штаба части, осуществлявшей первые налеты камикадзэ, так объяснял мотивы, которыми руководствовались летчики-смертники: «Наши чувства можно было выразить следующим образом: мы должны отдать свою жизнь за императора и отечество. Это наше врожденное чувство. Я боюсь, что вы этого не поймете или назовете безрассудством. Мы, японцы, строим нашу жизнь на покорности императору и верности отечеству. С другой стороны, после смерти мы хотим лучшего места в потустороннем мире, как того требует Бусидо. Камикадзэ является для нас воплощением этих чувств»⁷. За время войны погибло около 5 000 камикадзэ⁸.

В послевоенной Японии самоубийства также достаточно распространены. Например, в 1961 г. в Японии зарегистрировано 18 216 самоубийств, что

¹ Мисима Ю. Указ. соч. С. 259.

² Там же. С. 243.

³ Там же. С. 259.

⁴ Benedict R. Op. cit. P. 167-168.

⁵ Спеваковский А.Б. Указ. соч. С. 134-135.

⁶ Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 гг. М., 1973. С. 479.

⁷ Николс У., Шоу Г. Захват Окинавы. М., 1959.

⁸ Спеваковский А.Б. Указ. соч. С. 135.

составляет 20% всех умерших¹. В отличие от других стран, в Японии часто совершаются групповые самоубийства. Так, в середине 50-х годов XX века там регистрировалось более 1 200 таких случаев ежегодно. Часто происходит *дзёси* – романтическое самоубийство влюбленных.

Суицид в Японии *романтизируется*, что находит свое отражение в произведениях искусства, в литературе. В.А. Пронников и И.Д. Ладанов пишут, что в XIX веке в Японии смерть от собственной руки стала цениться значительно выше, чем смерть в бою. Самоубийство рассматривали как проявление высшего героизма, демонстрацию силы и самообладания. Такое отношение к жизни и смерти ярко показано в классическом японском эпосе. Так, в «Повести о Великом мире» описывается 2 640 случаев самоубийств². Самоубийство для японца не признак поражения, как принято считать на Западе, а окончательное волеизъявление человека, которое призвано защитить его честь³. Японцы – это люди, которые в основе своей повседневной жизни всегда осознают смерть. По их мнению, человек поступает свободно тогда, когда делает добровольный выбор в пользу смерти⁴. Ю. Мисима указывает, что японский идеал смерти ясен и прост, и в этом смысле он отличается от отвратительной, ужасной смерти, какой она видится людям Запада. Средневековое европейское изображение смерти – Отец Время, который держит в руках косу. Такие образы никогда не привлекали японцев. Ю. Мисима пишет: «Японское искусство обогащает не жестокая и дикая смерть, а скорее смерть, из-под ужасающей маски которой бьет ключ чистой воды. Этот ключ дает начало многим ручейкам, которые несут свою чистую воду в наш мир»⁵.

Как видим, в ряде восточных обществ, в частности в Индии и Японии, аутодеструкция, в том числе в ее крайней форме, достаточно распространена именно потому, что одобряема обществом и воспринимается как норма. Суицид там романтизируется и воспринимается как проявление силы воли человека, его самообладания.

В других культурах отношение к самоубийству совершенно иное. В *исламе* самоубийство было тяжелейшим из грехов и решительно *запрещалось* Кораном. Правоверные мусульмане верят, что кысмет, то есть судьба, предначертанная Аллахом, будет определять всю их жизнь, и они обязаны терпеливо сносить все удары судьбы как ниспосланные свыше испытания в этой жизни. Тем не менее такие установки далеко не всегда определяли реальное поведение правоверных мусульман, по крайней мере некоторых, вполне поощрявших героические самоубийства во имя отечества и Аллаха.

---

¹ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы (этнопсихологические очерки). М., 1985. С. 139.

² Там же. С. 134.

³ Мисима Ю. Хагакурэ Ньюмон. Самурайская этика в современной Японии // Книга самурая. СПб., 1998. С. 259.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Там же. С. 303.

Однако и сегодня мусульманские страны характеризуются самым низким числом самоубийств на душу населения в мире¹.

Древние иудеи относились к самоубийству *отрицательно*. Они верили, что Бог дал каждому свободу принимать решения и следовать им. Если человек верит, что Бог господствует над землей и принимает эти отношения, то он становится свободным от желания самодеструкции. Иудаизм относился к жизни творчески, как к непреходящей ценности. Человек в этом смысле был не соперником Богу, а, скорее, равноправным партнером в продолжающейся работе творения. В этом контексте самоубийство выглядит как помеха, отвержение возможности творческого созидания жизни. Оно было категорически запрещено Торой. Это определялось уже первыми строками книги Бытия, утверждавшими, что жизнь хороша, ее следует ценить, никогда не отчаиваться, ибо за всем, что бы ни происходило, стоит Бог. Маленький кочевой народ, каким были древние иудеи, неоднократно в своей истории подвергавшийся нападениям неприятелей, не мог позволить себе роскошь лишиться хотя бы одного мужчины, поскольку в чрезвычайных обстоятельствах это грозило исчезновением рода. В священных книгах Торы описаны лишь единичные случаи самоубийства, например Самсона, принуждавшегося к идолопоклонству филистимлянами, царя Саула и его оруженосца при угрозе пленения врагом, Ахитофеля, предавшего своего повелителя, царя Давида. Даже в проникнутых экзистенциальным пессимизмом книгах Иова и Екклесиаста видна глубокая привязанность к жизни. Иов, например, по всем современным критериям является человеком с очень серьезным суицидальным риском. Он страдает одновременно от множества потерь (детей, общественного положения, материального благополучия) и от неразделенных чувств. Его жена советует ему покончить с собой. Он переживает одиночество, гнев, тревогу, унижение, страдание от физической боли и депрессию. Жизнь отвергла его, и он ощущает привлекательность смерти, утратив надежду на изменения в будущем. И, наконец, он живет жизнью, не имеющей смысла. Что же остановило его? Экзистенциальное объяснение этому уже приводилось. Но есть и психологическое, основанное на традициях Торы: Иова не до конца оставило желание продолжать поиски понимания смысла жизни, что возвратило ему надежду².

В Талмуде попытка самоубийства рассматривалась как преступление, подлежащее суду и наказанию. Еврейское право требовало, чтобы самоубийц хоронили за кладбищенской оградой и обычных поминальных молитв по ним не читали³. Однако допускалось, что преступник-жертва мог действовать в состоянии умоисступления и потому больше нуждается в жалости и сострадании, чем в преследовании по закону. Кроме того, из этого правила допускались исключения, например при принуждении к идолопоклонству,

¹ Моховиков А.Н. Введение к историко-философскому разделу // Суицидология: прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001. С. 16.

² Там же. С. 13–14.

³ Телушкин И. Еврейская мудрость. Ростов-на-Дону, 2001. С. 247.

инцесту или убийству. К той же исторической эпохе относятся случаи массовых самоубийств среди иудеев (73 г. н.э.) перед лицом угрозы обращения в другую веру: защитники крепостей Масада и Йотапата предпочли смерть сдаче римлянам¹. Через тысячу лет (1190) аналогично поступила иудейская община в Йорке, которой грозило насильственное крещение².

В Европе отношение к самоубийствам менялось на протяжении истории. *Греко-римская культура* относилась к аутодеструкции неоднозначно. Ряд древнегреческих мыслителей считали самоубийство возможным и видели в нем проявление человеческой свободы, другие осуждали его. В понимании *пифагорейцев* суицид был мятежом против установленной богами почти математической дисциплины окружающего мира, внесением в него диссонанса и нарушением симметрии. *Аристотель* считал, что смерть приходит в положенный час и ее следует приветствовать, самоубийство – проявление трусости и малодушия, даже если оно спасает от бедности, безответной любви, телесного или душевного недуга. Он утверждал в «Никомаховой этике», что, убивая себя, человек преступает закон и поэтому виновен перед собой как афинский гражданин и перед государством, оскверненным пролитой кровью. Не случайно в Афинах существовал обычай отрубать и хоронить отдельно руку самоубийцы³. Терпимое отношение к суициду содержится во взглядах *Сократа* на философию как «приготовление к смерти». В диалоге «Федон» неоднократно говорится о предпочтительности смерти перед жизнью. От этих умозаключений, казалось бы, один шаг к вопросу: «Так почему же в таком случае не самоубийство?» Но, спохватываясь, Сократ накладывает на него вето: оно недопустимо, ибо жизнь человека зависит от богов: «Не по своей воле пришел ты в этот мир и не вправе устраниться от собственного жребия». Однако он все же оставляет лазейку: добровольная смерть может быть позволительной, если необходимость ее указана всевидящими богами. Существенно, что Сократ устанавливает ассоциативную связь между бессмертием души и добровольной смертью. *Платон* также полагал, что разум дается человеку для того, чтобы иметь мужество переносить жизнь, полную горестей и страданий⁴.

В императорском Риме под влиянием философии стоицизма возникло патетическое отношение к смерти. В «Анналах» (15.60–64) *Тацит* весьма подробно описывает обстоятельства самоубийства Сенеки и его жены. Рассказывая о насильственной смерти одного римлянина по имени Азиатик во время правления императора Клавдия («Анналы», 11.3), Тацит говорит, что свобода состояла только в выборе способа своей смерти. Для *Цицерона* суицид не являлся большим злом. Цель жизни состоит в том, чтобы жить и любить себя в соответствии с природой: самоубийство для мудреца, желающего быть верным ей до конца, могло быть вполне полезным. Стоики не верили в любящее, заботящееся божество и были далеки от того, чтобы признавать

¹ Там же. С. 249.

² Моховиков А.Н. Указ. соч. С. 14.

³ Там же. С. 11.

⁴ Платон. Сочинения. В 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 11–94; Т. 3 (1). С. 288; Т. 3 (2). С. 363.

ценностью преходящий человеческий успех. Они ценили неограниченное проявление свободы, которое предусматривало и право выбора одного из многих вариантов ухода из жизни. Смерть описывалась стоиками как акт освобождения, в котором, например, *Плиний Младший* усматривал превосходство человека над богами¹. Тема самоубийства была одной из основных в «Письмах» – последнем, итоговом произведении мыслителя-стоика *Луция Аннея Сенеки*. В качестве наставника он обращался к Луцилию, одному из своих учеников, страстно желавшему стать настоящим философом. Смерть, по мнению Сенеки, должна быть хорошей, то есть лишенной страсти и эмоций. Для него основным критерием являлась этическая ценность жизни: «Раньше ты умрешь или позже – неважно, хорошо или плохо, – вот что важно. А хорошо умереть – значит избежать опасности жить дурно»². Цицерон, Сенека и знаменитый автор «Сатирикона» Петроний Арбитр свои философские взгляды претворили в жизнь. Видимо, во времена Тиберия, Калигулы и Нерона, дома Клавдиев, «ненавистного богам и людям», подобное отношение к саморазрушению не было лишено оснований.

В *христианстве* четкое отношение к суициду сформировалось не сразу. В Евангелии о нем сказано лишь косвенно при упоминании о смерти Иуды Искарота. Более определенно в Библии высказывается апостол Павел: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий?.. Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог, ибо храм Божий свят, а этот храм – вы» (1 Кор. 3:16,17). Первым из Отцов Церкви самоубийство осудил в IV веке Блаженный Августин, таким образом отреагировав на эпидемический рост случаев добровольных смертей и неистового мученичества среди фанатических последователей христианских сект. Он считал суицид поступком, который заранее исключает возможность покаяния и является формой убийства, нарушающей заповедь «Не убий». Его следует считать злом при всех обстоятельствах, за исключением ситуаций, когда от Бога поступает прямая команда (как это было в библейской истории с Самсоном)³.

Жесткие установки христианства, закрепленные на Западе постановлением Тридентского собора (1568), официально признавшего на основании заповеди «Не убий» суицид убийством, почти на полтора тысячелетия сформировали соответствующие законодательные меры в большинстве государств Европы и определили доминирующее отношение общества к самоубийцам. Сегодня большинство христианских конфессий, хотя и не отходит от твердого этического кодекса по отношению к суицидам, но на практике стремится проявлять толерантность и учитывать глубинные психологические причины и социальные факторы самоубийств. Протестантский теолог Дитрих Бонгеффер, расстрелянный нацистами в тюрьме, осуждал суицид как грех, совершая который, человек отрицает Бога. И все же он не распространял это на военнопленных, жертв холокоста или

¹ Моховиков А.Н. Указ. соч. С. 12.

² Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии. М., 1986. С. 130.

³ Моховиков А.Н. Указ. соч. С. 17.

концентрационных лагерей¹. Сегодня в христианских государствах наблюдается либерализация общественного отношения к самоубийствам. Все более серьезно обсуждается возможность эвтаназии – добровольного ухода из жизни при помощи врача. В 2002 г. в Голландии (впервые в истории человечества) принят закон, регулирующий эвтаназию².

В *Древней Руси* до принятия христианства, как свидетельствует Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского», «славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением Христианской Веры, введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств»³. Позднее умерших не по-христиански (то есть посредством самоубийства) хоронили по давнему языческому обычаю отдельно от остальных, под домашним порогом, нередко пробив грудь самоубийцы осиновым колом, что являлось защитой от нечистой силы.

В русской истории известны и случаи коллективных самоубийств еретиков и раскольников по религиозным мотивам. Например, в конце XVII – начале XVIII века под влиянием знаменитого «Отрицательного писания инок Ефросина» произошло около 40 следовавших одно за другим массовых самосожжений («гарей») и самоутоплений, в которых погибло до 20 тысяч старообрядцев. Отдельными эпизодами это повторялось и в XIX веке. Например, известно коллективное самоубийство в Терновских хуторах, когда во избежание наложения «антихристовой печати» (проведения всероссийской переписи) более 20 человек, большей частью старообрядцев, покончило с собой, живьем закопав себя в землю⁴.

В целом же самоубийство в России осуждалось не только моралью, но и долгое время запрещалось законом. До 1917 г. уголовное законодательство России рассматривало покушение на свою жизнь как преступление. Согласно Военному уставу Петра I (1716), «мертвое тело» самоубийцы следовало, «привязав к лошади, волоча по улицам, за ноги повесить, дабы, смотря на то, другие такого беззакония над собою чинить не отважились»⁵.

Итак, существенное влияние на аутодеструкцию оказывают социокультурные детерминанты, в частности **культурные нормы и образцы поведения**. Если в обществе суицид не осуждается, подобный способ ухода из жизни случается там гораздо чаще, чем в обществах, где отношение к суициду резко отрицательное. Например, в 1997 г. в Японии было совершено

---

¹ Там же. С. 19.

² Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М., 2003. С. 148–149.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского: В 4 т. М., 1989. Т. 1. С. 65.

⁴ Моховиков А.Н. указ. соч. С. 25.

⁵ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 380.

19,5 самоубийств на 100 тыс. населения, тогда как в Израиле – 8,7¹. Хотя, безусловно, даже строжайшие запреты не способны полностью предотвратить совершение аутодеструктивных действий. Еще одним важным, но малоизученным фактором, детерминирующим суицидальные действия, является *влияние субкультуры*. Так, в ответ на сообщения в СМИ в 1999 г. о самоубийстве Игоря Сорина, лидера молодежной поп-группы «Иванушки интернешнл», несколько девочек-подростков последовали примеру своего кумира², и такие случаи не являются редкостью.

Самоубийство – *извечная тема литературы и искусства* и один из важных предметов *философских размышлений*. По А. Камю, «в философии существует лишь одна по-настоящему важная проблема – это проблема суицида. Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить, или она вовсе того не стоит? – ответив на этот вопрос, мы решим глобальную проблему философии»³. Мыслители отвечали на это вопрос по-разному. Так, английский философ *Дэвид Юм* полагал, что вопрос о самоубийстве нисколько не противоречит промыслу Божьему. Его закон проявляется не в отдельных событиях, а только в общей гармонии. Все события производятся силами, дарованными Богом, а потому и всякое событие одинаково важно в беспредельной вечности. Добровольно прекращающий свою жизнь человек вовсе не действует против воли Божьей, его промысла и не нарушает мировой гармонии. После нашей смерти элементы, из которых мы состоим, продолжают служить мировому прогрессу⁴. *Иммануил Кант* заявлял, что самоубийство является оскорблением человечества. Очевидно, проблема суицида досадным образом нарушала логическую и эстетическую целесообразность в природе и человеке. Кант оправдывал абсолютный моральный запрет на самоубийство ввиду присущего этому акту внутреннего противоречия: мы не можем предпринимать попытки улучшить свою участь путем полного саморазрушения; самоубийство – это эгоистический акт, поэтому оно парадоксально и на основании логики является актом поражения. Функцией чувства любви к самому себе является продолжение жизни, и она входит в противоречие с собой, если приводит к самоуничтожению.

Иначе рассуждал *Артур Шопенгауэр*. Есть все основания предполагать, что тяжелая инвалидность его отца, в конце концов приведшая к смерти, была следствием его попытки добровольного ухода из жизни и, разумеется, семейным «скелетом в шкафу». А драматические перипетии собственной личной истории сделали одиночество для философа естественным состоянием и породили отношение к жизни, в которой невозможно счастье и торжествует зло и бессмыслица («...история каждой жизни – это история страданий, ибо жизненный путь каждого обыкновенно представляет собой сплошной ряд

---

¹ Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Э.Г. Круга и др. М., 2003. С. 192.

² Змановская Е.В. Указ. соч. С. 147.

³ Камю А. Миф о Сизифе. Бунтарь. Минск, 1998. С. 15–16.

⁴ Моховиков А.Н. Указ. соч. С. 20.

крупных и мелких невзгод»¹). Если отрицается «воля к жизни», то возникает экзистенциальная вина, которая, усугубляясь, ведет к различным степеням самоотрицания человеческой самости вплоть до самой кардинальной. Но в то же время только в самом человеке, в бездне его жизненного неблагополучия и неизбывных страданий берут начало надежда и сочувствие.

Поводом для размышлений **Ф.М. Достоевского** над проблемой самоубийства в «Дневнике писателя» за 1876 год послужило самоубийство в декабре 1875 года во Флоренции 17-летней Елизаветы Герцен, дочери А.И. Герцена и Н.А. Тучковой-Огаревой, покончившей с собой из-за неразделенной любви к 44-летнему французскому этнографу-социологу Шарлю Летурно. Это чувство резко обострило и без того напряженные внутрисемейные отношения и породило гиперболизированно трагическое восприятие у нервной и впечатлительной девушки. Ее «аристократически-развратному» уходу из жизни, который возмутил писателя, он противопоставляет «нравственно-простонародное» – кроткое, смиренное самоубийство швеи, выбросившейся из окна с иконой (позже она послужила писателю прототипом главной героини повести «Кроткая»). Кроме того, он моделирует внутренний монолог «самоубийцы от скуки», «идейного самоубийцы», разочаровавшегося в мироздании.

Важное место проблема суицида занимает в философии **экзистенциализма**. Основным предметом философской рефлексии становится абсурд существования – «состояние души, когда пустота становится красноречивой, когда рвется цепь каждодневных действий и сердце впустую ищет утерянное звено»², а единственной по-настоящему достойной внимания философской проблемой оказывается проблема самоубийства. **К. Ясперс** изучал проблему самоубийства профессионально сначала как психиатр, а затем как экзистенциальный философ. К 30 годам он написал «Общую психопатологию» (1913), ставшую энциклопедией психиатрической мысли и определившую на многие десятилетия магистральные пути ее развития в современном мире. В ней он утверждает, что большинство самоубийств совершается не душевнобольными, а аномально предрасположенными лицами (психопатами)³.

Психологический этюд **Н.А. Бердяева** «О самоубийстве»⁴ написан философом в 1931 году за границей. Это реакция человека, мыслителя и христианина на участившиеся случаи суицидов в среде русской эмиграции, прежде всего молодежи. Настроения русских эмигрантов, правда, более поздние, ярко выражены в стихотворении Ивана Елагина:

*Топчемся, чужую грязь меся.
Тошно под луною человеку.
Отвязаться бы от всех и вся!
С темного моста да прямо в реку!*

¹ Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 308.

² Камю А. Миф о Сизифе // Сумерки богов. М., 1989. С. 229.

³ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.

⁴ Бердяев Н. О самоубийстве. М., 1992.

*Гибнет осень от кровопотерь.
Улица пустынна и безлиства.
И не все ли мне равно теперь –
Грех или не грех самоубийства,*

*Если жизнь тут больше не при чем,
Если все равно себя разрушу,
Если все равно параличом
Мне уже давно разбило душу¹.*

Н.А. Бердяев, будучи непримиримым противником самоубийства, считал, что его порождает бессмысленное и бесцельное страдание и безнадежность. Страдание может получить смысл только в религиозном отношении к жизни, которое дает человеку духовную силу.

Итак, обратившись к работам философов, можно найти как оправдание самоубийства, так и его категорическое неприятие.

В настоящее время суицид остается достаточно актуальной проблемой. Так, в 2000 г. во всем мире примерно 815 000 человек покончило с собой. Это дает ежегодный уровень смертности по всему миру около 14,5 случаев на 100 000 человек, или одно самоубийство каждые 40 секунд. Самоубийство является 13-й по счету причиной смерти во всем мире, а среди тех, кому от 15 до 44 лет, нанесение себе повреждений – четвертая по значимости причина смерти и шестая – плохого здоровья и потери трудоспособности². Уровень самоубийств в обществе является относительным, но достаточно объективным критерием его социально-психологического благополучия. На сегодняшний день в мире принят критерий 25 завершенных суицидов в год на 100 000 населения. Если данный критерий превзойден, то это свидетельствует о кризисе общества. На конец 2002 г. в России уровень завершенных суицидов составлял 38 на 100 000 населения. Наша страна занимает 3–4 место в мире (наряду с Латвией), пропустив вперед только Венгрию и Финляндию, где уровень суицидов исторически высок в течение многих лет. Следует помнить, что на 1 случай завершеного суицида приходится примерно 10 суицидальных попыток, каждая из которых потенциально может завершиться самоубийством³.

Как социальный феномен суицид характеризуется рядом закономерностей. Уровень самоубийств повышается в периоды экономических кризисов, депрессии и роста безработицы. Именно безработные являются одной из наиболее суицидоопасных социальных групп. Рост безработицы только на

---

¹ Елагин И. Собр. соч.: В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 104.

² Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Э.Г. Круга и др. М., 2003. С. 191.

³ Агафонов С.К., Христич О.Б. Предупреждение суицидального поведения и диагностика суицидального риска у военнослужащих срочной службы // Первая научно-практическая конференция психиатров и наркологов Южного федерального округа (с международным и всероссийским участием). Материалы конференции (17–18 июня 2004 года, Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2004. С. 21.

1% ведет к росту суицидов на 4%¹. Один из важных демографических «маркеров» суицидального риска – возраст. Исследования показали, что наибольшее число завершенных самоубийств совершается в период от 40 до 65 лет². Уровень самоубийств среди мужчин выше, чем среди женщин. Соотношение уровней самоубийств среди мужчин и женщин колеблется от 1,0:1 до 10,4:1³. Во многих странах уровень суицида выше среди городского населения. В России же за последние 10–15 лет выявлен более высокий уровень самоубийств среди жителей сельской местности (так, в 1996 г. уровень самоубийств среди горожан был 35,4, среди жителей села – 50,3)⁴.

Во многих зарубежных литературных источниках выделяется ряд различных профессий и родов занятий, где встречается высокая частота самоубийств. Среди квалифицированных работников наибольший риск существует у врачей и медицинских сестер. Уровень суицидов у мужчин врачей в 3 раза выше, чем у мужчин вообще. В США ежегодный показатель суицидов для врачей-женщин составляет 41 на 100 000 населения по сравнению с 12 на 100 000 женщин старше 25 лет, не имеющих медицинского образования. Внутри врачебной корпорации наибольший суицидальный риск имеет место у психиатров и психотерапевтов. Доступность лекарств, знание их токсичности являются важными факторами при совершении самоубийств у врачей, так как отравление лекарственными препаратами – наиболее частый способ самоубийств среди них. Врачи-психиатры и клинические психологи, совершившие суицид, чаще всего страдали непсихотическими психическими расстройствами: депрессиями, алкоголизмом, наркоманиями, личностными расстройствами. В большинстве случаев у этих специалистов еще до выбора профессии наблюдались личностные или аффективные расстройства, что весьма часто сознательно или подсознательно мотивировало выбор профессии. Однако в 90% случаев врачи, совершившие суицид, предварительно испытывали трудности на работе, в семье или имели серьезные нерешенные социальные проблемы. Среди врачей высокий риск суицидов также наблюдался среди стоматологов. Группами высокого риска являются полицейские, военные, химики, представители творческой интеллигенции (писатели, художники, музыканты), юристы. Ниже среднего показатели самоубийств у мелких бизнесменов, учителей, квалифицированных рабочих, крестьян. Минимальный суицидальный риск отмечается у почтовых служащих и служителей церкви⁵.

---

¹ Перехов А.Я., Дубатова И.В. Социальные и психические стрессы при самоубийствах // Первая научно-практическая конференция психиатров и наркологов Южного федерального округа (с международным и всероссийским участием). Материалы конференции (17–18 июня 2004 года, Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2004. С. 374.

² Змановская Е.В. Указ. соч. С. 147–148.

³ Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Э.Г. Круга и др. М., 2003. С. 193.

⁴ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 380.

⁵ Перехов А.Я., Дубатова И.В. Указ. соч. С. 374–375.

Наряду с суицидом широко распространенной *формой аутодеструктивной деятельности* человека является *нанесение себе увечий*. Это прямое и преднамеренное уничтожение и деформация частей тела без сознательного суицидального намерения.

А. Фавацца предложил следующие три основные категории¹:

- серьезное нанесение себе увечий включая ослепление, ампутацию пальцев, кистей рук, предплечий, ног, стоп, гениталий;
- стереотипное нанесение себе увечий, когда бьются головой обо что-либо, кусают себя, бьют себя по рукам, выкалывают глаза, прокалывают горло или выдергивают волосы;
- нанесение себе увечий от слабой до средней степени тяжести, когда режут, царапают или обжигают кожу, втыкают в кожу иглы или полностью выдирают волосы.

Итак, аутодеструкция является одним из видов деструктивной деятельности, а крайней формой аутодеструкции – суицид. Самоубийство детерминировано теми же факторами, что и деструктивная деятельность в целом, однако имеет и свои закономерности. Так, если в целом к деструкции более склонны молодые люди, наибольшее число завершенных самоубийств совершается в период от 40 до 65 лет. На протяжении истории человечество не выработало единой точки зрения на проблему суицида. Спектр мнений по этому поводу достаточно широк: от крайнего неприятия и осуждения до полного оправдания и даже призывов к добровольному уходу из жизни. В ряде традиционных обществ суицид романтизируется и объявляется самым значительным делом в жизни человека. Социокультурные факторы, в частности культурные нормы и образцы поведения, оказывают значительное влияние на аутодеструкцию. Если в обществе суицид не осуждается, подобный способ ухода из жизни случается там гораздо чаще, чем в обществах, где отношение к суициду резко отрицательное. Безусловно, проблема самоубийства нуждается в дальнейшем комплексном изучении, которое позволит снизить уровень его распространенности в обществе.

---

¹ Favazza A. Self-mutilation // Jacobs D.G., eds. The Harvard Medical School Guide to Suicide Assessment and Intervention. San Francisco, 1999. P. 125–145.

Глава 3. ДЕСТРУКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ ЗАПАДА, ВОСТОКА И РОССИИ

В настоящее время мировая цивилизация входит в новый этап развития, который исследователи называют **информационным** или **постиндустриальным**. Кардинальные изменения социально-экономических условий существования человека, новые революционные технологии, глобализация экономики оказывают существенное влияние на специфику деструктивной деятельности человека в современном мире. При этом, несмотря на ряд общих характеристик, деструктивная деятельность человека имеет свою специфику, зависящую от типа цивилизации, различаясь в информационном обществе Запада, Востока и России. Большое влияние на нее оказывают социальные отношения, ценностные установки, культурные стереотипы, нормы и правила поведения, сложившиеся в том или ином обществе. Социокультурные традиции определяют как отношение людей к деструкции, так и представления о том, где допустима деструктивная деятельность, а где нет. В разных обществах складываются и различные механизмы воздействия на его членов с целью регуляции деструктивной деятельности, которые также следует рассмотреть. В данной главе будет проанализировано, как проявляется деструктивная деятельность в информационном обществе Запада, Востока и России.

3.1. Деструктивная деятельность человека в информационном обществе Запада

Приступая к рассмотрению специфики деструктивной деятельности человека в информационном обществе Запада, выясним сущность самого термина «информационное общество» и его характерные черты.

Изобретение термина «информационное общество» приписывается **Ю. Хаяши**, профессору Токийского технологического института, по другим данным, его авторами являются **Ф. Махлун** и **Т. Умесао**¹. Контуры информационного общества были обрисованы в отчетах, представленных японскому правительству рядом организаций (Агентство экономического планирования, Институт разработки использования компьютеров, Совет по структуре промышленности). В данных отчетах информационное общество определялось как такое, где процесс компьютеризации даст людям доступ к надежным источникам информации, избавит их от рутинной работы, обеспечит высокий уровень автоматизации производства. При этом изменится и само производство: продукт его станет более информационно емким, что означает

---

¹ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 90.

увеличение доли инноваций, дизайна и маркетинга в его стоимости; «...производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества»¹.

В целом в рамках теории информационного общества обозначились различные направления и тенденции, концентрирующие внимание на тех или иных сторонах существующих в обществе отношений в области информации и технико-технологических средств ее передачи, хранения и переработки, рассматривающие различные социальные перспективы в качестве возможных, желательных или негативных. Так, **У. Мартин** отмечает, что в информационном обществе:

- информация выступает в качестве важного стимулятора перемен в обществе, формирует «информационное сознание»;
- информация выступает в качестве ресурса, услуг, товара, источника добавочной стоимости и занятости;
- свобода информации ведет к политическим процессам, которые характеризуются растущим консенсусом в обществе;
- возрастает культурная ценность информации в интересах развития человека и его социальных образований².

Новый этап общественного развития именуют также **постиндустриальным**. Родоначальник концепции постиндустриализма **Д. Белл** в 60-е годы XX в. указал на определяющие черты складывающегося нового общественного устройства³. В качестве основных **особенностей постиндустриального общества** Д. Белл выделяет следующие. Для постиндустриальной стадии характерен **переход от производства вещей к производству услуг**, причем услуг, связанных прежде всего со здравоохранением, образованием, исследованиями и управлением. Эта черта постиндустриального общества тесно связана с **изменениями в распределении занятий**: наблюдается рост интеллигенции, профессионалов и «технического класса». Центральное место в постиндустриальном обществе, по Д. Беллу, занимает **знание**, и притом знание **теоретическое**. «Конечно, знание необходимо для функционирования любого общества. Но отличительной чертой постиндустриального общества является характер знания, – писал он. – Важнейшее значение для организации решений и направления изменений приобретает центральная роль теоретического знания, предполагающего первенство теории над эмпиризмом и кодификацию знаний в абстрактных системах символов, которые... могут использоваться для интерпретации различных изменяющихся сфер опыта. Любое современное общество живет за счет инноваций и социального контроля за изменениями, оно пытается предвидеть будущее и осуществить планирование. Именно изменение в

---

¹ Masuda Y. The Information Society. Washington, 1983. P. 29.

² Martin W.Y. The Information Society. London, 1988. P. 40.

³ Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.

осознании природы инноваций делает решающим теоретическое знание»¹. Бережное отношение к талантам и распространение образовательных и интеллектуальных институтов станет главной заботой общества. Для постиндустриального общества будет характерна новая элита, основанная на квалификации, получаемой индивидами благодаря образованию, а не на обладании собственностью, наследуемой или приобретаемой за счет предпринимательских способностей, и не на политической позиции, достигаемой при поддержке партий и групп. В обществе развивается **интеллектуальная технология**, причем ее развитие становится возможным благодаря компьютеризации. Соединение науки, техники и экономики осуществляется в форме научных исследований и разработок, которые, по мнению Д. Белла, будут играть все более важную роль в обществе, ориентированном в будущее. Ориентированность в будущее – еще одна черта индустриального общества – предполагает **контроль за технологиями**, оценку технологий, разработку моделей технологического прогноза.

Концепция постиндустриализма, представленная в работах Д. Белла, оказалась достаточно глубокой в теоретическом отношении, интересной в плане поставленных вопросов и открывающей широкие исследовательские перспективы. Она спровоцировала множество разнообразных трактовок и интерпретаций постиндустриального общества, иногда существенно отличающихся от белловского. Выражение «постиндустриальное общество» широко употребляется в современной литературе, и почти каждый автор наделяет его своим, особым смыслом. Это связано с тем, что само по себе слово «постиндустриальное» указывает лишь на положение данного типа общества во временной последовательности стадий развития – «после индустриального», а не на его собственные характеристики².

Для отражения изменений, происходящих в настоящее время, М. Кастельс предлагает использовать термин **информационное общество**. Он указывает, что термин «информационное общество» подчеркивает роль информации в обществе. Информация же в самом широком смысле, то есть как передача знаний, имела критическую важность во всех обществах включая средневековую Европу, которая была культурно структурирована и в некоторой степени объединена вокруг схоластики. В противоположность этому термин «информационное» указывает на атрибут специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, **генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти**³. Сложившаяся в последние два десятилетия экономика нового типа именуется М. Кастельсом информационной и глобальной. «Итак, информационная – так как

¹ Bell D. The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New York, 1973. P. 20.

² Рунов А. Является ли продуцирование знания сущностью информационного общества? // Безопасность Евразии. 2002. №3. С. 676.

³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 14.

производительность и конкурентоспособность факторов или агентов в этой экономике (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Глобальная – потому что основные виды экономической деятельности, такие, как производство, потребление и циркуляция товаров и услуг, а также их составляющие (капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки) организуются в глобальном масштабе, непосредственно либо с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов. И, наконец, информационная и глобальная – потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существования конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети»¹.

М. Кастельс выделяет следующие *черты новой информационно-технологической парадигмы*².

1. Информация является ее сырьем: перед нами технология для воздействия на информацию, а не просто информация, предназначенная для воздействия на технологию, как было в случае предшествующих технологических революций. В *информационные технологии* М. Кастельс включает «сходящуюся совокупность технологий в микроэлектронике, создании вычислительной техники (машин и программного обеспечения), телекоммуникации/вещании и оптико-электронной промышленности»³. Также к информационным технологиям М. Кастельс относит генную инженерию и расширяющееся множество ее достижений и применений.
2. Всеохватность эффектов новых технологий.
3. Сетевая логика любой системы или совокупности отношений, использующей эти новые информационные технологии.
4. Информационно-технологическая парадигма основана на гибкости. Процессы не только обратимы – организации и институты можно модифицировать и даже фундаментально изменять путем перегруппировки их компонентов. Конфигурацию новой технологической парадигмы отличает ее способность к реконфигурации – решающая черта в обществе, для которого характерны постоянные изменения и организационная текучесть. Однако гибкость может иметь и репрессивную тенденцию, если те, кто переписывает правила, всегда у власти.
5. Растущая конвергенция конкретных технологий в высокоинтегрированной системе, в которой старые, изолированные технологические траектории становятся буквально неразличимыми.

Социальную структуру информационного века М. Кастельс именует *сетевым обществом*, потому что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и

---

¹ Там же. С. 81.

² Там же. С. 76–78.

³ Там же. С. 50.

институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные предындустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы»¹.

Итак, многие исследователи отмечают, что современное общество вступило в новый этап своего развития, однако на сегодняшний день общепринятого обозначения для характеристики данного этапа нет. Наиболее часто его именуют информационным и постиндустриальным. В данной работе эти термины будут использоваться как синонимы. Однозначных определений понятий «информационное» или «постиндустриальное» общество в настоящее время также не существует. Исследователи сходятся лишь в том, что в обществе данного типа ведущую роль играют информационные и иные интеллектуальные технологии и теоретическое знание. Более того, ряд авторов считают, что информационное общество представляет собой очередную социальную утопию². Критика теорий постиндустриального общества почти всегда идет по двум линиям³:

1. Масштабы распространения и, главное, роль процессов развития нового качества социума сильно преувеличены. Бум информационных технологий, резкое возрастание роли элиты профессионалов в жизни общества и т.п. характерны лишь для «золотого миллиарда», но даже там реальных качественных изменений в природе рыночной буржуазной экономики и гражданского общества не происходит, и потому основные постулаты прежней экономической, социальной и политической теории остаются актуальными.
2. На практике рост информационных технологий ведет к упрочению транснациональных корпораций и рынка в экономике и правых в политике и идеологии.

Критика концепции информационного общества обусловлена тем, что Д. Белл и ряд его последователей, прогнозируя специфику грядущего общества, делали акцент на положительные стороны возможных изменений. Однако в настоящее время ситуация в обществе далека от идеала, описанного теоретиками информационного общества. Для современного общества характерна **глобальная гегемония корпоративного капитала**, причем этот капитал является виртуальным, он «живет» в компьютерных сетях⁴. Глобальная гегемония капитала ныне предполагает не просто подчинение наемных

---

¹ Там же. С. 505.

² Лесков Л.В. Космические цивилизации: проблема эволюции. М., 1985. С. 152; Бузгалин А.В. «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? (Критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // Вопросы философии. 2002. №5.

³ Бузгалин А.В. Указ. соч. С. 27.

⁴ Там же. С. 29.

работников через куплю-продажу рабочей силы, но и *целостное подчинение личности работника*: творческий потенциал, талант, образование – вся жизнь человека-профессионала присваивается современной корпорацией. В современном мире господствует *глобальное политическое и идеологическое манипулирование, информационное и культурное давление*. По мнению А.В. Бузгалина, постиндустриальный мир высоких технологий выбирает дорогу, все более ведущую в сторону от гуманистического идеала открытого общедоступного диалога, полифонии личностей-субъектов и все более вступает на путь манипулирования объектами массовой культуры при помощи технологов-профессионалов¹. Новые технологии порождают новые опасности, способствуют не только саморазвитию человека и прогрессу общества, но и усиливают склонность человека к деструкции, причем, как будет показано в дальнейшем, *масштабы деструктивной деятельности человека значительно возрастают*.

Господствующие ныне виды индустриальных и зарождающихся постиндустриальных технологий имеют не только созидательный, но и мощный разрушительный потенциал, порождают *угрозы* двум фундаментальным основам существования Земли как ноосферы – *природе и человеку*. Это угрозы техногенных планетарных катастроф, разрушения биосферы и истощения ресурсов, а также дегуманизации и перенаселения. Глобальной проблемой становится растущее *подавление личности человека*. Личность (в потенциале – личность человека-творца, ориентированного на развитие культурных ценностей) превращается в функцию специалиста и клиента, подчиненного стандартам «общества потребления», массовой культуры и корпоративной идеологии². В связи с тем, что новые технологии несут не только блага, но и таят опасности, современное общество часто называют обществом риска. *Общество риска* – это концепция, характеризующая состояние современного общества, согласно которой индивиды и социальные группы постоянно испытывают незащищенность перед систематически возникающими угрозами и опасностями, вызванными последствиями процесса модернизации³. В западной социологии концепция общества риска была впервые сформулирована *У. Беком*⁴, отдельные ее элементы разрабатывались им совместно с другими социологами, в частности с *Э. Гидденсом*⁵. Исходным пунктом концепции общества риска является признание амбивалентности всех прогрессивных изменений, обнаруживших

---

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 39.

³ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 95.

⁴ Beck U. Ecological Enlightenment. Essays on the Politics of the Risk Society. New Jersey, 1995; Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. London, 1992; Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.

⁵ Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, 1994; Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge, 1991.

себя на стадии высокой модернизации. Эти изменения обусловлены ростом субъективно-деятельностных рисков, связанных с вмешательством человека в окружающую среду и имеющих фундаментальные социальные последствия. Как отмечает Э. Гидденс, «понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего»¹. В настоящее время во многих сферах общественной жизни риск приобретает институциональный характер, то есть он выступает неотъемлемой частью мироцелостности. Причем риск может быть как результатом эволюции общественной системы, постепенно накапливаемых ею негативных изменений, так и продуктом целенаправленного конструирования и манипулирования².

Анализируя изменения, происходящие в современном мире, ученые обычно рассматривают *две модели информатизации общества: западную* (свойственную индустриально развитым странам) и *азиатскую* (или *восточную*)³. Именно поэтому в данной главе будет рассмотрена специфика деструктивной деятельности человека в информационном обществе Запада и Востока и выявлены ее различия, а также показано своеобразие российского этапа информатизации и его воздействие на склонность человека к деструкции.

Выделим основные особенности информационного общества Запада и проанализируем, как данные особенности влияют на специфику деструктивной деятельности человека.

Западное общество характеризуется системой ценностей, в корне отличающихся от распространенных на Востоке. На Западе ценится прежде всего *рациональность*. Р. Арон выделял следующие формы рациональности: дух научности, дух экономического подсчета, дух прогресса⁴. На все окружающие предметы и на мир вообще западный человек смотрит лишь с точки зрения их полезности, практической значимости⁵. Человек на Западе – это прежде всего *автономная, свободная личность*, причем свобода понимается как «право делать все, что дозволено законом»⁶. Свойственные западному обществу, с одной стороны, демократический строй, а с другой, иерархия производственных, административных, государственных функций в сочетании с большой социальной мобильностью, способствуют формированию человека, ориентированного на *успех, карьеру, материальное благополучие*⁷. Как указывает В. Зомбарт, «иметь успех всегда значит: опередить других, стать больше, совершить больше, иметь больше, чем другие: быть

¹ Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5. С. 109.

² Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. №2. С. 6.

³ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / Рук. научн. проекта Г.Ю. Семигин; Гл. ред. В.Н. Иванов. М., 2003. С. 90–93.

⁴ Aron R. Dix-huit lecons sur la societ  industrielle. Paris, 1962. P. 192.

⁵ Делокаров К. Мировоззренческие основания современной цивилизации и ее глобальный кризис // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 91.

⁶ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1995. С. 289.

⁷ Самарская Е. Индустриальное общество перед лицом перемен // Свободная мысль. 1997. № 2. С. 74.

«большим»¹. Стремление к самореализации, к превосходству над другими людьми у человека современного западного общества значительно больше, чем на Востоке. Кроме того, благодаря новым технологиям значительно расширяются возможности отдельного человека. У него формируются такие качества, как независимость, изобретательность, изворотливость, упрямство в достижении цели, практицизм, расчетливость, дух авантюризма и *презрение к нормам морали*². Индивид самостоятельно может делать выбор в пользу деструктивных действий, практически не нуждаясь в моральном одобрении со стороны социального окружения и не опасаясь осуждения с его стороны.

Характерной чертой информационного общества Запада является *тотальное отчуждение*, существенные признаки которого – отчуждение человека от самого себя, от других людей и от общества в целом, а как было показано в параграфе 1.2, отчуждение является мощной детерминантом деструктивной деятельности человека. Несмотря на значительные успехи в овладении природой, люди не научились должным образом управлять созданным ими миром. Более того, последний «превратился в хозяина, перед которым человек склоняется, пытаясь его как-то умиловить или, по возможности, перехитрить»³. Кажется бы, современные технологии открывают перед человеком невиданные ранее возможности самореализации, он наконец обретает свободу, к которой так стремились на Западе на протяжении многих веков, но достигается это ценой *утраты чувства полной безопасности*, усиления одиночества и тревожности. Свобода, как отмечает Э. Фромм, – это не только благо, но и бремя, зачастую непосильное для людей⁴. Завоевав свободу от цеховых, корпоративных и иных уз, человек параллельно освободился и от тех связей, которые давали ему чувство уверенности и принадлежности к определенной общности. Свободный человек вынужден «постоянно выбирать пути своего собственного становления в этом мире»⁵. И в случае неудач ему некого винить, кроме самого себя. Перед ним с новой силой встает извечный вопрос о его месте в мире, о смысле жизни вообще и своего собственного существования⁶. Свобода не только несет человеку блага, но и способствует *росту беспокойства*, усилению чувства *одиночества, изолированности*, беспомощности и страха. Как отмечает Р. Гвардини, человек утрачивает свое символическое место, у него уже нет надежного убежища, ежедневно подтверждается опыт, что его потребность в смысле жизни не находит убедительного удовлетворения в мире⁷. Именно пропасть между свободой и безопасностью становится причиной беспримерных трудностей в человеческом существовании. Люди борются за свободу и автономию, но сама

¹ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994. С. 135.

² Гаджиев К.С. Размышления о свободе // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 34.

³ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989. С. 105.

⁴ Там же.

⁵ Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. М., 1991. С. 75.

⁶ Гаджиев К.С. Размышления о свободе // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 35.

⁷ Гвардини Р. Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 137.

эта борьба вызывает чувство отчуждения от природы и общества. Люди нуждаются в том, чтобы обладать властью над своей жизнью и иметь право выбора, но им также необходимо чувствовать себя объединенными и связанными с другими людьми. Свободе же сопутствуют чувство одиночества, собственной незначимости и отчужденности. И потому люди часто стремятся, по выражению Э. Фромма, *«убежать от свободы»*, в том числе и путем совершения деструктивных действий, пытаясь таким образом обрести безопасность¹.

Распространению деструктивной деятельности в информационном обществе Запада способствует *анонимность социальных связей*. Сложная техника и технология создают огромные коллективы, однако в них межличностные отношения носят характер *псевдоколлективизма*. В больших объединениях многие теряются, не могут приспособиться к сложным субъектно-субъектным отношениям. Большинство членов производственных коллективов стремится продвинуться по службе, повысить свой социальный статус, обойдя своих реальных и потенциальных соперников. В условиях постоянного соперничества практически *невозможными становятся взаимопонимание и поддержка*. Нельзя не согласиться с российским философом В.Е. Давидовичем, который пишет: «Разобщенность людей порождает внутренний разлад в самой личности, ее разорванность, дисгармоничность, ощущение утраты своего «Я» и личной свободы»². В силу растущего отчуждения и разобщенности человек ощущает себя несвободным, зависимым от чуждых сил. Эмоциональные импульсы в западном обществе подвергаются репрессии, а значит, люди испытывают постоянное *напряжение*. Современное западное общество становится все более *индивидуализированным*³. В нем значительно *снижается уровень доверия* людей друг к другу. А.Д. Урсул справедливо указывает, что информатизация связана с изоляцией индивида и отвлечением его от межличностного общения⁴. Ситуация усугубляется тем, что в информационном обществе Запада семья переживает серьезный кризис. С конца 60-х годов XX в. растет процент разводов и число неполных семей⁵. *Кризис семьи*, характерный для современного западного общества, нарушает упорядоченную последовательность передачи культурных кодов от поколения к поколению и колеблет основы личной защищенности⁶. Значительно уменьшается и роль иных общественных структур: объединяющих по месту жительства, церковных

---

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.

² Давидович В.Е. Проблемы человеческой свободы. Львов, 1967. С. 63.

³ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.

⁴ Урсул А.Д. На пути к информационно-экологическому обществу // Философские науки. 1991. № 5. С. 8–9.

⁵ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 153.

⁶ Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 297.

приходов, профсоюзов, клубов, благотворительных организаций. Это приводит к распространению ощущения *отсутствия единых ценностей и общности с окружающими*¹. Достаточно часто человек в постиндустриальном обществе чувствует свою *изолированность* и *ненужность*. А как уже было показано, индивидуализм, чувство изолированности, оторванности от общества способствуют росту деструктивности. Особенно остро это ощущается в больших городах. Именно люди, ведущие уединенный образ жизни в своих высотных зданиях и не имеющие никакого источника социальной привязанности, склонны к совершению деструктивных действий, в частности к самоубийству².

Как было сказано выше, в информационном обществе *растет число людей, занятых умственным трудом*. Все больше и больше сотрудников, приходя на работу, погружаются в мир идей и информации. В 2000 г., по данным Европейской комиссии (Eurostat), из 158 млн занятых 17,5 млн работало в высокотехнологичных секторах экономики, причем 12 млн. – на производстве, а около 5,5 млн – в сфере услуг (соответственно, 7,6 и 3,4% общего числа занятых). Число занятых в сфере НИОКР в 2000 г. в расчете на 1 тыс. населения составило: в Евросоюзе – 5,4 человека, в США – 8,08 человек³. Кроме того, растет интеллектуальное содержание всякого труда (в промышленности, в сельском хозяйстве). Для выполнения наукоемких видов работ производители нанимают все более образованных рабочих. Это приводит к *росту безработицы* среди лиц, не имеющих высшего образования. Ведь внедрение автоматизации и электронных технологий существенно сокращает число рабочих мест. Один робот в среднем заменяет четырех работников. В США за 80-е годы XX в. персонал сталелитейных компаний уменьшился в шесть раз при том же объеме выпуска продукции. «Дженерал электрик» примерно за тот же период сократила персонал вдвое⁴. Значительно сокращается и число людей, занятых в сельском хозяйстве. Так, если в американском сельском хозяйстве в 60-х годах XX в. было занято около 4 %, то в конце века, по свидетельству А. Тоффлера, – лишь 2% всей рабочей силы страны⁵. Возможно, продукция биотехнологии в дальнейшем вообще поставит под сомнение существование фермерства и крестьянства⁶, а безработица, как известно, относится к числу факторов, детерминирующих деструктивную деятельность человека.

---

¹ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 130.

² Этциони А. Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 332.

³ Говорова Н. Занятость в постиндустриальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2003. №12. С. 35.

⁴ Хорос В. Постиндустриальный мир – надежды и опасения (к постановке проблемы) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 7.

⁵ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. С. 95.

⁶ Хорос В. Указ. соч. С. 8.

Рост деструктивной деятельности в современном западном обществе объясняется еще и тем, что, вопреки ожиданиям ряда исследователей, **социальная поляризация** в нем заметно **обостряется**. В США сегодня пятая часть семей концентрирует 80% национального богатства, причем 1% из них – 40% национального богатства¹. В целом на постиндустриальной стадии, по мнению некоторых западных аналитиков, существует «реальная опасность... того, что незначительное меньшинство высококвалифицированных специалистов будет сосуществовать с большинством низкоквалифицированного и малооплачиваемого контингента на фоне массовой безработицы»². Растущая социальная поляризация, рост безработицы способствуют распространению деструктивной деятельности человека в современном западном обществе.

Повседневная жизнь индивида в информационном обществе постоянно усложняется, растет ее **неопределенность**, что приводит к серьезному жизненному кризису, переживаемому многими людьми. Кроме того, значительно ускоряется темп жизни, человек стремится как можно больше **интенсифицировать свою деятельность**, использовать каждую мельчайшую долю времени³. Это приводит к тому, что многие люди постоянно находятся в стрессовой ситуации, становятся раздражительными, несдержанными и далеко не всегда способны адекватно реагировать на изменяющуюся обстановку.

Значимым для нас является и то, что рационализированные институты современного западного общества, утратив органическую связь с конкретным человеком и его естественными потребностями, стимулируют безграничный рост материальных благ и вызывают неуклонный **рост потребления**⁴. Причем в настоящее время людей все больше интересует уже не количество имеющихся у них материальных благ, а их качество. Основное внимание в современном западном обществе уделяется **заботам о качестве жизни**⁵. В своей книге «Иметь или быть» Э. Фромм показал, что проблему «быть или иметь» большинство решают в пользу «иметь», часто отождествляя его с «быть»⁶. Людям кажется, что за деньги можно купить все – любовь, дружбу, внимание, заботу. Непрерывно растущее производство, приводящее в конце концов к изобилию предметов потребления, сочетается с подавлением способности людей наслаждаться произведенными благами и испытывать ощущение счастья. Человек отказывается от наслаждения, покоя, от удовлетворения многих своих потребностей. Он становится, по определению

---

¹ Там же.

² Cohen S.S., Zusman J. Manufacturing Matters. The Myth of the Post-Industrial Economy. New York, 1987. P. 262–263.

³ Зомбарт В. Буржуа. М., 1994. С. 267–268.

⁴ Самарская Е. Индустриальное общество перед лицом перемен // Свободная мысль. 1997. № 2. С. 74.

⁵ Инглетарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 250.

⁶ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986.

Г. Маркузе, «одномерным» – несвободным потребителем, функционирующий по навязанным извне стандартам мышления и поведения¹. О *внутренней упрощенности* западного человека пишет и А.А. Зиновьев. Он отмечает, что в странах Запада сформировался особый тип личности, названный им *западоидом*, и характеризует его как «рационализированное существо, обладающее средними умственными способностями и контролируемой эмоциональностью, ведущее упорядоченный образ жизни, заботящееся о своем здоровье и комфорте, добросовестно и хорошо работающее, практичное, расчетливое, смолоду думающее об обеспеченной старости, идеологически стандартизированное, но считающее себя при этом существом высшего порядка по отношению к прочему (незападному) человечеству»². Как видим, односторонность развития западного человека проявляется в том, что все сущее он превращает в объект рационализации, а также обладания и потребления³. По мнению Р. Мея, комфортные условия жизни на Западе, обусловленные высоким уровнем материальной обеспеченности, развития медицины, различных новых технологий, привели к тому, что западный человек ощущает «пустоту» жизни, он живет в «эпоху слабоволия»⁴. Западный человек – это слабовольный человек, его психическая ткань похожа на студень, гель, поэтому его можно назвать *Homo gelius*, человек желеобразный, или гелеобразный. Вместе с тем интеллектуальный труд связан с большим *нервно-психологическим напряжением*, вызванным необходимостью непрерывно *принимать* ответственные *решения*, подчас интуитивно, что требует огромной веры в себя, решимости и непрерывной и многолетней отдачи всех сил своему делу⁵. Высокий темп жизни приводит к тому, что многие люди, занятые напряженным интеллектуальным трудом, постоянно находятся в стрессовой ситуации и далеко не всегда имеют возможность расслабляться, восстанавливать физические и психические силы. Это приводит к росту раздражительности, импульсивности, что может способствовать неадекватной реакции на отдельные раздражители и спровоцировать совершение деструктивных действий под влиянием аффекта.

Необходимо также обратить внимание на то, что качественные изменения в сфере производства, применение новых информационных технологий значительно повышают эффективность труда и увеличивают продолжительность *свободного времени*, которое можно использовать для досуга, туризма, самообразования. Благодаря этому в информационном обществе Запада у человека значительно *возрастают возможности самореализации*. Он может реализовать свой творческий потенциал в предпринимательской деятельности, искусстве, религии, науке.

---

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

² Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995. С. 355.

³ Делокаров К. Мировоззренческие основания современной цивилизации и ее глобальный кризис // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 91.

⁴ См.: Мей Р. Любовь и воля. М., 1997. С. 23.

⁵ Васильчук Ю. Постиндустриальная экономика и развитие человека // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 9. С. 83.

Дополнительные возможности для реализации своего потенциала предоставляет человеку **виртуальная реальность**. Она порождает новую сферу человеческой деятельности, новые формы ее организации, новые отношения. Благодаря **виртуальным технологиям** человек постиндустриальной цивилизации сможет осваивать и уже известные, и еще неизвестные «пространства» своей психики. Как справедливо указывают Ю.Г. Волков и В.С. Поликарпов, виртуальные реальности позволяют высветить новые грани человеческого опыта. Они как бы растормаживают сознание человека, перенастраивают его самым невероятным образом¹.

Вместе с тем **сама технология виртуальной реальности имеет и ряд отрицательных последствий**, на что обращается внимание в отечественной науке². Прежде всего, системы виртуальной технологии способны контролировать и имитировать ощущения и действия человека, что влечет за собой негативные психофизиологические следствия для человека. К ним относятся появление под воздействием генерируемых системами виртуальной технологии электромагнитных волн функциональных и органических расстройств, снижение у женщин генеративных функций, утомляемости и невротизации операторов, дезорганизации внутреннего мира индивида, влекущей за собой ошибки в профессиональной деятельности, и пр. Высказывается мнение, что под влиянием роста числа лиц, пользующихся Интернетом, начинают разрушаться традиционные представления морали, становятся неэффективными отдельные правовые нормы, в частности из-за действия «психов» и «маньяков» в киберпространстве³. Кроме того, чрезмерное увлечение компьютерными играми, как отмечалось в параграфе 2.2, может привести к деструктивным изменениям личности.

Важную роль в жизни современного западного человека играет **телевидение**. Исследования показывают, что в урбанизированных обществах просмотр телевизионных передач представляет собой вторую крупнейшую категорию деятельности после работы и уж, во всяком случае, основное занятие, когда человек находится дома⁴. Так, по данным, представленным в докладе Нильсена, в американском доме телевизор бывает включен приблизительно 7 часов в день, причем действительный период времени просмотра телевизионных программ составляет ежедневно 4,5 часа на одного взрослого человека. В целом средний взрослый американец ежедневно уделяет 6,43 часа на средства массовой информации. Эту цифру можно сравнить с другими данными, согласно которым ежедневно на одного взрослого человека приходится 14 минут для межличностного общения в семье⁵. Являясь символической тканью нашей жизни, СМИ воздействуют на сознание и поведение так же, как реальный опыт воздействует на сны, поставляя сырой

---

¹ Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Многомерный мир современного человека. М., 1998. С. 134.

² Айдаркин Е.К., Жданов Ю.А., Кураев Г.А., Пахомов Н.В. Виртуальная реальность – технология иллюзий // Научная мысль Кавказа. 1997. № 4.

³ См.: Бэнкс М. Психи и маньяки в Интернете. СПб., 1998.

⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 320.

⁵ Там же. С. 319–320.

материал, над которым работает наш мозг¹. Поскольку насилие является не редкостью на телеэкране, длительный просмотр подобных передач телепередач может способствовать формированию у людей склонности к деструкции.

Таким образом, изменения, происходящие в информационном обществе Запада: размывание иерархических структур, рост интеллектуального содержания трудовой деятельности, увеличение продолжительности свободного времени – имеют двойные последствия. С одной стороны, они открывают новые возможности для самореализации индивида через творческую деятельность, с другой – приводят к росту деструктивности. Распространению деструктивной деятельности способствуют неравномерность доступа к информации, рост безработицы, особенно среди лиц, не имеющих доступа к высшему образованию, высокий темп жизни, снижение уровня доверия людей друг к другу, кризис семьи, уменьшение роли различных общественных организаций, усиливающееся ощущение изолированности, оторванности индивида от общества. Постоянное усложнение социума, тенденция к нарастанию «мегарисков», обилие пугающей информации, возникновение новых образов страха также приводит к росту деструктивной деятельности человека.

В условиях растущей социальной поляризации одной из форм проявления деструктивной деятельности, получившей значительное распространение в информационном обществе Запада, становится *терроризм*. Проблема терроризма достаточно сложна и нуждается в самостоятельном глубоком изучении, актуальность которого диктуется самой жизнью. В контексте данного исследования отметим, что терроризм неизбежно *предполагает совершение деструктивных действий*. Его типичными методами являются убийства, взрывы в местах скопления людей, уничтожение транспортных средств. Распространение терроризма – это свидетельство девальвации традиционных ценностей, прежде всего ценности человеческой жизни, характерной для современного западного общества. Важно отметить, что для достижения своей цели террористы часто прибегают к убийствам ни в чем не повинных, а то и просто случайных людей, при этом у них полностью отсутствует сопереживание жертвам. Потерпевшие, особенно если их много, как бы не имеют человеческого лица, воспринимаются террористами как размытая масса, лишь смутно напоминающая людскую. Важно то, что, совершая разрушительные действия, они стремятся не просто убрать своих противников или добиться желаемой цели, но и хотят дестабилизировать ситуацию в обществе в целом и вызвать тотальный страх.

Безусловно, некоторые террористы совершают деструктивные действия, руководствуясь корыстной мотивацией², однако для большинства из них террористический акт – прежде всего попытка утвердить, *проявить себя*,

---

¹ Там же. С. 323.

² Так, например, М.П. Киреев, исследовавший терроризм на воздушном транспорте, указывает, что 25% террористов имели уголовную, в том числе корыстную мотивацию. [Терроризм: психологические корни и правовые оценки (круглый стол) // Государство и право. 1995. № 4. С. 25].

доказать себе и другим ценность собственной личности¹. О *стремлении террористов к самоутверждению* свидетельствует то, что для них важна огласка их действий, и после нападения они обычно заявляют, что террористический акт был совершен именно ими. Как отмечает Н.Я. Лазарев, «террористам необходима возможно большая аудитория, максимальный отзвук, широкий резонанс»². Иногда самые жестокие и разрушительные действия совершаются ими ради достижения *внешнего эффекта*, которого они нередко добиваются с помощью средств массовой информации. В террористические группы людей привлекает возможность через принадлежность к ним обрести *личную идентичность*. Террористами часто становятся маргиналы, ощущающие, что находятся на обочине общества, утратившие жизненную перспективу, переживающие социальную несправедливость и склонные проецировать на общество причины своих неудач³. Через принадлежность к террористической группе они обретают уверенность в себе. Групповые нормы идеализируются террористами, а весь мир воспринимается ими как враждебный. Лидеры террористических объединений часто опираются на социокультурные детерминанты деструктивной деятельности, используя *ментальную оппозицию «мы и они»*, и противопоставляют данную общность другим, или даже всему остальному миру. Причем, «они», как правило, воспринимаются террористами как *«нелюди», не имеющие права на жизнь*. В этом случае террористы могут рассматриваться как религиозные фанатики, обладающие высшей и единственной истиной⁴. Деструкция становится для них самодовлеющей ценностью. Причем ответные, как правило силовые, действия со стороны общества лишь укрепляют целостность террористической группы, уменьшают разногласия внутри нее, создают им моральное алиби⁵. Следует отметить, что среди террористов выделяются и так называемые *террористы-идеалисты*, искренне убежденные в том, что они действуют во имя высших благородных целей, ради достижения некоего идеала⁶. Однако чем больше террорист предан идее, тем более он опасен для общества, тем разрушительнее последствия его деятельности.

Объектом террористических атак все чаще становится *Америка*, вызывающая зависть и ненависть у многих народов, чей уровень жизни значительно ниже американского. Английские авторы З. Сардар и М. Дэвис беспристрастно на большом фактическом материале показывают причины этой ненависти. «Америка... превратилась в предмет страха и отвращения,

¹ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 77–78.

² Лазарев Н.Я. Терроризм как тип политического поведения // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 34.

³ Психологи о терроризме (круглый стол) // Психологический журнал. Т. 16. 1995. № 4. С. 42; Терроризм: психологические корни и правовые оценки (круглый стол) // Государство и право. 1995. № 4. С. 22.

⁴ Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Феномен религиозного фанатизма // Феномен человека – вчера и завтра. Ростов-на-Дону, 1996. С. 225–532.

⁵ Терроризм: психологические корни и правовые оценки (круглый стол) // Государство и право. 1995. № 4. С. 23.

⁶ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 71.

основанного на конкретном опыте тех стран, которые испытали американское влияние...»¹. В числе многих других фактов они приводят подробный перечень (134 случая) вмешательств США в дела других стран за последнее столетие.

В современном западном обществе по-прежнему распространена такая форма деструктивной деятельности как **вандализм**². Причем многие исследователи констатируют, что за последние десятилетия в Европе и Америке происходит рост числа различных проявлений вандализма³. Финансовый ущерб от вандализма огромен. Э. Хаубер сообщает, что ежедневные материальные потери от вандализма в Нидерландах составляют 4 млн долларов⁴. В 1991 г. убытки Лондонского метро от вандализма составили 20 млн долларов, французских национальных железных дорог – 14 млн долларов. В последние десятилетия увеличился ущерб от граффити. По данным американских исследователей, в 1970 г. ущерб, связанный с устранением рисунков и надписей на станциях и в вагонах метро Нью-Йорка, оценивался в 250 тыс. долларов, в 1974 г. – 2 млн долларов⁵. В 1989 г. округ Лос-Анджелес, города Нью-Йорк и Сан-Франциско потратили на борьбу с этим явлением соответственно 50, 55 и 2 млн долларов⁶. Согласно Э. Голдштейну, общий ущерб от вандализма в США превышает 1 миллиард долларов. Убытки от вандализма только в американских школах составили в 1969 г. 100 млн долларов, а в 1990 г. – 600 млн долларов⁷. Все чаще встречается и аутодеструкция в таких формах, как **суицид** или деструктивные изменения личности вследствие **алкоголизма**, **наркомании** или **токсикомании**. Так, с начала 70-х годов XX в. продажа различных видов наркотиков (героина, кокаина, анаши и др.) выросла, по разным подсчетам, в 30, а то и в 50 раз. В США и в Европе их продается ежегодно на сумму 120–150 млрд долларов⁸. Причем наркодельцы сознательно способствуют распространению наркомании, ведь прибыль от продажи наркотических веществ составляет до 800%.

В конце XX – начале XXI вв. на Западе наблюдается рост деструктивной деятельности, что обусловлено не только указанными выше причинами, но и возросшими возможностями лиц, их совершающих. Деструктивная

---

¹ Сардар З., Дэвис М. Почему люди ненавидят Америку? М., 2003. С. 94.

² Скороходова А.С. Вандализм // Социологический журнал. 1999. № 3–4; Бандурка А.М., Зелинский А.Ф. Вандализм. М., 1996.

³ Hauber A.R. A Dutch Perspective on Some of the Effects of Alternative Sanctions // Crime, Law and Social Change. 1991. №15; Goldstein A. The Psychology of Vandalism. New York, 1996; Selosse J. Vandalism: Speech Acts // Vandalism: Behavior and Motivation / Ed. by C. Levy-Leboyer. Amsterdam, 1983; Cordess C., Turcan M. Art Vandalism // British Journal of Criminology. 1993. V. 33. №1.

⁴ Hauber A.R. Op. cit.

⁵ Abel E.L., Buckley B.E. The Handwriting on the Wall: Toward a Sociology and Psychology of Graffiti. Westport, 1977.

⁶ Brewer D.D., Miller M.L. Bombing and Burning: The Social Organization and Values of Hip Hop Graffiti Writers and Implications for Policy // Deviant Behavior. 1990. V. 11. № 4.

⁷ Goldstein A. The Psychology of Vandalism. New York, 1996.

⁸ Хорос В. Постиндустриальный мир – надежды и опасения (к постановке проблемы) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 9.

деятельность в информационном обществе Запада многолика, она принимает новые, неизвестные ранее формы. Разрушительные действия в современном обществе могут совершаться с использованием **информационного оружия**, поражающего сознание человека, разрушающего способы и формы идентификации личности по отношению к фиксированным общностям. Информационное оружие трансформирует матрицу памяти индивида, создавая личность с заранее заданными параметрами (тип сознания, искусственные потребности, формы самоопределения и т.д.)¹.

Серьезный разрушительный эффект в информационном обществе могут произвести **хакеры** – пользователи, осуществляющие действия, направленные на несанкционированное использование программного обеспечения или данных². В исследовании деятельности хакеров доминируют два подхода. Первый из них на основе критерия несанкционированного вторжения в информационную систему отождествляет хакерство с преступной деятельностью. С опорой на данный критерий проводится типология деятельности хакеров. Например, в классификации, разработанной на факультете информационной безопасности МИФИ, выделяются следующие типы хакеров³:

- **шутники** – осуществляют взлом компьютерной системы для достижения известности. Не склонны причинять серьезного вреда системе и выражают себя внесением различных юмористических заставок, вирусов с различными визуально-звуковыми эффектами (музыка, дрожание или переворачивание экрана, рисование всевозможных картинок);
- **фракеры** – осуществляют взлом интрасети в познавательных целях для получения информации о топологии сетей, используемых в них программно-аппаратных средствах и информационных ресурсах, а также реализованных методах защиты;
- **взломщики-профессионалы** – осуществляют взлом компьютерной системы с целями кражи или подмены хранящейся там информации. Для них характерна системность и организованность действий (исследование вычислительной системы с выявлением изъянов в ней, разработка программной реализации атаки и непосредственное ее осуществление). Разновидностью этой категории хакеров являются взломщики программного обеспечения и специалисты по подбору паролей;
- **вандалы** – осуществляют взлом компьютерной системы для ее разрушения, порчу и удаление данных, создание вирусов или «тroyанских коней».

Второй подход опирается на критерий мотивации при оценке деятельности хакеров: «человек, подсматривающий и ищущий (хакер),

---

¹ Поликарпов В.С. Философия безопасности. СПб. – Ростов-на-Дону – Таганрог, 2001. С. 132.

² Скородумова О.Б. Хакеры как феномен информационного пространства // Социологические исследования. 2004. №4. С. 73.

³ Милославская Н.Г., Толстой А.И. Интрасети: доступ в Интернет. Защита. М., 2000.

становится взломщиком, действующим корыстно (кракер), беспредельно разрушительно (кибертеррорист) или идейно (хактивист)»¹.

Субкультура хакеров формируется в 60-е гг. XX в., однако серьезный разрушительный эффект от их деятельности стал очевиден в 80–90-е гг. XX в. В этот период хакерское движение становится мощной силой, способной дестабилизировать общественные структуры. В настоящее время деструктивная деятельность хакеров значительно активизировалась. Так, в июле 2001 г. сетевой червь Code Red с огромной скоростью поразил 300 тыс. серверов Интернета во многих странах. Возникший под его воздействием непосильный трафик в сети фактически вывел ее из строя на 12 часов². Другой «бестелесный» (не образующий своего файла) сетевой червь Helkern (профессионально W32.Slammer) поразил более 200 тыс. серверов во всем мире³. По данным Computer Security Institute (Института компьютерной безопасности) ущерб от действий хакеров в 2001 г. составил 377,8 млн долларов против 265,6 млн долларов в 2000 г.⁴.

Современные телекоммуникационные сети можно использовать в том числе и для физического уничтожения человека при помощи компьютера. Известно, что в феврале 1999 г. в США зафиксирован первый в истории человечества случай, когда компьютер использовали для совершения убийства. Для физического уничтожения важного свидетеля, находившегося в госпитале под охраной ФБР, после применения двух неудачных попыток его ликвидации посредством оружия, преступники, наняв хакеров, через Интернет проникли в локальную сеть этого госпиталя и изменили режим работы кардиостимулятора и аппарата искусственной вентиляции легких, в результате чего пациент скончался. Его смерть была вполне естественной, как следствие несовместимого с жизнью ранения. И только потом, после анализа логических файлов провайдером, был сделан вывод, что был изменен режим работы кардиостимулятора⁵. То есть в настоящее время **компьютер может стать инструментом для совершения деструктивных действий**.

Изложенное выше позволяет сделать **вывод**, что в информационном обществе Запада деструктивная деятельность человека получает значительное распространение. Широко применяются такие ее формы, как **терроризм, вандализм, убийство, аутодеструкция**. Этому способствуют рост отчуждения, а также изменения, произошедшие в системе ценностей. В современном западном обществе формируется идеал независимой, автономной личности, сориентированной на карьеру и успех, зачастую измеряемый количеством денег. Человек там остро ощущает свое одиночество, изолированность и ненужность. В этих условиях ему важно доказать, что он

---

¹ Скородумова О.Б. Указ. соч. С. 71.

² Зуев А. Безопасность в виртуальном пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2003. №9. С. 13.

³ Там же. С. 14.

⁴ Скородумова О.Б. Указ. соч. С. 76.

⁵ Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Этика и технологии в начале XX века (философские эссе). Ростов-на-Дону – Таганрог, 2003. С. 82.

что-то собой представляет, он стремится быть замеченным, самореализоваться любым путем, в том числе и путем совершения деструктивных действий. Также следует отметить, что в информационном обществе негативные последствия деструктивной деятельности человека значительно возрастают в связи с изобретением новых видов вооружения, как смертоносных, так и несмертельных. Значительное распространение получают террористические акты. Деструкции подвергается окружающая среда, причем масштабы ее разрушения позволяют говорить о настоящей экологической катастрофе; распространяется вандализм, разрушаются памятники архитектуры и искусства. Таким образом, в информационном обществе Запада деструкция становится всеобщей и начинает угрожать существованию самого человека.

3.2. Деструктивная деятельность человека в информационном обществе Востока

Как известно, Восток и Запад представляют собой две во многом противоположные культурные традиции, два типа духовности. Эти традиции проявляют себя в образе жизни народов, их психологии, нравственных принципах, ценностных ориентациях, которые, в свою очередь, определяют специфику деструктивной деятельности человека. Проанализировав специфику деструктивной деятельности в информационном обществе Запада, перейдем к выяснению ее особенностей в информационном обществе Востока, для чего выделим его характерные черты. В данной работе деструктивная деятельность человека в информационном обществе Востока будет рассмотрена на примере наиболее развитых в экономическом отношении азиатских государств: *Японии* и так называемых «азиатских тигров» – *Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга и Китая*.

Восточное общество называют также *традиционным*, поведением индивидов там управляют *ценности, складывающиеся в течение веков*. Жизненный уклад таких обществ ориентирован на воспроизведение своего образа жизни как раз и навсегда данного. Именно образ жизни является для такого общества самоценностью. Обычай, привычки, взаимоотношения между людьми в них очень устойчивы, а личность подчинена общему порядку и ориентирована на его сохранение¹. Базовые ценностные ориентации, определяющие в том числе и специфику деструктивной деятельности человека, сформировались в восточном обществе в далеком прошлом. Еще в древности там сложился особый взгляд на мир, согласно которому *человек* пребывает *в существенной взаимосвязи с всеобщим*, не являясь ни экономической, ни нравственной монадой². В восточном обществе складывается *взаимозависимое представление о своем «Я»*: собственное «Я» определяется исходя из

¹ Моисеев Н.Н. Современный антропоцентризм и цивилизационные разломы (эколого-политологический анализ) // Социально-политический журнал. 1995. № 4. С. 63.

² Мамонова М.А. Запад и Восток: традиции и новации рациональности мышления. М., 1991. С. 67.

взаимоотношений с другими людьми и признания того, что собственное поведение часто обусловлено мыслями, чувствами и действиями других¹. В обществе данного типа ценятся связи и взаимная зависимость между людьми, а независимость и уникальность не одобряются. Отдельная личность практически полностью подчиняется обществу и государству. Люди, общество, группа воздействуют на жизнь их члена, прежде всего через его прикрепление к социуму, государству, социальному слою, типу деятельности, общественной функции. Попытка выйти за рамки позиции, определяемой как прикрепление к определенной клеточке общественного организма, пресекается силой². Однако такое единение человека с обществом не становится личностной трагедией, оно дает возможность понять всеобщую взаимосвязь и взаимозависимость³. Эти особенности сохраняются и до настоящего времени. Так, по мнению английского японоведа И. Бурумы, *Япония* до сих пор остается *группоориентированным обществом*⁴. Желания индивида подчиняются требованиям его группы. Концепция прав личности неохотно воспринимается в этой стране. Р.Д. Льюис характеризует японское общество как *«общество-паутину»*. «Общество-паутина, – пишет он, – это социум, в котором все его члены жестко взаимозависимы и между ними устанавливается строгая иерархия моральных и социальных обязанностей как по вертикали, так и по горизонтали»⁵. С детства в японцах развивается полная зависимость от близких им людей и воспитывается чувство взаимозависимости, которое остается с ними на всю жизнь. Взаимозависимость и иерархическое устройство общества эффективно препятствуют разрушению гармонии в группе. «Быть верным самому себе» или «защищать свою точку зрения» не относится к японским добродетелям. Человек должен участвовать в общественной игре, или его исключат из нее, что для большинства японцев означало бы смерть»⁶.

Следует отметить, что культурные ценности и традиции на Востоке в большей степени, чем на Западе, определяют структуру личности, организацию и поведение человека. То или иное решение может удовлетворять или не удовлетворять индивида, но он практически не имеет выбора: он должен

---

¹ Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб., 2002. С. 150.

² Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М., 1994. С. 111.

³ Именно об этом пишет тибетский мыслитель Лама Анагарика Говинда: «Тот, кто вступает на Путь Будды, должен отбросить любые мысли о «я» и «моё». Но это отбрасывание не обедняет нас, а напротив, обогащает, ибо отбрасываем и разрушаем мы стены нашего заточения, обретая взамен высшую свободу, которую не следует понимать просто как растворение в целом или как чувство идентичности с другими, но как восприятие бесчисленных и бесконечных взаимоотношений, в соответствии с которыми каждый индивидуум, по сути, связан со всем, что есть, вмещаая, таким образом, в своем сознании всех живых существ, принимая участие в их сокровенном переживании, разделяя их страдание и радость». [Лама Анагарика Говинда. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма. СПб., 1993, С. 148].

⁴ Buruma I.F. Japanese Mirror. Heroes & Villains of Japanese Culture. London, 1984.

⁵ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. М., 2001. С. 351.

⁶ Buruma I.F. Op. cit. P. 221.

*поступать так, как предписано традицией*¹. Традиция задается общению и деятельности людей как особого рода схема, переходящая из поколения в поколение, из опыта одного человека в опыт другого, из одной личностной формы в другую². Осваивая ее, человеческий индивид принимает определенную личностную форму. Он владеет собой как личностью в рамках той формы, которую ему определила традиция. В.Е. Кемеров пишет, что человек «надевает» на себя личность как одежду, как маску, в соответствии с которыми должен выполнять социальные обязательства, играть заранее предписанные роли»³. В восточном обществе ролевые функции во многом перекрывают самосознание личности. Человек осознает себя и воспринимается во многом в зависимости от той среды или сферы, в которой он в данный отрезок времени действует. Здесь человек рассматривается прежде всего как средоточие партикулярных обязательств и ответственности, вытекающих из его принадлежности к семье, общине, клану, религиозной общности и государству⁴. Следовательно, *от одного человека к другому переходят и представления об осуждаемых или одобряемых образцах деятельности*. И если в обществе осуждаются определенные деструктивные действия, индивид, совершивший их, может утратить принадлежность к своей общности, что будет для него самым страшным наказанием. Возможно, именно поэтому в традиционных обществах совершается меньше убийств, что подтверждается статистикой. Так, американский японовед Р. Долен приводит такие данные о числе убийств, совершенных в Японии и других развитых странах за 1986 г. Он пишет, что в пересчете на 100 тыс. человек населения их число составило: в Японии – 1,4 %, в ФРГ – 4 %, в Великобритании – 4,3 %, в США – 8,6 %⁵. Эти цифры достаточно убедительны и свидетельствуют о том, что групповые установки, сложившиеся в Японии, оказывают значительное влияние на поведение индивида и его склонность к деструктивной деятельности.

Одними из основных *ценностей* в обществе Востока являются *гармония* и *стабильность*, понимаемая как уверенность в неизменности природной и социальной среды. Склонность к гармонизации межличностных отношений, к поддержанию их бесконфликтности настолько глубоко вошла в жизнь японцев, что, «хотя любое общество не может в течение долгого времени терпеть антисоциальное поведение, Япония относится к числу тех обществ, которые особое значение придают социальным, а не сверхъестественным санкциям и подчеркивают пользу гармонии»⁶. Традиционно уроки гармоничных отношений дети получали в семье, где их обучали первым навыкам конформизма и неконфронтационности. Это было подготовкой к жизни и к участию в групповом труде. Работа в коллективе с другими людьми требовала

¹ Асп Э.К. Введение в социологию. СПб., 1998. С. 176-177.

² Кемеров В.Е. Введение в социальную философию. М., 1994. С. 111.

³ Там же.

⁴ Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1997. С. 242.

⁵ Dolan R.E. National Security // Japan: a Country Study / Federal Research div. Library of Congress. Washington, 1992. P. 468.

⁶ Ibid.

самоконтроля, следовало избегать конфронтации, особенно откровенной. Поведение должно согласовываться с другими членами группы. Успех приходил только тогда, когда группа действовала единодушно. Для достижения согласия решения принимались только после консультации со всеми участниками коллектива. Стиль консультативного принятия решений создавал **атмосферу общей ответственности**, чувства добровольной **сопричастности**, что позволяло устранять ощущения недобровольного участия в деле. **Возможности для конфронтации и деструктивного поведения индивидов устранялись** как за счет установки на групповой конформизм и давление группы, так и благодаря тому психологическому дискомфорту, который испытывали члены коллектива в случае несоблюдения ими принципа гармонии¹.

Как видим, в обществе Востока человек не мыслит себя вне группы. Именно в группе индивид обладает социальными правами и обязанностями, от группы он получает ценную эмоциональную поддержку. Группе не должно быть стыдно за поведение ее члена². **Осуждение со стороны группы** в случае совершения деструктивных действий, не одобряемых ею, воспринимается человеком традиционного общества как **самое страшное наказание**. В силу этого деструкция, направленная на представителей своей общности, под которой часто понимается не только малая социальная группа, но и «своя страна», достаточно редко встречается в восточном обществе. Также крайне редко разрушительная деятельность оказывается направленной на природную среду, ведь для восточных цивилизаций характерна **космоцентрическая картина мира**, в которой человек считается частью природы.

Поскольку информационное общество Востока является группоориентированным, то осуждение со стороны общности, к которой принадлежит человек, воспринимается им как самое страшное наказание. Индивиду очень важно ощущать себя неотъемлемой частью общности. Он никогда не противопоставляет себя ей, а следовательно, и не стремится разрушить существующие социальные отношения. Основными ценностями в восточном обществе являются гармония и стабильность. Именно поэтому там выработаны особые правила бесконфликтного существования, исторически сложилась высокоэффективная система социального контроля и регуляции поведения индивидов. Особое развитие в таком обществе получили **механизмы сдерживания или переориентации деструкции**. С одной стороны, они превратились в ряд нормативных ритуальных требований, позволяющих устранить возможность возникновения ситуаций, в которых проявлялась бы деструкция. С другой, они привели к возникновению такого типичного для обществ Востока явления, как **аутодеструкция** в крайней ее форме – в форме самоубийств, которые там достаточно распространены. Отношение к суициду в восточных обществах совершенно особое: оно воспринимается как проявление

---

¹ Корнилов М.Н. Насилие и агрессия в контексте японской культуры // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Природа насилия. Ежегодник РАН ИНИОН. М., 1995. С. 102–103.

² Dolan R.E. Op. cit. P. 468.

силы воли человека, его самообладания. О самоубийстве в традиционных обществах уже говорилось в параграфе 2.3. Следует, однако, отметить, что сформировавшееся в период древности и средневековья, *романтическое отношение к самоубийству* сохранилось на Востоке до настоящего времени. Американский культурантрополог Р. Бенедикт отмечает, что японцы воспринимают самоубийство как почетную и значимую акцию. В некоторых случаях это самый почетный и полный смысла путь для исполнения «гири» (долга) своему имени. «Должник, не выполнивший свои обязательства ко дню Нового года, чиновник, совершающий самоубийство в знак признания своей ответственности за какой-то несчастный случай, любовники, отмечающие печатью двойного самоубийства свою безнадежную любовь, патриот, протестующий против затягивания правительством начала войны с Китаем, – все они, как провалившийся на экзаменах мальчишка или избежавший пленения солдат, обращают последнее насилие на себя»¹. «Тема самоубийства, – пишет далее Р. Бенедикт, – обсуждается ими так же часто, как и американцами – тема преступности, и у них, как и у американцев, в этом случае срабатывает механизм замещения. Они предпочитают останавливаться не на убийстве других, а на фактах самоуничтожения личности. Из этого... они делают свой излюбленный «страшный случай» (flagrant case). С его помощью удовлетворяется потребность, которая не может быть реализована через акцентирование внимания на других актах»². Как видим, в информационном обществе Востока, коим является японское, достаточно часто совершаются аутодеструктивные акты. Например, в 1997 г. в Японии было зарегистрировано 23 502 самоубийства (14,5 на 100 000 человек), для сравнения – в Великобритании – 6,8 на 100 000, в США – 10,4³. Причем к самоубийству в Японии относятся как к высшему и последнему волеизъявлению человека, оно считается демонстрацией мужества.

Как известно, информационное общество начинает формироваться в странах Восточной Азии во второй половине XX в., причем за сравнительно короткий промежуток времени этим государствам удалось не просто преодолеть отсталость от стран Запада, но и выйти по ряду экономических показателей на ведущие позиции в мире. В основе восточной модели развития информационного общества лежат *идея сотрудничества государства и рынка и попытка установить связь между традиционными культурными ценностями и социальными трансформациями*. Стремительное развитие данного региона побуждает исследователей обратить пристальное внимание на причины данного явления. Как отмечает Е.А. Брагина, успешное развитие этих государств стало возможным благодаря использованию модели «летающие гуси», чья суть состоит в механизме передачи импульсов от страны-лидера (Японии) к следующим за ней Южной Корее, Тайваню, Гонконгу, Сингапuru и

¹ Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston, 1946. P. 166.

² Ibid. P. 167.

³ Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Э.Г. Круга, Л.Л. Дальберг, Д.А. Мерси, Э.Б. Зви, Р. Лозано. М., 2003. С. 324–329.

другим новым индустриальным странам Восточной Азии¹. Большинство авторов сходятся во мнении, что успешная модернизация азиатских государств во многом обусловлена двумя факторами: *наличием сильного государства и приверженности ценностям традиционной, в частности конфуцианской, культуры*². Так, в основе успеха Сингапура, который стал первым в мире государством цифровых технологий, лежат «сотрудничество государства и рынка и попытка установить связь между культурными ценностями, свойственными конфуцианству (рабочая дисциплина, упор на образование, бережливость, семейные ценности: преданность, доверие и взаимопомощь на базе признания авторитета), и социальными трансформациями»³. Не следует забывать и значимость таких философских принципов азиатского мышления, как принципы *сосуществования* и *сопрощетания*, разделяемой всеми радости роста и ведущей роли государства, способного институционализировать эти принципы. В общем оказывается, что модель построения информационного общества в Азии исходит из национальных и культурных корней и собственного критерия социального прогресса, не соответствующего западному критерию.

Как уже было сказано, основой стабильного существования и успешного развития восточных обществ является следование принципам конфуцианства. В отечественном востоковедении *конфуцианство* расценивается как чрезвычайно сложное для осмысления европейцами явление. Уместно упомянуть высказывание крупнейшего отечественного синоведа, академика В.М. Алексеева, который, отмечая «готовность углубиться в вопросы китайской религии», писал: «Однако синология на конфуцианстве, по-видимому, потерпела аварию, ибо в европейские мерки религиозных идей это учение уложить трудно. С одной стороны, это как будто религия, ибо обладает храмом, статуарием, культом; с другой же – как будто и не религия, ибо не имеет самого для религии существенного: бога и его незримого вмешательства в жизнь верующего человека»⁴. Л.С. Васильев так определяет сущность конфуцианства: «Не будучи религией в полном смысле слова, конфуцианство стало большим, нежели просто религия. Конфуцианство – это также и политика, и административная система, и верховный регулятор экономических и социальных процессов – словом, основа всего китайского образа жизни, принцип организации китайского общества, квинтэссенция китайской

---

¹ Брагина Е.А. Модель развития новых индустриальных стран // Вестник РАН. 1998. Т.68. №1.

² The East Asian Welfare Model. Welfare Orientalism and the State / Ed. by R. Goodman, G. White and Huck-ju Kwon. New York, 1998; Кайкэ Ч. Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии. М., 2001; Баскакова М. Японская экономическая модель // Мировая экономика и международные отношения. 2004. №1. С. 98–106.

³ Вершинская О.Н. Существующие модели построения информационного общества // Информационное общество. 1999. № 3. С. 57–58; Менкхофф Т. Сингапур: азиатский город мирового значения между глобализацией и возрождением автохтонной модели культуры // Politekonom. 1997. №3–4.

⁴ Алексеев В.М. Китайская литература. Избр. труды. М., 1978. С. 345.

цивилизации»¹. Конфуцианство оказывает определяющее воздействие на производственную, общественно-политическую, духовную и семейно-бытовую сферы жизнедеятельности восточного общества на двух уровнях – не только на общественном, но и на личном. Конфуцианство синтетично: за два с половиной тысячелетия своего развития оно испытало серьезное воздействие легизма, буддизма, даосизма и многих других школ и направлений религиозной мысли не только Китая, но и Кореи, Вьетнама, Японии.

Главной в учении Конфуция была проблема *поиска оптимальных форм организации общества*, точнее, проблема того, какими качествами должны обладать управляющие и управляемые для того, чтобы в стране царили порядок и спокойствие. Древневосточные мыслители и более всего Конфуций исходили из многовековой ориентации на острые этико-политические и социально-административные проблемы, что позволило «хорошо осознать непростую (на уровне их знаний и понимания) социологическую истину, согласно которой общество – прежде всего нечто упорядоченное и потому обязанное подчиняться системе общепринятых условностей, обязательных правил поведения и норм жизни, закрепленных в устойчивых и автоматически реализуемых стереотипах»². Прообразом идеальной общественной организации Конфуций считал *семью*, поэтому стабильность общества, по его представлениям, основана на отношениях неравенства между людьми точно так же, как и в семье. Подобные представления уменьшают уровень деструктивности в восточных обществах, так как человек, с одной стороны, не одержим стремлением повысить свой социальный статус, а с другой, семья является основой стабильности и безопасности индивида. В.В. Малявин следующим образом характеризует причину необычайной устойчивости китайского общества: «Государство и весь мир рассматривались как подобие живого тела, и одним из главных свойств мудрого правления считались проницаемость, «проходимость» (*тун*) всех каналов циркуляции «жизненной энергии» в мире – как в природе, так и в обществе. Положение индивида приравнивалось к его врожденному уделу. В следовании своему уделу, утверждали идеологи империи, все люди равны, несмотря на неравенство их положения. Идеальное общество должно было функционировать совершенно естественно; жизнь в нем следовало устроить по образцу муравейника или пчелиного улья. Мудрость же правителя в том и заключалась, чтобы «сполна использовать» природные задатки каждого. А поскольку любое действие имеет символический смысл и те, кто понимает его, будут обладать властью, в мире вечно будет существовать разделение на управляющих и управляемых»³. Именно это *использование способностей каждого члена общества* и позволило восточным государствам в короткий срок модернизировать экономику. Как видим, данные ценности обладают антидеструктивным потенциалом.

---

¹ Васильев Л.С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М., 1983. С. 282.

² Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли. М., 1989. С. 51.

³ Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000. С. 108.

Кроме того, в конфуцианстве четко сформулирован смысл **нравственной ответственности человека** перед самим собою и перед обществом. Мораль, по Конфуцию, коренится в присущей человеку воле к самосовершенствованию, «преодолению себя» (*кэ цзи*), что означает устранение эгоистических наклонностей и воспитание способности к самооценке¹. Человек, жестко интегрированный в систему социальных отношений, воспринимался не как личность, а как социальное лицо. Лицо – качество не врожденное, а приобретенное, и его можно потерять помимо своей воли. В рамках этики лица, как отмечает В.В. Малявин, человек, по существу, не мог вступать в соперничество с другими и вообще преследовать каких-либо целей «для себя». Способом защиты индивида от репрессивного характера этики «лица» традиционно служила готовность признать собственное несовершенство и даже свою вину за проступки тех, от кого зависит признание лица данного человека². Отсюда характерное для восточных цивилизаций настойчивое и даже агрессивное утверждение **скромности** и **бескорыстия** в качестве едва ли не высших человеческих добродетелей. Отсюда и традиционная формула благонравного поведения: «Все доброе приписывать другим, все дурное брать на себя». Таким образом, конфуцианская традиция способствовала **формированию нормативного поведения и общественному конформизму**, которые, с одной стороны, способствуют успешной модернизации восточных обществ, а с другой, уменьшают склонность человека к деструктивной деятельности.

Склонность к нормативному поведению и преданность группе способствуют успешной работе современных предприятий в странах Востока. Как отмечает Р.Д. Льюис, многие японские компании являются классическими образцами реализации конфуцианской традиции. Здесь наблюдается **патерналистское отношение к подчиненным и их иждивенцам**, соблюдается обязанность руководства заботиться о персонале, культивируется лояльность низов по отношению к верхам, а повиновение им и слепая вера в них еще более сильны, чем в самом Китае. **Группа** расценивается как **святыня**, а доброжелательность ее лидеров к подчиненным составляет суть восточных представлений об организации³. Японцы чрезвычайно преданы компании, в которой они работают, грани между жизнью и работой для них не существует. Их преданность компании вознаграждается пожизненным наймом и регулярным продвижением по службе⁴.

Для успешного бесконфликтного существования, устраняющего конкуренцию, конфронтацию и проявления деструктивности, в восточных обществах сформировались **особые правила формирования иерархических структур**. Например, в Японии, как отмечает М.Н. Корнилов, в них доминируют и их возглавляют средние личности, склонные к сотрудничеству и

---

¹ Там же. С. 196.

² Там же.

³ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999. С. 123.

⁴ Там же. С. 358.

не вызывающие зависти. Продвижение по службе осуществляется на основе критериев старшинства, а не способностей человека. Это создает «чувство безопасности», возвращенное не за счет утверждения силы в конкурентной борьбе или за счет доминирования более одаренных людей в группе, а за счет преодоления конкуренции, достижения консенсуса, исключения агрессивной конфронтации, которая иногда побуждает людей к деструкции. Группа «шаблонизируется», но это позволяет ей устранять конфликты и деструктивные порывы отдельных индивидов и гарантировать стабильность и устойчивость¹. Следует отметить, что на Востоке модели взаимоотношений между людьми отношения общения столь значимы, что отдельные индивиды могут быть поняты как «ансамбли» или «совокупности» их связей. В западном же обществе связи между индивидами не только слабы, но и враждебны, «организуемы» посредством конкуренции, борьбы за власть, влияние. Представители восточных культур почти *не тратят сил на борьбу между собой и с природой*, предпочитая концентрировать свои силы на позитивное творчество². Это объясняет значительно меньшую, чем на Западе, распространенность деструктивной деятельности человека.

Японию, Китай, Тайвань, Сингапур, Корею, по мнению Р.Д. Льюиса, следует отнести к группе *реактивных*, или *слушающих*, культур, представители которых редко иницируют действия и дискуссии, предпочитая сначала выслушать и выяснить позицию других, затем откликнуться на нее и сформулировать свою собственную³. Носители реактивной культуры интровертны. В реактивных культурах лидеры ориентированы на людей, они управляют ими с помощью знания, терпения и спокойного контроля. Они проявляют скромность и вежливость, несмотря на их признанное превосходство. Они отличаются своим умением создавать гармоничную атмосферу для работы в команде. Японцы, например, в большинстве случаев искусно поддерживают *гармонию* и *миролюбие* в социальных отношениях, по крайней мере, внешне. Они подавляют любые явные формы внутригрупповых разногласий, не говоря уже о деструкции. Эта установка существует и на нормативном уровне, и в формальном ролевом поведении. Она реализуется социокультурными средствами, цель которых – устранение деструктивных устремлений и создание нужной для коллектива эмоциональной атмосферы единства и согласия. Именно сильный контроль за деструктивной деятельностью как на групповом, так и на общественном уровне является основой для поддержания ориентации на гармонию и согласие. Этот контроль нередко приобретает форму самоконтроля.

---

¹ Корнилов М.Н. Насилие и агрессия в контексте японской культуры // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Природа насилия. Ежегодник РАН ИНИОН. М., 1995. С. 97.

² Лапина З.Г., Шилин К.И. Культура конфуцианства и судьбы предпринимательства (Размышления по поводу монографии Чэнь Кайкэ «Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии») // Безопасность Евразии. 2002. №1. С. 484–485.

³ Льюис Р.Д. Указ. соч. С. 72.

Традиции конформизма и установка на неконфронтационность поведения способствовали формированию в информационном обществе Востока особой модели деловой организации – *сетевого предприятия*. Это специфическая форма предприятия, система средств которого составлена путем пересечения сегментов автономных систем целей. Сетевое предприятие составляет материальную основу культуры в информационной экономике: оно превращает сигналы в товары, обрабатывая знания¹. Фундаментальная общая тенденция развития систем бизнеса Юго-Восточной Азии состоит в том, что они основаны на сетях, хотя и на различных их формах². В Японии деловые группы организованы вокруг сетей фирм с взаимным участием в собственности (*kabushiki tochiai*), в которых главными компаниями руководят менеджеры³. Корейские сети – чеболы (*chaebol*) намного более иерархичны, чем их японские двойники. Их основная особенность заключается в том, что все фирмы в сети контролируются центральной холдинговой компанией, которая принадлежит индивиду и его семье. Семья-основательница поддерживает жесткий контроль путем назначения членов семьи, друзей из регионов и просто близких друзей на высшие управленческие посты во всех компаниях чебола. Внутренние отношения в чеболах – это дело скорее дисциплины, чем кооперации и взаимопомощи⁴. Китайская организация бизнеса основана на семейных фирмах и кросс-секторных деловых сетях, часто контролируемых одной семьей. Ключевой компонент китайских деловых организаций – это семья. Фирма является семейной собственностью, и доминантная ценность касается семьи, а не фирмы. Когда процветает фирма, процветает и семья⁵. Восточно-азиатская экономическая организация, без сомнения, наиболее успешная в мировой конкуренции последней трети XX в., основана на деловых сетях, как формальных, так и неформальных. Следует также отметить, что заимствование положительного западного опыта легко впитывается доктриной восточного учения о необходимости доминирования восточного духа (предков-Природы), что предусматривает в то же время смену материальных институтов (в данном случае из арсенала Запада)⁶. Особая модель организации восточного общества, ориентация на гармонию, миролюбие и стабильность позволяют минимизировать негативные последствия деструктивной деятельности человека.

Наряду с прочими факторами, успехи в сфере информационных технологий на Востоке обусловлены *спецификой мышления* и *иероглифической письменностью*, распространенной там. Уже сейчас в связи с широким распространением визуальной информации (она подобна

---

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 172.

² Там же. С. 175.

³ Там же. С. 176.

⁴ Там же. С. 178.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Лапина З.Г., Шилин К.И. Культура конфуцианства и судьбы предпринимательства (Размышления по поводу монографии Чэнь Кайкэ «Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии») // Безопасность Евразии. 2002. №1. С. 479.

идеографическому письму дальневосточной цивилизации) обнаруживаются ее преимущества перед передачей информации фонематическим алфавитом, каковым является латиница (в том числе английский алфавит). К таковым относятся, во-первых, экономия времени по сравнению с использованием английского языка в программном обеспечении, во-вторых, визуальные изображения гораздо быстрее, чем фонетические символы, воспринимаются человеческим мозгом, представляющим собой хранителя и процессора информации, в-третьих, понимание таких символов является межкультурным. Иероглифическая система в цифровую эпоху имеет значительные «сравнительные культурные преимущества» перед письменными фонетическими системами Запада¹.

Таким образом, ведущие страны Востока в последние десятилетия совершили значительный скачок в своем развитии, став одними из наиболее развитых в мире. Причем это стремительное развитие не явилось результатом слепого копирования западных технологий и ценностей, а стало следствием творческого применения ряда западных принципов с опорой на собственные традиции. Именно традиционные черты восточных цивилизаций, такие как наличие сильного государства, приоритет общества над личностью, взаимозависимость и группориентированность, стремление к гармонии и стабильности, стали залогом успешной модернизации. Именно традиционные ценности способствуют и относительно низкому уровню деструктивности в восточных обществах.

Вместе с тем *информатизация* и *глобализация* привели к возникновению в данных обществах и *новых проблем*. Несмотря на сильное чувство коллективной идентичности и традиционное культурное подчинение индивида семье, в связи с переходом к информационному обществу на Востоке начался *поиск новой идентичности*. Термин «идентичность» употребляется по отношению к странам и группам, которые определяются в смысле этнической, религиозной принадлежности или национальной гордости². Люди должны добровольно идентифицировать себя с теми ценностями и символами, которые определяют идентичность. Все исследователи сходятся в том, что национальная и политическая идентификация происходит лишь в процессе взаимодействия с объектами, обладающими иными, отличными от субъекта характеристиками («мы» – «они»). Вопрос идентификации встает, как правило, в ситуации, когда происходит давление «чужих» ценностей. Именно это и происходит сейчас в обществах Востока, испытывающих существенное давление со стороны Запада, его ценностный ориентиров и норм. В настоящее время на переосмысление японской идентичности оказывает влияние «слоистая» структура нескольких геополитических конфигураций Азиатско-Тихоокеанского региона. Во-первых, это военно-политический союз с США. Во-вторых, это соперничество США, России и Китая в регионе. В-третьих, «четыреугольник» интеграционных устремлений старых и новых

---

¹ См.: East Asia by the Year 2000 and Beyond / Ed. by W. Pape. New York, 1998. P. 24–25.

² Cerutti F., Enno R. A Soul for Europe. V. 1. Leuven, 2001. P. 2–3.

экономических лидеров – Японии, США, НИС-АСЕАН, а также Китая¹. Уже по причине весьма существенных различий в идентичности и политических целях стран, входящих в эти геополитические альянсы, японская идентичность испытывает разновекторное давление. Как известно, **кризис установленных образцов идентичности способствует росту деструктивной деятельности человека**. Так, в Японии поиски новой идентичности привели к появлению **крайне левых группировок** «Тюкаку-ха» («Фракция ядра») и Какумару-ха («Фракция марксистов-революционеров»), стремящихся **путем совершения деструктивных действий** добиться отмены императорской системы правления в Японии. В ноябре 1990 г., например, экстремисты приурочили к вступлению на «хризантемовый престол» императора Акихито поджоги по всей стране десятков синтоистских храмов. А в 1986 г. во время токийского совещания глав государств «большой семерки» экстремисты, несмотря на усиление мер безопасности, смогли выпустить из самодельных минометов, сооруженных из обрезков труб, пять зарядов по императорскому дворцу Акасака в центре столицы, где заседали члены «семерки»².

В последние десятилетия серьезной проблемой на Востоке становится **терроризм**, затронувший даже ранее благополучные в этом отношении государства, в частности Японию. В.И. Киселев отмечает, что рост терроризма на Востоке связан с процессом глобализации, с последствиями вмешательства Запада³. До середины 90-х гг. XX в. террористическая опасность в Японии практически отсутствовала. Истинную опасность террора в этой стране в полном объеме продемонстрировала секта «Аум Синрикё». Страна была потрясена организованными ею газовыми атаками – сначала в городе Мацумото (1994), а затем 20 марта 1995 года в токийском метро. В результате 19 человек погибли, а тысячи получили отравление нервно-паралитическим газом зарин⁴.

Распространение виртуальных технологий способствовало возникновению в информационном обществе Востока **хакерства**, обладающего существенным деструктивным потенциалом. Исследователи отмечают, что азиатский (китайский, японский, сингапурский) тип хакера значительно отличается от европейского⁵. Для него характерны доминирование коллективистского начала, приоритет общественных целей над личными, авторитет власти и иерархии, рассмотрение их как явлений, определяемых естественно-природными, космическими закономерностями, ориентация на семейный характер отношений во всех структурах общества (в корпорации, в государстве), приоритет этических отношений перед стремлением к экономической выгоде (главное – «не потерять лица»), установка на

---

¹ Чугров С. Япония: вновь в поисках идентичности? // Мировая экономика и международные отношения. 2003. №12. С. 76.

² Аслаханов А.А. Эволюция мирового терроризма. М., 2003. С. 141.

³ Киселев В.И. Некоторые аспекты терроризма на Ближнем Востоке // Терроризм – угроза человечеству в XXI веке / Отв. ред. Р.Б. Рыбаков. М., 2003. С. 106.

⁴ Аслаханов А.А. Эволюция мирового терроризма. М., 2003. С. 141.

⁵ Скородумова О.Б. Хакеры как феномен информационного пространства // Социологические исследования. 2004. №4. С. 77.

достижение консенсуса (конформизм)¹. Следует отметить, что хакеры оказывают существенное деструктивное воздействие на информационное общество Востока. Так, в результате распространения компьютерного вируса *Nelkern* больше всего пострадали как раз страны Юго-Восточной Азии и Япония. Работа Интернета в Южной Корее была полностью парализована, а экономический ущерб от этого был столь велик, что только страховые выплаты превысили 800 млн. долл. Сводный корейский биржевой индекс KOSPI упал только за один день на 2,7%. В Японии вышла из строя международная сотовая связь, так как передача голоса осуществляется через Интернет². Таким образом, высокоразвитые общества Востока испытывают в настоящее время серьезные проблемы, вызванные разрушительной деятельностью хакеров.

Итак, в информационном обществе Востока деструктивные действия, направленные на представителей своей общности, своей страны или на природную среду, встречаются намного реже, чем на Западе. Совершение таких действий противоречит ценностям гармонии, стабильности, неконфронтационности, существующим в обществе данного типа. Однако, не находя выхода вовне, деструктивность часто направляется индивидом на самого себя, и он совершает самоубийство. Аутодеструкция достаточно распространена в информационном обществе Востока, причем сам акт суицида окружается романтическим ореолом, прославляется в литературе и искусстве, что также способствует его распространению. Реалии информационного общества привели к возникновению на Востоке таких видов деструктивной деятельности, как терроризм и хакерство. Их распространение является следствием глобализации и произошедшего под ее влиянием кризиса идентичности, характерного для населения ряда высокоразвитых восточных обществ. Информатизация делает общество Востока более уязвимым перед деструкцией и заставляет обращать особое внимание на проблему собственной безопасности.

3.3. Деструктивная деятельность человека в трансформирующемся обществе России

Особую распространенность деструктивная деятельность человека получила в современной России, что обусловлено сложностью процессов в социально-экономической и политической сфере. В последнее десятилетие XX века Россия вступила в период радикальной трансформации, сопровождавшейся глубоким цивилизационным кризисом. Под *трансформацией* понимается процесс существенного изменения социетальной системы, который характеризуется качественными изменениями

---

¹ Скородумова О.Б. Социокультурные функции Интернета и особенности их реализации в современной России. М., 2003.

² Зуев А. Безопасность в виртуальном пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2003. №9. С. 14.

системообразующих элементов, многовекторностью и относительно высоким темпом их реализации, а также повышенным влиянием субъективных факторов¹.

В.В. Локосов выделяет следующие сущностные характеристики процесса трансформации²:

- Системный характер изменений, т.е. качественно **меняются системообразующие элементы**, что отличает трансформацию от реформ, реорганизации, перестройки, реконструкции;
- **Отсутствует отчетливо поступательная, положительная направленность изменений**, что отличает трансформацию от развития, прогресса, революции, модернизации, когда позитивный вектор перемен как бы объективно задан. В случае с трансформацией риск непредсказуемости последствий настолько велик, что деструктивные последствия могут перевесить конструктивные.
- **Относительно быстрый темп изменений**, что отличает трансформацию от еще более бурного темпа революционных изменений и медленного темпа эволюционных перемен.
- **Повышенная роль в трансформации субъективных факторов**. В этом смысле трансформация отражает смещение естественно-исторических процессов в сторону социально-исторических, возвращая нас к известному тезису К. Маркса о том, что дело заключается не только в объяснении мира, но и в изменении его. Реализация трансформации принципиально альтернативна, т.е. не только тактически, но и стратегически трансформация в большой мере зависит от индивидуальных, групповых интересов. Трансформация более управляема, чем стихийная революция или естественно-историческая эволюция.

Т.И. Заславская указывает, что трансформационные процессы охватывают все уровни общественной вертикали: общенациональный, региональный, локальный, групповой, индивидуальный. При этом по мере спуска на нижние «этажи» подконтрольность этих процессов центральной власти снижается³.

Россия сегодня испытывает вызовы **глобализации**⁴. Однако специфика ее положения заключается в том, что в настоящее время перед нашим обществом стоят модернизационные задачи, решение которых традиционно связано с укреплением национального государства. «Восприняв ценность национального в период глобального кризиса национально-государственной парадигмы, российское общество... разрывается между потребностью модернизации... и необходимостью адаптации к «постмодерным», глобальным тенденциям

---

¹ Локосов В.В. Трансформация российского общества (социологические аспекты). М., 2002. С. 41.

² Там же.

³ Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. 2002. №8. С. 8.

⁴ Глобализация и Россия: проблемы демократического развития. М., 2004.

мирового развития»¹. В итоге нарушается единство национальных и цивилизационных компонентов российской идентичности. От того, каким образом и когда оно будет восстановлено, во многом зависят перспективы российской национальной государственности и устойчивого экономического развития².

Несмотря на то, что в России широко применяются информационные технологии, по мнению Ф.С. Тумусова, «Россия пока остается в стороне от общемирового движения к постиндустриальному информационному обществу». Налицо существенное отставание России от развитых стран Запада и Востока по целому ряду существенных показателей.

В сборнике «Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 г.» приводится таблица соотношения предельно критических и реальных показателей развития российского общества в 2000 г.³. Целый ряд из них свидетельствует о угрожающей распространенности деструктивной деятельности человека в нашей стране. Приведем отдельные выдержки из данной таблицы.

Таблица 1

**Соотношение предельно критических и реальных показателей развития
российского общества в 2000 г.**

Название показателя	Предельно критическое значение в мировой практике	Величина показателя в 2000 г. в Российской Федерации	Вероятные социально-политические и экономические последствия
Уровень потребления алкоголя	8 л абс. алкоголя на человека в год	14,5 л абс. алкоголя на человека в год	физическая деградация населения
Число суицидов на 100 тыс. населения	20	40	Фрустрация массового сознания
Уровень распространенности психической патологии на 1000 чел.	284 (1992), 360 (2010, оценка), (выборочные исследования по 25 странам мира)	280 (1992) 354 (2010, оценка)	Разрушение личности

¹ Пантин В.И., Лапкин В.В. Проблемы и перспективы трансформации национально-цивилизационной идентичности современного российского общества // *Общественные науки и современность*. 2004. №1. С. 62.

² Семененко И.С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. // *Политические исследования*. 2004. №1. С. 101.

³ Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 г.: В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Локосова. М., 2001. С. 13.

Количество **убийств** и покушений на убийство в России неуклонно растет. Так в 2000 г. их число составило 31 829¹. Причем резко возросла жестокость самих убийств, появились новый вид преступления – **заказное убийство** – и такой новый вид преступника, как **наемный убийца (киллер)**. Серьезным фактором, дестабилизирующим политическую ситуацию в стране, стал **терроризм**. Причем эффективность борьбы с ним в настоящее время очень низка. Очевидно, что для зомбированных террористов-смертников никакое наказание не страшно, а организаторы террора практически недосыгаемы для правосудия. Раскрываемость преступлений, квалифицируемых как терроризм, остается крайне низкой. В 2002 г. в России расследовалось 518 случаев терроризма, завершено расследование лишь 16,6% преступлений, из которых 4% совершены организованными преступными формированиями. Общеизвестно, что на современном этапе террористов-одиночек почти нет. Нераскрытые организации продолжают действовать, подставляя недовольных под пули и уголовное наказание². Итак, деструктивная деятельность осуществляется в разных сферах жизни современного российского общества, причем ее последствия настолько катастрофичны, что ставят под угрозу само существование страны.

Рост деструкции в России обусловлен целым рядом взаимосвязанных факторов. К важнейшим из них относится **ценностно-нормативный кризис**, характерный для современного российского общества. Как известно, ценности играют важную роль в жизни общества и человека. Именно они в большей мере мотивируют человеческую деятельность, направляют и обосновывают действия социально-политических субъектов и рядовых граждан. Целостная, устойчивая и непротиворечивая система ценностей – залог внутреннего социального мира и мира международного³. История подтверждает, что в переломные периоды развития общества одна часть ценностей неизбежно деформируется, а другая продолжает оставаться наиболее консервативной, не поддающейся воздействию новой реальности. Носители таких ценностей, как правило, отторгают новые ценности как неприемлемые для них.

Современная **система ценностей** российского общества **не имеет целостного характера**. Идеологизированные мировоззренческие ориентиры, которыми гордилось «общество победившего социализма», оказались размытыми. Привычные механизмы социализации были разрушены в ходе демонтажа прежних институтов, не отвечавших требованиям рыночной экономики. Изменился вектор развития, жизненные перспективы потеряли былую определенность. Исчезла само возможность соотнесения себя (пусть даже на уровне фактического неприятия, как это было характерно для многих представителей последнего советского поколения) с устойчивой системой

---

¹ Там же. С 59.

² Лунеев В.В. Политическая, социальная и экономическая несправедливость в мире и терроризм // Общественные науки и современность. 2004. №3. С. 87.

³ Чудинова И.М. Социально-политические ценности современного российского общества: проблемы их обновления и усвоения // Социально-гуманитарные знания. 2003. №5. С. 3.

ценностей и представлений¹. Приспособление постсоветского общества к новым условиям происходило на уровне индивидуальных жизненных практик, а не стратегии национального развития. Вынужденная ориентация на выживание, глубокий кризис государства и экономический спад способствовали формированию в российском социуме «идентичности отрицания», основанной на негативном позиционировании относительно любого известного опыта, в том числе своего собственного. Будучи психологической реакцией на кризисную ситуацию, подобные процессы в массовом сознании могут рассматриваться и как специфическая форма адаптации к трудностям и противоречиям модернизации².

Современное российское общество является *ценностно-неоднородным*, в нем налицо ценностное размежевание элитных и массовых групп. Такие ценности, как образованность, профессионализм, права человека, личное достоинство, активно осваиваются и реализуются преимущественно представителям элит. В массовом сознании по-прежнему сохраняется приверженность патернализму, когда люди предоставляют государству все полномочия в выборе методов обеспечения порядка³. Следует отметить, что в истории России *интересы личности* всегда оказывались на периферии общественного внимания. Самодовлеющим фактором идентификации было коллективное, а не индивидуальное начало. Это обстоятельство затрудняло выделение границ личного в политическом и социальном пространстве. Высшим олицетворением коллективного начала выступало государство⁴. В настоящее время для значительной части населения роль существенного фактора интеграции и самоидентификации продолжают играть такие ценности, как государственность, державность, коллективизм, равенство и социальная справедливость. Параллельно с традиционными ценностями актуализируются и усваиваются ценности, порожденные проводимыми в стране преобразованиями, а именно: свобода, индивидуализм, частная собственность, права человека, толерантность и др. Неоднозначно воспринимаются и такие ценности, как свобода, рынок, демократия, конкуренция, стабильность на уровне элитного и массового сознания. Нет единства в восприятии ценностей общественным сознанием в целом. Это породило раскол российского общества по базовым ценностям, который уже длительное время не позволяет обеспечить стабильность политической системы и общества⁵. Отсутствие единой системы ценностей осложняет процессы идентификации россиян и способствует росту деструктивной деятельности, поскольку в отличие от обществ Востока в России не выработано единой точки зрения по вопросу о допустимости деструкции.

---

¹ Семенов И.С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI в. // Политические исследования. 2004. №1. С. 102.

² Там же. С. 103.

³ Чудинова И.М. Указ. соч. С. 18.

⁴ Семенов И.С. Указ. соч. С. 103.

⁵ Чудинова И.М. Указ. соч. С. 4.

Аномия российского социума реально проявляется в процессе перехода общества от некоего целостного состояния к **фрагментарному, атомизированному**¹. Как отмечает К.Г. Холодковский, «отсутствие ясно выраженного социального структурирования затрудняет позитивную идентификацию граждан через крупные социальные группы». Отсюда соблазнительность «негативной идентификации через противопоставление тому или иному «врагу»,... тем более что механизм такого противопоставления архетипичен»². Современное общество все больше воспринимается людьми как поле битвы за сугубо личные интересы. При этом оказались деформированными механизмы сопряжения индивидов разного уровня. Специфика аномии российского общества состоит в его небывалой **криминальной насыщенности**³. Под криминализацией В.В. Кривошеев понимает такую форму аномии, когда стирается сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия. Преступный мир уже не находится на социальной обочине, он – на авансцене общественной жизни, оказывает существенное воздействие на все ее грани. Право как ценность, регулятор поведения все больше замещается своеволием, групповой целесообразностью, утрачивает свою привлекательность⁴. В таких условиях человек лишается как правовых, так и нравственных механизмов, сдерживающих деструктивную деятельность, и действует по формуле «все средства хороши».

Как было показано в параграфе 1.2, социальными детерминантами деструктивной деятельности человека являются **резкая нисходящая социальная мобильность** и **безработица**, широко распространенные в современной России. По официальным данным, число безработных в 2000 г. составило от 8 до 10 млн., то есть около 10% активного населения. Но эти данные не учитывают колоссальную по масштабам скрытую безработицу. С ее учетом реальный уровень безработицы специалисты оценивают в 15%. Ситуация усугубляется еще и тем, что, по мнению экспертов Минэкономики РФ, Государственный фонд занятости способен обеспечить реальную поддержку занятости при уровне безработицы не более 3%⁵.

В настоящее время в России существует глубокая **пропасть между богатыми и бедными**. Децильный коэффициент (сопоставление 10% самых богатых и 10% самых бедных) значительно превышает социально опасный уровень 1:10, а, по данным В.В. Лунеева, при сопоставлении доходов одного миллиона самых богатых и одного миллиона самых бедных имущественный

---

¹ Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. 2004. №3. С. 95.

² Холодковский К.Г. Факторы, влияющие на развитие толерантности // Публичная сфера и культура толерантности. М., 2002. С. 16.

³ Кривошеев В.В. Указ. соч. С. 95.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Реформирование России: от мифов к реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2000 г.: В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Локосова. М., 2001. С. 9.

разрыв достигает 1:100¹. Несправедливость этого разрыва, образовавшегося за счет фактического разграбления общенародной собственности, совершенного при попустительстве властей, осознается как населением, так и аналитиками². По данным Госкомстата, осенью 2003 г. к числу **бедных** (обеспеченных ниже прожиточного минимума) относились 23% россиян, а согласно экспертным оценкам Фонда общественного мнения – около двух третей населения страны³.

Чисто российским феноменом являются работающие бедные, чьи низкие доходы обусловлены прежде всего неоправданно низким уровнем оплаты труда на государственных предприятиях, безработицей и частичной занятостью, а также неплатежами заработной платы и пенсий⁴. Несмотря на повышение в 2003 г. минимальной оплаты труда, она все еще составляет четверть от прожиточного минимума нетрудоспособного. Подобный феномен нельзя рассматривать иначе, как форму скрытой безработицы. Если работник, отработывая полное рабочее время, не может обеспечить себе минимум средств существования, то он как бы не трудится, а получает лишь пособие за формальную принадлежность к группе работающих⁵. Бедность обладает мощным деструктивным потенциалом. Она ведет к ухудшению здоровья, деградации, депрофессионализации, а в конечном счете – к деградации⁶.

Бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность, несбыточность надежд, крушение планов интенсифицируют процесс **маргинализации** населения. В результате появляется социальный слой **пауперов** как следствие усиливающейся нисходящей социальной мобильности, нарастающей по своей интенсивности. Так формируется **социальное дно**, которое фактически отторгается обществом, практически не знающим его истинных размеров. Исследование, проведенное в шести крупных российских городах Н.М. Римашевской, показывает, что нижняя граница размеров социального дна составляет 10% городского населения, или 10,8 млн человек, в составе которых 3,4 млн человек – нищие, 3,3 млн – бомжи, 2,8 млн – беспризорные дети и 1,3 млн человек – уличные проститутки⁷. Российское дно социально опасно, так как оно склонно к деструкции. По мнению представителей дна, 85% беспризорников и 34% бомжей вооружены холодным оружием, а 28% – огнестрельным. Многие из них употребляют токсичные вещества или наркотики, а также занимаются их распространением⁸. Пауперам нечего терять, они активно привлекаются криминальными структурами для совершения деструктивных действий.

¹ Лунеев В.В. Указ. соч. С. 82.

² Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М., 2001; Лурье О. Украденная Россия. М., 2002.

³ Семенов И.С. Указ. соч. С. 108.

⁴ Социально-экономическое положение России. Январь–июнь 2001 г. VII. Госкомстат. М., 2001. С. 233.

⁵ Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. №4. С. 38.

⁶ Там же. С. 35.

⁷ Там же. С. 39.

⁸ Там же. С. 40.

Таким образом, в современной России продолжается процесс социальной дифференциации: богатые становятся еще богаче, а бедные – нищают. В результате формируются «две России» со своими социокультурными ценностями, образом жизни, образцами поведения: с одной стороны, богатейшее и состоятельное сословие, а с другой – беднейшие (аутсайдеры), официально называемые неудачниками. Именно аутсайдеры, которым нечего терять, склонны к совершению деструктивных действий, кроме того, жизнь вынуждает их совершать убийства за деньги, становиться киллерами и террористами-смертниками. Как справедливо отмечает В.В. Лунеев, современный терроризм в широком понимании данного термина – это не столько столкновение религий, наций, цивилизаций, сколько антагонизм между страшной бедностью нередко потенциально богатых регионов и беспредельным богатством развитых стран. Но и здесь движущей силой выступает не столько сама бедность, сколько величайшая социальная несправедливость в мире, удерживаемая с помощью серьезного прямого и косвенного давления и насилия одних слоев общества над другими, одних стран над другими, одних народов над другими¹.

Рост деструктивной деятельности в России происходит и под влиянием происходящей *этнокультурной дифференциации*, одним из следствий которой является *рост национализма и ксенофобии*. Большинство населения страны крайне негативно относится к миграции и инокультурным влияниям. Так, в ходе сентябрьского 2003 г. опроса ВЦИОМ свыше половины респондентов согласились с тем, что проживающие в России люди нерусских национальностей несут угрозу ее безопасности, причем среди молодежи таковых оказалось 58,7%². Культурная дистанция и различия между представителями «больших» и «малых» этнических групп особенно заметны в зонах компактного расселения мигрантов. Весьма показателен в этом плане Краснодарский край, где за последние 15 лет значительно выросла армянская диаспора и осели десятки тысяч турок-месхетинцев, приехавших из Центральной Азии. Другой очаг этнофобий – Дальний Восток («китайская угроза»). Подобные настроения получают жесткое, часто агрессивное политическое наполнение, стимулируя разработку на уровне местных элит сценариев негативной консолидации, которые опираются на ментальное противостояние «мы» – «они»³.

За период 1994–1999 гг. доля респондентов, неприязненно относящихся к «кавказцам», выросла с 18 до 28%. Опрос общественного мнения, проведенный научно-исследовательским центром при Институте молодежи в августе 1999 г., показал, что 54% жителей столицы «не любят так называемых лиц кавказской национальности и считают, что они должны уехать на родину»⁴. Среди

¹ Лунеев В.В. Указ. соч. С. 82.

² Семенов И.С. Указ. соч. С. 109.

³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1998. С. 261–264.

⁴ Шадже А.Ю., Дамениа О.Н. Толерантность в ценностной системе трансформирующейся России // Социально-гуманитарные знания. 2003. №5. С. 237.

молодежи этот показатель составил 56%¹. После серии терактов в Москве и других российских городах этот показатель стал еще выше.

Быстрыми темпами в современной России идут процессы *алкоголизации* и *наркотизации* населения, способствующие деструктивным изменениям личности. Употребление алкоголя в настоящее время представляет собой массовое явление. По данным экспертов, годовой оборот водочной продукции составляет в России более 300 млн декалитров. Высокий уровень алкоголизации населения нашей страны является не просто причиной деструктивных изменений личности алкоголика, но и причиной их гибели. Так, число умерших от отравления самостоятельно произведенным алкоголем в 2000 г. увеличилось по сравнению с 1991 г. более чем в два раза. Число умерших за это время от передозировки алкоголя составляет 341 тыс. человек. Согласно данным Госкомстата за 2000 г., в России было зафиксировано 22 979 смертельных случаев отравления алкоголем, а за 9 месяцев 2001 г. – 24 260 смертей по той же причине. Если сегодняшние тенденции сохранятся, то, как считают ученые, через 20–25 лет в стране будут проживать лишь 100 млн человек, а примерно к 2075 году – 50–55 млн человек². Как отмечает Т. Горобец, «алкогольная аутодеструкция – массовая, целенаправленно сформированная патологическая потребность российского человека сегодня»³.

В последнее десятилетие в нашей стране наблюдались *высокие темпы роста числа больных наркоманией*. В России в 2003 г. число только официально зарегистрированных больных наркоманией составило более 340 тыс. человек, что в 9 раз больше, чем в 1993 г.⁴. Однако пациенты лечебно-профилактических учреждений – это лишь небольшая часть людей, злоупотребляющих наркотическими и другими психоактивными веществами. По оценкам экспертов, реальное число потребителей наркотических средств на порядок выше. По данным Председателя Госнарконконтроля России В.В. Черкесова, оно достигает 4 млн человек, или около 3% населения России. По данным министра образования РФ В.М. Филиппова, сегодня 6,5 млн россиян периодически употребляют наркотические средства (или почти 4,5%), из которых 2 млн человек страдают наркотической зависимостью⁵. По расчетам М.Е. Поздняковой, число наркоманов в России превышает 10 млн человек⁶. О темпах наркотизации свидетельствуют, в частности, данные о молодежи допризывного возраста. Так, с 1995 по 2000 год число лиц, освобожденных от призыва на военную службу в связи с заболеванием наркоманией, выросло с 4,7 тысяч до 20,9 тысяч человек. Количество злоупотребляющих наркотическими

---

¹ Там же.

² Горобец Т. Алкоголизм и безопасность социума // Безопасность Евразии. 2003. №1. С. 363.

³ Там же.

⁴ Андреев З.М., Билкей С.И., Ковалев В.И. Наркомания в России: состояние и проблемы (на примере Тюменской области) // Социально-гуманитарные знания. 2003. №5. С. 139.

⁵ Щербакова Е.М. Нарконадзор в России. О чем говорит статистика // Социологические исследования. 2004. №1. С. 70–71.

⁶ Позднякова М.Е. Социальные и психологические предпосылки наркотизации // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 534.

средствами за период от постановки на воинский учет до призыва на военную службу увеличилось в 6,5 раза¹. Уже к 2001 г. в России не осталось ни одного региона, где не были бы зафиксированы случаи употребления наркотиков или их распространения. Наркомания окончательно превратилась в масштабную общенациональную проблему, несущую прямую угрозу государству и обществу. Ведь по последним экспертным оценкам, каждый наркоман вовлекает в употребление наркотиков 13–15 человек, создавая тем самым своего рода «снежный ком» наркомании².

Прогрессирующее ухудшение наркоситуации в России сопровождается неуклонным *«омоложением» современной российской наркомании*. Среди общего числа наркоманов 82% составляют молодые люди в возрасте до 24 лет, а преобладающий возраст приобщения к наркотикам в последние годы снизился с 17–18 до 12–13 лет³. Подростки злоупотребляют наркотиками в 7,5 раза, а ненаркотическими психоактивными веществами – в 11,4 раза чаще, чем взрослые⁴. По состоянию на декабрь 2002 г. на учете в наркологической службе состояли 9 тысяч подростков в возрасте до 14 лет с диагнозом наркозависимость и еще 16 тысяч – на профилактическом учете⁵.

Наркотики становятся все более и более доступными для молодежи. Например, в школах Москвы отмечены факты массовой продажи наркотиков по сверхзаниженным ценам с очевидной целью: обеспечить привыкание к наркотикам как можно большего числа школьников. Естественно, что впоследствии цена резко повышается. Фиксируются случаи и бесплатного (на первом этапе) распространения наркотиков во многих регионах страны в молодежной среде. В частности, в Приамурье в ходе акции «Жизнь без страха» установлено, что более 50% молодых людей употребляют наркотики регулярно, а почти 90% пробовали наркотики.⁶

Результаты исследований показывают, что в современном российском обществе *становится менее жестким отношение к наркоманам*⁷. Проблемы наркотизма являются предметом обсуждения в бытовых

---

¹ Материал парламентских слушаний от 14 октября 2002 г. на тему: «О проблеме противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных препаратов в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, где законодательством предусмотрена военная служба». М., октябрь 2002 г. С. 1–2.

² Наркомания в России: угроза нации. Аналитический доклад Совета по внешней и оборонной политике. Доклад подготовлен рабочей группой под руководством А.В. Федорова, Москва, 2001 г. // Независимая газета. 2001. 11 мая.

³ Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути. Основные выводы и предложения Государственного доклада Правительству РФ / Отв. ред. В.А. Луков, В.А. Родионов, Б.А. Ручкин. М., 2000. С. 91–95.

⁴ Гыскэ А.В. Теоретико-методологические аспекты обеспечения общественной безопасности Российской Федерации. М., 2000. С. 120–121.

⁵ Тенденции распространения наркологических заболеваний в Российской Федерации в 2002 г. НИИ наркологии Министерства здравоохранения России. М., 2003. С. 2.

⁶ Гыскэ А.В. Указ. соч. С. 128–129.

⁷ Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Наркотизация в России – шаг до национальной катастрофы // Социологические исследования. 1998. №8. С. 66–67.

кругах. У значительной части молодежи наркотики вызывают интерес, переходящий границы бытовой любознательности. Заметно сократилось расстояние между нормой и отклонением, стирается грань между допустимым и недозволенным. Потребление наркотиков уже не является из ряда вон выходящим явлением. Быть «обколотым», «обкуреным» «стильно», модно, престижно. Жаргонные выражения наркоманов становятся широко употребительными среди подростков и юношей, устойчиво входят в молодежный сленг, употребление их придает речи особый «шик». Анекдоты, байки, истории, шутки о наркоманах вызывают у молодых людей бурную реакцию, придают остроту общению.

За последнее время претерпела значительные изменения и социально-демографическая структура наркотизации молодежи. Теперь все чаще **потребителями наркотиков становятся достаточно социально адаптированные и благополучные люди**. По данным исследований, из числа употребляющих наркотические вещества подростков или тех, кто обнаруживает склонность к их потреблению, около 3/4 живут в полных семьях, родители их в большинстве своем служащие, инженерно-технические работники, учителя, врачи, представители интеллигенции. Теперь все чаще наблюдаются случаи наркотизации элитарной части российской молодежи – студенческой¹. Из числа респондентов, обнаруживших тенденцию к употреблению наркотиков, более половины составляют студенты высших учебных заведений города.

Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время в стране быстрыми темпами развивается процесс сознательной и направляемой легализации распространения наркотиков среди различных групп населения, поддерживаемый как внутри страны, так и извне. Если в самое ближайшее время со стороны государства не будут осуществлены законодательные меры в отношении усиления ответственности, в том числе и уголовной, за потребление наркотиков в немедицинских целях, то есть вероятность того, что сбудется прогноз независимых экспертных источников, согласно которому при нынешнем темпе наркотизации к 2060 г. 80% учащейся молодежи и подростков станут потребителями наркотиков.

Итак, в последнее десятилетие в стране неуклонно растет число больных наркоманией, причем в наиболее тяжелой ее форме – героиновой. Наркотики широко распространяются в молодежной среде, представляя серьезную угрозу генофонду нации. Ситуация усугубляется тем, что в распространении наркотиков чрезвычайно заинтересована определенная часть общества, именуемая наркопреступниками. В России **наркобизнес** стал одним из наиболее прибыльных видов преступной деятельности. Ежегодно расширяются масштабы **наркопреступности**. Ее уровень определяется возросшей активностью организованных преступных группировок, прежде всего этнических, наладивших межрегиональные и международные связи и сформировавших наркорынок России. За период с 1991 по 2001 гг. количество

---

¹ Там же.

преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, увеличилось в 15 раз. В первом полугодии 2001 г. зарегистрировано свыше 130 тыс. наркопреступлений, что на 11,3% превышает показатели аналогичного периода предыдущего года. Четвертая их часть приходится на Краснодарский край, города Санкт-Петербург и Москва, Свердловскую, Ростовскую и Самарскую области. Из них почти 61 тыс., или 46,8%, являются тяжкими и особо тяжкими, к уголовной ответственности за преступления, связанные с наркотиками, в 2000 г., привлечено около 130 тыс. человек, что на 4,2% больше, чем в 1999 г., и в 11,7 раза больше, чем в 1991 г. Среди преступников, причастных к незаконному обороту наркотиков, преобладает молодежь, а также лица без определенных занятий¹.

Прогрессирующий рост заболеваемости наркоманией и укрепление российского наркобизнеса представляют в настоящее время угрозу национальной безопасности страны и требуют как теоретического анализа проблемы наркобезопасности, так и решительных действий со стороны правительства.

В связи с растущим *распространением новых информационных технологий* в различных слоях общества в настоящее время в России возникают и виды деструктивной деятельности, характерные для информационного общества, причем их число, вероятно, будет расти. По данным департамента регулирования предпринимательской деятельности и корпоративного управления Министерства экономического развития и торговли РФ доступ к Интернет в 2003 г. имели 8,5 млн пользователей, из которых 35% осуществляли его с личных компьютеров; 45% – с компьютеров предприятия; 20% – из публичных, государственных учреждений. К 2005–2006 гг. их число увеличится в 2,3 раза и достигнет 20 млн². С темпами компьютеризации страны сопоставим и *рост компьютерной преступности*. Взломами занимаются представители самых разных возрастных категорий и социальных слоев населения. В 2002 г. совершено 3,5 тыс. подобных правонарушений, что в 3,5 раза больше, чем в 2001 г.; в 2003 г. только в первом квартале их уже насчитывалось 2 850³. Согласно данным Экспертно-криминалистического центра МВД России, русский хакер – это подросток или мужчина в возрасте от 15 до 45 лет, как правило, не привлекавшийся к уголовной ответственности; владеющий компьютером в диапазоне от начального до высокопрофессионального уровня; добросовестный работник, но с завышенной самооценкой, нетерпимый к насмешкам, потере социального статуса; отличается ярко выраженной индивидуальностью, обычно скрытен, любит уединенную работу, мало общителен. Русские хакеры в большей степени предрасположены к идеологическому обоснованию взломов, чем их собратья за рубежом⁴. К причинам интенсивного роста деятельности хакеров

¹ Андреев З.М., Билкей С.И., Ковалев В.И. Указ. соч. С. 140.

² Скородумова О.Б. Хакеры как феномен информационного пространства // Социологические исследования. 2004. №4. С. 70–71.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 78.

О.Б. Скородумова относит институализацию и ведение целенаправленной пропагандистской деятельности; заинтересованность государственных и криминальных структур в сотрудничестве с хакерами, что способствует резкому повышению их самооценки; привлечение известных хакеров на престижные должности в ведущие фирмы; романтизацию образа хакера средствами массовой информации¹. Российский тип *хакеров* обусловлен общими чертами культурного развития нашей страны: неопределенностью самосознания и поиском культурной идентичности; бинарным характером существования и развития культуры; коллективизмом сознания, отрицающего иерархию; отношением к власти и законам как внешнему, чуждому элементу; установкой на восприятие руководителя государства как защитника народа и противопоставлением его бюрократическим структурам. Характерно и двойное отношение к хакерам: с одной стороны, отождествление их с преступниками, с другой – стремление увидеть у начинающих хакеров творческий импульс, требующий государственной и общественной поддержки².

Итак, в трансформирующемся обществе современной России деструктивная деятельность человека получила значительное распространение. Ценностно-нормативный кризис, раскол российского общества по базовым ценностям осложняет процессы идентификации в обществе и не позволяет выработать социально-нормативное отношение к деструкции. Росту деструктивной деятельности человека в России способствуют атомизация и криминализация общества, резкая нисходящая социальная мобильность, безработица и маргинализация значительной части населения. Серьезной детерминантой деструктивной деятельности в российском обществе являются значительный разрыв между уровнем доходов богатейших и беднейших слоев населения и значительное число лиц, находящихся за чертой бедности. В последние десятилетия в стране наблюдается рост числа убийств и террористических актов, компьютерной преступности и вандализма. Серьезной проблемой становится аутодеструкция как в форме самоубийств, так и в виде аутодеструкции личности. Растущая деструктивность в настоящее время является в России существенной угрозой национальной безопасности и требует разработки комплексной программы, направленной на ее снижение.

---

¹ Там же.

² Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека, проведенный в данной работе, позволил сделать следующие выводы.

- Некоторые аналоги деструктивной деятельности имеются в животном мире, однако деструкция в животном мире распространена гораздо меньше, чем среди людей. Межвидовую борьбу животных мы не можем считать деструктивной деятельностью, так как эта борьба способствует сохранению вида. Ее аналоги чаще всего встречаются у общественных насекомых, уничтожающих вторгшихся к ним представителей другого сообщества, а также у крыс и некоторых видов приматов, ведущих организованную борьбу между семьями и превращающихся при этом в настоящих убийц.
- Анализ биологической детерминации деструктивной деятельности показывает, что в отдельных случаях к деструкции приводят органические повреждения головного мозга, дисбаланс мозговых нейротрансмиттеров. Склонность к разрушению проявляется у людей в случае пониженного содержания серотонина в ткани мозга, при гипогликемии. Возможно, на деструктивную деятельность человека оказывают влияние лишняя Y-хромосома и повышенный уровень тестостерона. Однако данные о биологической детерминации деструктивной деятельности человека спорны и нуждаются в дальнейшей экспериментальной проверке.
- Изучение психических оснований склонности человека к разрушению свидетельствует, что деструктивные действия, как правило, совершают люди, которые не смогли удовлетворить свои фундаментальные потребности, прежде всего потребность в самоутверждении, в реализации своего творческого потенциала. Неудовлетворенность основных потребностей порождает у человека состояние фрустрации, высокую тревожность, утрату смысла жизни – и одним из возможных способов преодоления личностных проблем в такой ситуации может стать деструктивная деятельность. Разрушая, личность преодолевает свою ничтожность, изолированность от общества. В процессе деструктивной деятельности человек доказывает, прежде всего самому себе, свою значимость.
- Значительное влияние на деструктивную деятельность человека оказывают социокультурные детерминанты. К их числу относятся прежде всего информационные различия между представителями отдельных социокультурных групп, а также растущее отчуждение человека от природы и общества. Деструктивные тенденции усиливаются в условиях ценностно-нормативного и экономического кризиса в обществе. Потенциальным источником деструкции могут стать резкая нисходящая или прерванная восходящая социальная мобильность, сложные бытовые и семейные

проблемы, обилие отрицательной, пугающей информации, обрушивающейся на людей.

- Принимая во внимание значимость биологических, нейрофизиологических, психических и социокультурных детерминант деструктивной деятельности, следует отметить, что понять ее всеобщую распространенность можно лишь исходя из того, что человек представляет собой сверхсложную систему и является единством порядка и хаоса. Стремление к деструкции – это проявление хаоса, который оказывает значительное влияние в бифуркационные периоды индивидуальной жизни, когда человек утрачивает способность к контролю над собой.
- В зависимости от социокультурных и психических факторов, а также от особенностей нервной системы деструкция может быть направлена человеком на самого себя или вовне. Основными формами аутодеструкции являются физическое уничтожение человеком самого себя – суицид или аутодеструкция личности вследствие алкоголизма, наркомании, токсикомании. Деструкция, направленная вовне, может иметь целью уничтожение другого человека (убийство (индивидуальное или массовое, которое может осуществляться в ходе войны), каннибализм); разрушение социума или определенных общественных отношений (террористический акт, революция, государственный переворот), разрушение неодушевленных предметов, архитектурных памятников и других произведений искусства (вандализм), а также природной среды.
- Аутодеструкция разнопланова, она включает не только суицид – тотальную форму саморазрушительной деятельности человека, но и различные формы деструктивных изменений личности. Под деструктивными изменениями личности в данной работе понимается патологический процесс разрушения структуры личности или отдельных ее элементов.
- Аутодеструкции личности могут способствовать длительные, интенсивно выраженные аффективные переживания, неблагоприятные условия социализации индивида, психические и некоторые иные заболевания. Деструктивные изменения личности могут носить как обратимый, так и необратимый характер, быть как следствием аутодеструктивной деятельности человека, так и явиться результатом целенаправленного внешнего воздействия, каковому подвергаются, например, адепты деструктивных религиозных сект. В настоящей работе к основным формам деструктивных изменений личности относятся патологическая деформация личностных потребностей и мотивов, деструктивные изменения характера и темперамента, нарушение волевой регуляции поведения, нарастание аутизма, формирование неадекватной самооценки и нарушение межличностных отношений, амнестические расстройства, тотальное слабоумие и психический маразм.
- К основным способам аутодеструкции следует отнести злоупотребление психоактивными веществами (наркотиками, алкоголем) и патологическую нехимическую зависимость: Интернет-аддикцию, гэмблинг (патологическую

страсть к азартным играм) и некоторые другие. Данные виды аддикции мы можем отнести к способам аутодеструкции личности, так как для их формирования необходима личная активность, причем человек, употребляющий психоактивные вещества или злоупотребляющий игрой, осознает их возможные разрушительные последствия, однако пребывает в уверенности, что его они не коснутся.

- Следствием злоупотребления психоактивными веществами или патологической нехимической зависимости могут явиться патологическая деформация потребностей и мотивов, искаженное восприятие собственной личности, нарушение волевой регуляции поведения, деструктивные изменения характера и темперамента, в частности усиление интроверсии, затруднение коммуникации, рост аутизма. Как правило, в случае патологической нехимической зависимости деструктивные изменения личности являются обратимыми. В случае же зависимости от психоактивных веществ возможны глубокие деструктивные изменения личности, при которых на первый план выступает деменция – значительное интеллектуальное снижение, причем при прекращении употребления психоактивных веществ полного восстановления интеллектуальных функций личности не происходит.
- Крайней формой аутодеструктивной деятельности человека является суицид. Под самоубийством (суицидом) понимается умышленное (намеренное) лишение себя жизни. Самоубийством не считается лишение себя жизни лицом, не осознающим своих действий или их последствий в силу психического состояния или младенческого возраста (обычно до 5 лет). Самоубийство детерминировано теми же факторами, что и деструктивная деятельность в целом, однако имеет и свои закономерности. Так, если в целом к деструкции более склонны молодые люди, наибольшее число завершенных самоубийств совершается в период от 40 до 65 лет.
- На протяжении своей истории человечество не выработало единой точки зрения на проблему суицида. Спектр мнений по этому поводу достаточно широк: от крайнего неприятия и осуждения до полного оправдания и даже призывов к добровольному уходу из жизни. В ряде традиционных обществ суицид романтизируется и объявляется самым значительным делом в жизни человека. Социокультурные факторы, в частности культурные нормы и образцы поведения, оказывают значительное влияние на аутодеструкцию. Если в обществе суицид не осуждается, подобный способ ухода из жизни случается там гораздо чаще, чем в обществах, где отношение к суициду резко отрицательное. Безусловно, проблема самоубийства нуждается в дальнейшем комплексном изучении, которое позволит снизить уровень его распространенности в обществе.
- В настоящее время мировая цивилизация входит в новый этап развития, который исследователи называют информационным или постиндустриальным. Кардинальные изменения социально-экономических условий существования человека, новые революционные технологии, глобализация экономики оказывают существенное влияние на специфику

деструктивной деятельности человека в современном мире. При этом, несмотря на ряд общих характеристик, деструктивная деятельность человека имеет свою специфику, зависящую от типа цивилизации, различаясь в информационном обществе Запада, Востока и трансформирующемся обществе России. Большое влияние на нее оказывают социальные отношения, ценностные установки, культурные стереотипы, нормы и правила поведения, сложившиеся в том или ином обществе. Социокультурные традиции определяют как отношение людей к деструкции, так и представления о том, где допустима деструктивная деятельность, а где нет. В разных обществах складываются и различные механизмы воздействия на его членов с целью регуляции деструктивной деятельности.

- В информационном обществе негативные последствия деструктивной деятельности человека значительно возрастают в связи с изобретением новых видов вооружения, как смертоносных, так и бессмертных. Значительное распространение получают террористические акты. Деструкции подвергается окружающая среда, причем масштабы ее разрушения позволяют говорить о настоящей экологической катастрофе; распространяется вандализм, разрушаются памятники архитектуры и искусства.
- В информационном обществе Запада широко распространены такие формы деструктивной деятельности человека, как терроризм, вандализм, убийство, аутодеструкция. Этому способствуют рост отчуждения, а также изменения, произошедшие в системе ценностей. В современном западном обществе формируется идеал независимой, автономной личности, сориентированной на карьеру и успех, зачастую измеряемый количеством денег. Человек остро ощущает свое одиночество, изолированность и ненужность. В этих условиях ему важно доказать, что он что-то собой представляет, он стремится быть замеченным, самореализоваться любым путем, в том числе и путем совершения деструктивных действий.
- Восток и Запад представляют собой две во многом противоположные культурные традиции, два типа духовности. Эти традиции проявляют себя в образе жизни народов, их психологии, нравственных принципах, ценностных ориентациях, которые, в свою очередь, определяют специфику деструктивной деятельности человека.
- В информационном обществе Востока деструктивные действия, направленные на представителей своей общности, своей страны или на природную среду, встречаются намного реже, чем на Западе. Совершение таких действий противоречит ценностям гармонии, стабильности, неконфронтационности, существующим в обществе данного типа. Однако, не находя выхода вовне, деструктивность часто направляется индивидом на самого себя, и он совершает самоубийство. Аутодеструкция является достаточно распространенной в информационном обществе Востока, причем сам акт суицида окружается романтическим ореолом, прославляется в литературе и искусстве, что также способствует его распространению.

- Реалии информационного общества привели к возникновению на Востоке таких видов деструктивной деятельности, как терроризм и хакерство. Их распространение является следствием глобализации и произошедшего под ее влиянием кризиса идентичности, характерного для населения ряда высокоразвитых восточных обществ. Информатизация делает общество Востока более уязвимым перед деструкцией и заставляет обращать особое внимание на проблему собственной безопасности.
- Особую распространенность деструктивная деятельность человека получила в современной России, что обусловлено сложностью процессов социально-экономической и политической трансформации. Ценностно-нормативный кризис, раскол российского общества по базовым ценностям осложняет процессы идентификации в обществе и не позволяет выработать социально-нормативное отношение к деструкции. Росту деструктивной деятельности человека в России способствуют атомизация и криминализация общества, резкая нисходящая социальная мобильность, безработица и маргинализация значительной части населения. Серьезной детерминантой деструктивной деятельности в российском обществе является значительный разрыв между уровнем доходов богатейших и беднейших слоев населения и значительное число лиц, находящихся за чертой бедности. В последние десятилетия в стране наблюдается рост числа убийств и террористических актов, компьютерной преступности и вандализма. Серьезной проблемой становится аутодеструкция, как в форме самоубийств, так и в виде аутодеструкции личности. Растущая деструктивность в настоящее время является в России существенной угрозой национальной безопасности и требует незамедлительных действий со стороны властей.
- Учитывая, что творчество и деструкция имеют во многом общую природу, следует отметить, что снизить негативные последствия деструктивной деятельности человека можно лишь переориентировав ее в деятельность созидательную, творческую. Чтобы деструктивная деятельность не получила широкого распространения, в обществе должны быть созданы условия для самореализации и продвижения по социальной лестнице, должна существовать разделяемая большинством система ценностей, ориентирующая индивида на творческую самореализацию, а не на деструкцию. Пытаясь уменьшить негативные последствия деструктивной деятельности, важно осознавать, что хаос, заложенный в природе человека, неизбежно потребует выхода, но в чем он найдет свое воплощение – в созидании или разрушении – зависит от общества и от самого человека.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. БИОПСИХИЧЕСКАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	11
1.1. Биопсихическая детерминация деструктивной деятельности человека	11
1.2. Социокультурная детерминация деструктивной деятельности человека....	28
1.3. Синергетический подход к деструктивной деятельности человека	47
Глава 2. АУТОДЕСТРУКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА	60
2.1. Деструктивные изменения личности как следствие аутодеструктивной деятельности человека	60
2.2. Способы аутодеструкции личности	72
2.3. Суицид как крайняя форма аутодеструктивной деятельности человека	89
Глава 3. ДЕСТРУКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ ЗАПАДА, ВОСТОКА И РОССИИ.....	111
3.1. Деструктивная деятельность человека в информационном обществе Запада	111
3.2. Деструктивная деятельность человека в информационном обществе Востока	129
3.3. Деструктивная деятельность человека в трансформирующемся обществе России	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154

Научное издание

Лысак Ирина Витальевна

*Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности
современного человека*

Ответственная за выпуск
Редактор
Корректор

Лысак И.В.
Проценко И.А.
Лунева Н.И.

ЛР №020565 от 23 июня 1997 г. Подписано к печати 1.11.04

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная

Офсетная печать. Усл. п. л. – 10,0. Уч.-из. л. – 9,7.

Заказ № 314 Тираж 500 экз.

«С»

Издательство Таганрогского государственного
радиотехнического университета
ГСП 17 А, Таганрог, 28, Некрасовский, 44
Типография Таганрогского государственного
радиотехнического университета
ГСП 17, Таганрог, 28, Энгельса, 1